Се аз и дети мои

Автор-составитель
Агриппина Малышева

Санкт-Петербург
2017

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви

ИС Р17-706-0230

ББК 86.372
М20

М20 **Се аз и дети мои**.
Автор-составитель А. Малышева. СПб: Контраст, 2017. — 346 стр., илл.

Главный «герой» этой книги — иеромонах Петр (Серегин), который 16 лет был духовником в Свято-Успенском Пюхтицком монастыре. В книге также собраны рассказы о «семье отца Петра» — о судьбах многих замечательных подвижниц и подвижников нашего времени. Во второй части рассказывается о старцах псково-печерских, духовным братом и учеником которых был отец Петр (Серегин).

Третья часть посвящена духовному отцу составительницы этой книги протоиерею Владимиру Каменскому.

© Малышева А., 2017

И с начала моего пастырского пути мне ничем не хотелось быть, как только малой рыбкой, которая была благословлена Христом, преломлена и роздана людям. Эта рыбка не оскудела в истории человечества. Она до сих пор многообразно питает всех, а особенно мудрых и простодушных, и одна из молитв моих была о том, чтобы и мне стать такой рыбкой никчемушней, которую благословил Христос. Возможно это всякому. Надо только человеку осознать себя чем-то завалящим, ничего не имеющим, но — открытым благословению.

Архим. Иоанн Шаховской. «Белая Церковь»

Содержание

Предисловие. *Л. Ильюнина* 5

Часть I.

«О Пюхтица родная, о колыбель моя!» 7

Глава 1. Пюхтица и ее блаженные 9

Глава 2. Духовник обители
и его духовные чада 71

Глава 3. Насельницы обители.
Пюхтицкие зарисовки 120

Часть II.

Немного о Печорах 271

Преподобный старец Симеон 277

Печерские старцы 293

Часть III.

Сто и пятьдесят и три 317

Заключение 346

Предисловие

Святой нашего времени — прп. старец Паисий Святогорец — писал о том, что «наш священный долг писать о великих духовных деяниях современников, об их усердной борьбе в приближении к Богу». Особенно о тех, с кем Господь сподобил нас лично встретиться или услышать об их жизни из уст ближайших духовных чад. Автор-составитель этой книги лично знала почти всех подвижников, которым книга посвящена. Составлена она принципиально как соборный труд, она состоит из множества цитат — свидетельств разных людей, а также из собственных рассказов подвижников и старцев о пройденной со Христом жизни.

В первой части этой книги повествуется о приснопоминаемом иеромонахе Петре (Серегине), который 16 лет был духовником в Свято-Успенском Пюхтицком монастыре, а потом десять лет окормлял своих чад, монашествующих и мирян, обосновавшись в трех километрах от монастыря на уединенном хуторе.* В книге также рассказывается о «семье отца Петра» — о судьбах многих замечательных подвижниц и подвижников нашего

* Познакомиться с духовным наследием отца Петра можно на сайте «Крестный путь священнослужителя», где выложено две тысячи заметок и поучений батюшки. Материалы для публикации подготовлены внучкой иеромонаха Петра — Е. Г. Кучеровой.

времени. Автор-составитель поставила для себя задачей передать часть того духовного богатства, с которым она соприкоснулась, другим людям, чтобы читатели книги могли получить духовную пользу, порадоваться и удивиться тому, что совсем еще недавно верующие люди жили так чисто, с таким порывом к высоте евангельского служения. Они были теми евангельскими рыбками, которых преломил и умножил Господь, дабы они смогли напитать многих и многих.

Во второй части рассказывается о старцах псково-печерских, духовным братом и учеником которых, несомненно, был отец Петр (Серегин).

Третья часть посвящена духовному отцу составительницы — замечательному священнику, — протоиерею Владимиру Каменскому. Настоящим духовным украшением книги являются приводимые во множестве стихи отца Владимира.

Закончим это краткое предисловие также словами прп. старца Паисия: этот труд был предпринят для того, «чтобы нарисовать живую картину благодати и сделать для читателей более понятным святоотеческий дух, который господствовал еще совсем недавно» среди верующих людей.*

Людмила Ильюнина

---

* Старец Паисий Святогорец. Творения. М.: «Святая гора», 2013. С. 167.

Часть I

«О Пюхтица родная,
О колыбель моя!»

Проходят чередой воспоминанья –
Дороги, судьбы, встречи, расставанья...

Глава 1. Пюхтица и ее блаженные

Люблю тебя, Пюхтица!

Среди топи эстонских болот и дремучих лесов, посреди народа, чуждого Православию, велением Божией Матери появилась ты. Тянется к тебе длинная лента пыльной дороги, по которой мчатся автобусы, спешат машины и, жужжа, летят мотоциклы. Несутся они мимо хуторов с домами, увенчанными высокими крышами, мимо людей со светлыми голубыми глазами и волосами цвета спелой ржи, мимо лесов и полей со стрекочущими на них тракторами. Красивый эстонский пейзаж.

Но вот один поворот дороги, другой — и на высокой горе, как несбыточный в наши дни вымысел, как старинная сказка — пятиглавый собор. Мелькнул и исчез. Еще поворот, еще... И вот во всей красоте сияет крестами, блестит куполами, зовет, широко открывая объятия, Пюхтица!

Русская, православная, родная...

С перезвоном колоколов, с пением сестер, с молитвой отцов, с кадильным дымом, с утешением для страждущих, надеждой для плачущих и светлой радостью для преисполненных верой.

Люблю тебя, о Пюхтица! Всегда ты прекрасна! И в роскоши летнего убора, опоясанная лентой золотых хлебов, и в багрянице осенних кленов, и в серой дымке дождя, и в белой мохнатой шубе суровой зимы, и в зеленых сережках распускающихся берез.

Благословенна ты, Пюхтица!

Еще не припал к твоему подножию тот певец, который будет петь о твоей красоте, о твоих чудесах и о тех, кто, оставив отца своего и матерь, пришли под твою сень служить Той, Которая превыше небес.

Написано неизвестным лицом
в середине 60-х годов

На северо-востоке Эстонии, между Финским заливом и Чудским озером, посреди обширной равнины возвышается величественный холм, в древности носивший название Куремяэ, в переводе с эстонского — Журавлиная гора.

История этого края овеяна славой воинов святого благоверного князя Александра Невского, сражавшихся с полчищами крестоносцев.

Первая христианская вера, пришедшая в эти края — Православие. И только через 200 лет сюда пришли крестоносцы, которые огнем и мечом насаждали католичество, а позднее — лютеранство.

В XV столетии здесь появились первые мученики за православную веру. Во время крещенского водосвятия на реке Омовже в Юрьеве (Тарту) пресвитер Никольской церкви с 72 прихожанами были брошены в тюрьму, а затем под лед Иордани.

Божья Матерь — Утешительница и Защитница обидимых — явилась на северо-востоке Эстонской земли в то время, когда православные подвергались притеснениям. Знаменательно, что первыми Ее на Святой

горе, где сейчас стоит монастырь, увидели местные крестьяне-лютеране. Они, не наученные почитанию святых и Самой Царицы Небесной, были поражены явлением «Жены, сияющей неземной красотой». Трижды являлась Святая Дева простецам эстам и как материальное свидетельство чудесного явления оставила в расщелине дуба икону Своего Преславного Успения. И доныне древний дуб-великан, которому, по исследованиям ученых-дендрологов, уже более тысячи лет, встречает нас при подъезде к монастырю. Раньше к дубу можно было прикоснуться рукой, и шершавая кора, казалось, отвечала на твое прикосновение старческим приветом, но теперь дуб стал не просто старым, а дряхлым, потому его обнесли оградой, как будто угасающему дедушке дали под руки ходунки-подпорки. О том, что дуб этот непростой, говорит тот факт, что он единственный из обширной дубовой рощи, о которой упоминается в Сыренецкой летописи XVI века, уцелел до сего дня и превратился в редкостного долгожителя.

Стоишь у подножья дуба-великана (высота его 26,5 м, в обхвате — 4 м) и представляешь, как выглядела окружающая местность в XVI веке, когда ее освятила Сама Богородица: величественных построек тут не было, на много километров во все стороны простирались дремучие леса, поля и луга. Неподалеку от Богородицкой горки (так назвали это место

после явления Богоматери) в лесу скрывались чистые озера, по берегам их жили крестьяне, которые, не зная отдыха, трудились не только на себя, но и на немецких баронов — местных помещиков. Русские поселенцы появились здесь еще во времена древние — в XI–XII веках через эти места пролегал торговый путь, соединявший Новгородскую и Псковскую землю с древними городами Юрьевом (Тарту) и Ревелем (Таллином).

В нескольких десятках километров на восток от Пюхтиц тихо плескалось большое Чудское озеро, а на западе тревожно билось о камни Балтийское море (Финский залив). И озеро, и залив, и леса, и поля — не сошли со своих мест, а вот жители, населявшие эти места, очень изменились. Как, впрочем, и во всем мире. Те, кто жил здесь на протяжении столетий, не стремились к комфорту, не боялись трудностей и духовное ставили выше материального.

Простые души самозабвенно чтили святыню — икону Успения Божией Матери перенесли от места ее явления за двадцать пять верст в село Сырынец (там святыня была в большей безопасности), — и каждый год на праздник Успения Божией Матери 15/28 августа православные совершали крестный ход по непроезжим дорогам, темным лесам и болотам, преследуемые «иконоборцами»-лютеранами. Идти крестоходцам нужно было порой по колено в воде и грязи, а за вход на

Пюхтица. Часовня свт. Николая

земли «частного собственника» — местного помещика — еще нужно было и заплатить...

Приходили в Пюхтицы, водворяли икону Успения в небольшую часовенку, стоявшую на месте той, что и сейчас мы видим рядом с легендарным дубом, и молились Царице Небесной, чтобы не оставила их край. Молились и на незамерзающем чудотворном источнике, который также был освящен явлением Приснодевы еще во времена древние. И чистосердечная молитва наших далеких предков привлекла на это место, как говорили подвижники, «сугубую благодать» (то есть еще большую, чем прежде). Подвиг крестоходцев продолжался почти три столетия. Наконец в 1885 году Пюхтицкая часовня была обращена в церковь, и уже на следующий год в официальных бумагах был зарегистрирован переход в православие многих местных крестьян-лютеран. А в 1887 году встал вопрос об учреждении на святой горе женской обители. Генерал-губернатор Эстляндии князь С. В. Шаховской ходатайствовал перед Государем Императором Александром III о поддержке Иеввенского православного братства, которое вынашивало планы создания на Богородичной горке монастыря, и получил щедрое пожертвование. В ответ на это из уст правящего архиерея преосвященного Арсения прозвучали пророческие слова: «...на святой горе (Пюхтица) должен быть женский монастырь...

и будет он иметь такое значение в нашем крае, как Лавра в Киеве и в Москве».*

Вскоре случилось еще одно чудо: наскоро срубленная Пюхтицкая церковь за десять лет пришла в плачевное состояние, возобновить ее решил нарвский купец-лютеранин Христиан Набор. Он не только пожертвовал денежное вспоможение, но и прислал своих рабочих, и сам не раз приезжал в Пюхтицы, чтобы лично руководить ремонтными работами. Когда благоукрашалась церковь, в которой теперь хранилась святыня всей Эстонской земли — икона Успения Божией Матери, нашелся и еще один благотворитель — купец из г. Везенберга Александр Колчин. На его средства была проложена дорога от церкви к цельбоносному источнику. Работа эта была нелегкая — нужно было вырубить дикие кустарники и деревья, сделать насыпь и проложить мостки через ручей.

В 1888 году праздник Успения Божией Матери в Пюхтицах собрал невероятное число паломников со всей Эстонии и из России — девять тысяч человек молились под открытым небом, вознося благодарение Божий Матери за то, что Она столько веков сплачивала и хранила православный люд на древней земле эстов. «В Успении мира не оставила еси, Богородице», — едиными устами и единым

* Пюхтицкая обитель и ее покровитель св. прав. Иоанн Кронштадтский. Издание Пюхтицкого монастыря, 2009. С. 23.

сердцем воспевали паломники, надеясь на то, что Святая гора не будет оставлена ее небесной Посетительницей.

После этих общенародных молений Матерь Божия послала будущему монастырю великого покровителя, который не оставлял заботу о Пюхтицах до конца своих дней — святого праведного Иоанна Кронштадтского. Княгиня Елизавета Шаховская написала ему письмо с описанием православной миссии в Эстонии, написала о строительстве в Иевве (ныне Йыхви) лечебницы для крестьян и школы и о надежде на чудо дальнейшего распространения миссии. Отец Иоанн ответил письмом, в котором было возвещено то, что и сбылось вскоре: «...вы просите у Бога чуда для успешного распространения Православия и для оказания помощи бедным эстам и латышам. Бог есть Бог чудес во все времена. Он сотворил и сотворит чудеса в вашем Братстве и утвердит ваше дело до конца».* Батюшка прислал пожертвование, которое стало первым его материальным благословением на православную миссию в Эстонии, таких пожертвований потом будет еще немало.

1890 и 1891 годы были решающими для будущей Пюхтицкой обители. И опять не обошлось без чудес. Монахиня Варвара, которая прибыла в Иевве (Йыхви) в 1888 году из Костромского Богоявленского монастыря

* Там же. С. 34.

и занималась призрением и окормлением сирот и больных, за два года в наемной тесной квартире в эстонской глухомани, без богослужений, без поддержки единомысленных людей, пришла в состояние бессилия и тоски и решила ехать в Кронштадт просить у св. прав. Иоанна, чтобы он благословил ее вернуться в родную костромскую обитель. Летом 1890 года она выехала в Петербург, где села на пароход, следующий в Кронштадт. Заняв место на палубе первого класса, она вдруг расплакалась о своей тяжкой доле и услышала над собой ласковый голос: «Матушка, о чем вы плачете?» Мать Варвара все рассказала худощавому среднего роста священнику с необыкновенными лучистыми голубыми глазами. Он признался, что он-то и есть тот самый отец Иоанн, к которому она едет поведать свою скорбь, и добавил, что от послушания отказываться не нужно и все будет хорошо. На следующий день в Кронштадте батюшка исповедовал скорбящую монахиню, причастил и отпустил с миром, обещая не оставить ее своими молитвами и прислать средства на дальнейшее развитие миссии в Эстонии. А именно в это время княгиня Е. Шаховская в свою очередь направила епископу Арсению письмо с просьбой перенести место пребывания общины Иевве на Пюхтицкую гору. И тем же летом 1890 года, когда Нарву посещал Государь Император Александр III,

с той же просьбой к нему обратилась депутация пюхтицких прихожан.

В 1891 году 27 февраля было вынесено официальное определение Святейшего Синода об учреждении на Богородицкой горе Пюхтицкой Успенской женской общины. В это время под началом матушки Варвары были 21 послушница, 22 воспитанницы приюта и две сестры милосердия. 22 апреля 1891 года последовало высочайшее повеление о передаче Богородицкой горы в собственность Духовного ведомства и учреждении на ней Успенской женской общины. Стараниям сестер и наемных рабочих в короткий срок ко дню праздника Успения Божией Матери в Пюхтицах был построен вместительный деревянный дом, в который смогли переехать община матушки Варвары и приют.

1892 год был ознаменован тем, что благодаря жертвователям и труду сестер недостроенная лютеранская кирха на святой горе была перестроена в православный храм, и на праздник Успения, который на сей раз собрал 10 тысяч паломников, в храме была отслужена Божественная литургия с участием св. прав. Иоанна Кронштадтского. Матушка Варвара была утешена — сбылось обещание «дорогого батюшки», как с того времени и по сей день называют в Пюхтицах святого праведного Иоанна.

Более 15 лет отец Иоанн ежегодно навещал полюбившуюся ему Богородицкую

горку в Эстонии, постоянно посылал денежные вспоможения, прислал в Пюхтицы свыше 50 своих духовных чад для укрепления обители, молился о том, чтобы монастырь благоукрашался и хранил заветы первой настоятельницы монастыря, утвержденной в 1893 году в сане игумении — матушки Варвары (Блохиной).

Матушка Варвара заботилась не только о сестрах, но и о воспитанницах приюта, изыскивала средства для их пропитания и образования, а также для оказания бесплатной медицинской помощи болящим, для которых была открыта монастырская лечебница. Памятником служения матушки Варвары монастырю до сего дня остались возведенные при ней постройки: первая Успенская церковь на кладбище была подновлена и переосвящена в 1896 году в честь прп. Арсения Великого и свт. Николая Чудотворца, построена и освящена трапезная церковь в честь св. Стефана, построены каменные Святые врата и начато строительство стены вокруг монастыря, построены первые келейные домики, скотный двор и дома для трудниц и рабочих. При матушке Варваре был построен храм прп. Сергия на самой верхней точке Богородицкой горы, у стен которого нашел упокоение благотворитель обители — князь Сергий Шаховской, а через 45 лет и его супруга княгиня Елизавета. Память о матушке Варваре хранят также и святыни

храма: икона на кипарисовой доске с золоченым крестом, в которую установлены 32 частицы мощей святых, Черниговская икона Божией Матери, икона святого великомученика Пантелеимона. Чудотворная икона Успения стараниями матушки оделась серебряной позолоченной ризой, отделанной драгоценными камнями и жемчугом.

Все пюхтицкие настоятельницы (а было их всего семь, нынешняя игумения мать Филарета — восьмая) были труженицами и молитвенницами, но первая игумения потрудилась более всех — потому что начало всякого дела самое трудное.

Величественный Успенский собор Пюхтиц, купола которого возвышаются над всей округой, был возведен при второй настоятельнице обители — игумении Алексии (Пляшкевич). Вдохновил ее на это строительство св. прав. Иоанн Кронштадтский. Однажды, вместе с игуменией возвращаясь с благодатного источника, он встал как вкопанный на горе, созерцая дивное видение — красавец храм о пяти главах с красно-коричневыми стенами предстал его глазам на месте скромной церкви Успения, переделанной из лютеранской кирхи. «Матушка, какой у вас будет собор!» — сказал отец Иоанн изумленной игумении. Пророчество это запало ей в душу, хотя она и понимала, что на возведение такого собора требуются немалые средства. И опять произошло чудо — в 1905 году

Бог послал благотворителя монастырю, который захотел (без всяких подсказок извне) построить в Пюхтицах большой собор. Этим благотворителем стал генерал-майор И. Ф. Терещенко. Среди московских благодетелей он был известен тем, что не отказывал в подаянии сборщикам на монастыри. Пошла к нему и смиренная пюхтицкая сборщица. Смиренно-ласковый вид старушки-послушницы так расположил сердце генерала, что он стал расспрашивать ее о далекой обители на Эстонской земле, а когда увидел показанные послушницей фотографии монастыря, внезапно принял решение: «Я вам построю храм!» В 1906 году уже началась подготовка к строительству величественного храма. 20 февраля 1907 года благодетель И. Ф. Терещенко скоропостижно скончался, но по его завещанию, кроме уже пожертвованных на строительство храма денег, монастырь получил еще немалую сумму. Св. прав. Иоанн также прислал пожертвование на Успенский храм и благословил состоятельных петербургских людей жертвовать на монастырь. 15 июня 1908 года состоялась закладка Успенского собора в Пюхтицах, а 20 декабря 1908 года св. прав. Иоанн отошел ко Господу, перед кончиной своей послав в будущий собор свое благословение — икону Божией Матери «Одигитрия». Сейчас она находится над Царскими вратами Успенского собора.

В одном из писем игумении Алексии св. прав. Иоанн Кронштадтский оставил свое завещание сестрам: «Молю Бога, чтобы в Пюхтице, под покровом Царицы Небесной, процветали правда, святость, мир и благочестие сестер, со всяким довольством внешним; игуменье да даст Господь быть доброю матерью ко всем сестрам без лицеприятия и вражды относительно кого-либо». Этот завет сестры и сменяющие одна другую игумении хранят до сего дня. Кроме того, насельницы из уст в уста передают слова св. прав. Иоанна о том, что Успенский собор будет стоять до Страшного суда и антихрист не сможет войти в него.

Отец Иоанн очень любил пюхтицких сестер и многих своих духовных чад посылал в обитель: «Идите в Пюхтицу, там три ступеньки до Царствия Небесного...» По рассказам первых сестер, великий светильник снимал на монастырском кладбище перед каждой могилой шляпу, говоря: «Пюхтицкие сестры большими шагами идут в Царство Небесное».

Каждодневный труд здесь был почти непосильным: нужно было сочетать строительство общины, сельхозработы и монашеское правило. Монастырь владел в то время 200 га земли.

Перипетии XX столетия не минули обитель. Во время Первой Мировой войны, когда линия фронта приблизилась к Пюхтицам, часть монахинь эвакуировалась в Петровский

монастырь Ростова Великого, были вывезены святыни монастыря, прежде всего чудотворная икона Успения Божией Матери. Заступничеством Божией Матери во время революционных бесчинств, когда и в Эстонии, как и в России, была пролита мученическая кровь, пюхтицкие насельницы не пострадали. Хотя удивительным является тот факт, что на территории монастыря — на сестринском кладбище — в 1935 году был установлен памятный крест воинам северо-западной армии генерала Юденича, который простоял нетронутым все советские для Эстонии годы.

После революции Пюхтицкий монастырь, как и многие монастыри в России (и это было в лучшем случае), потерял статус религиозной организации, и был превращен в сельскохозяйственную общину. Хотя при этом в 1919 году новые власти лишили монастырь большинства земельных владений, однако, несмотря на гражданский статус, монастырь продолжал жить своей жизнью: по-прежнему по уставу совершались богослужения, в приюте оставались воспитанницы, в лечебнице больные. Благодаря тому что Эстония на время вышла из-под власти большевиков, в 1935 году монастырю вернули его подлинный статус и выделили в аренду 102 гектара земли. И милостью Божией, несмотря на все политические перипетии, это положение больше не менялось. Хотя несомненным испытанием для обители были годы Второй

мировой войны и послевоенные десятилетия. Но трудности опять были связаны с чудесами. В 1941 году Эстонию заняли фашистские войска, в монастыре разместился немецкий гарнизон, потому местность жестоко бомбили с воздуха. Успенский собор был хорошим ориентиром для бомбардировщиков. Но на территорию монастыря не упал ни один снаряд, ни одна бомба! По воспоминаниям сестер, после войны в монастырь приехал один из советских летчиков, который рассказал о том, что видел в небе Женщину, Которая просила его: «Сынок! Не разоряй Мой дом!» Он узнал эту Женщину — на иконе Пюхтицкой Божией Матери «У источника».

Тяжело жилось матушкам во время войны, но и после ее окончания жизнь была крайне тяжелой. В то время пюхтицкие сестры все делали сами вручную: пахали, боронили, косили. Не было ни трудников, ни рабочих. Таскали на себе мешки с мукой и овощами. Испытывали скудость, лишения — хлеба и овощей не хватало, не хватало и корма для скота. Было тяжело, но сестры помнили слова батюшки Иоанна Кронштадтского: «Безропотно несите послушание — в Пюхтицах три шага до Царствия Небесного». Сами заготавливали дрова. Сестры из леса идут — на себе несут «шабашку», как ее называли — бревно, каждая по своей по силе. А еще и советский уполномоченный по делам религии дал распоряжение: заготовить государству сколько-то кубов дров... Сестры физически изнемогали, но духом были крепки, было среди них немало святых подвижниц, о которых речь впереди.

В 1960 годы в СССР развернулась очередная кампания по борьбе с религией, повсеместно стали разорять, закрывать храмы и монастыри. И опять Пюхтицкий монастырь спасло чудо и мудрость тогда митрополита Таллинского и Эстонского, а впоследствии Патриарха Алексия (Редигера). Он привозил в монастырь группы то из Германии, то из Швейцарии. Отстоят они службу, послушают, а потом на общей трапезе владыка просит: «Матушки, спойте “Есть в далекой земле

Игумения Варвара

небольшой монастырь". Гости умиляются и потом у себя на родине рассказывают, как хорошо в Пюхтицах. И власти не смели тронуть обитель, о которой хорошо знали на Западе.

Указом Патриарха Алексия (Редигера) в 1968 году настоятельницей Пюхтицкого монастыря стала игумения Варвара (Трофимова), которую в народе называли «строительница». За 43 года ее управления монастырем на Пюхтицкой горе было построено множество новых зданий: звонница Сергиевского храма, крестильня на Сергиевской горке, представительский корпус с музеем, гаражи

Монахиня Пюхтицкого монастыря проводит экскурсию по монастырю для членов атеистического кружка производственного объединения «Светлана». 1988 г.

и мастерские, новые помещения на хоздворе. Все старые постройки были отреставрированы, в Успенский собор, где прежде службы совершались только летом, было проведено отопление. И главное — матушка своим примером и мудростью привлекала в монастырь новых и новых насельниц со всей России. В 1990 году Пюхтицкий монастырь получил статус ставропигиального, то есть обитель стала подчиняться непосредственно Патриарху Московскому, а не местному священноначалию. В этом статусе монастырь пребывает и до сего дня.

В 1991 г. Пюхтицкая обитель отметила свое столетие. За это время в ее стенах воспитано не одно поколение монашествующих. Но среди множества подвизавшихся здесь свято хранится память о двух великих блаженных старицах — рясофорной послушнице Елене и монахине Екатерине, несших в этой обители трудный путь юродства Христа ради.

Жизнь обеих стариц была «хождением пред Богом». Устремленные к Горнему миру, как дивные светочи, освещали они всем, кто соприкасался с ними, путь ко Христу. Около восьми десятилетий из истории монастыря связано с этими старицами и освящено их духовными подвигами.

Подвизались близ монастыря и другие юродивые, о которых также хочется рассказать, чтобы память о них не иссякла в православном народе.

Старица Елена (1866–1947)

Елена Богдановна Кушаньева родилась в 1866 году в Псковской губернии. В пюхтицкую общину она поступила при первой игумении Варваре (Блохиной) в 25 лет.

На плечи первой игумении и сестер легло тяжелое бремя по благоустройству обители. В первый же год в обители был введен полный монастырский богослужебный круг, создано два монашеских хора: на церковнославянском и эстонском языках. На Святой горе появились жилые дома, трапезная, приют для детей, хозяйственные постройки; были заложены святые врата с колокольней над ними, посажены деревья.

Послушница Елена была вскоре назначена игуменией Варварой уставщицей как хорошо знавшая церковный устав. С 1897 по 1921 год она несла послушание на монастырском Ревельском подворье. После возвращения в монастырь сестра Елена несла послушание в Гефсиманском скиту, находившемся в 25-ти верстах от обители и в двух верстах от села Яамы, где находилась монастырская богадельня. Жили там 10–15 насельниц: две слепые с детства, а также престарелые монахини. Для пропитания они имели небольшое хозяйство: огороды и 5–6 коров. Ежедневно помимо трудов по хозяйству в скиту исполнялось молитвенное правило прп. Пахомия Великого, введенное при первой настоятельнице игумении Варваре в 1896 году. В него входит 12 псалмов

во дни и 12 псалмов в ночи с умилительными тропарями и многочисленными поклонами. Ежемесячно в скитскую (домовую) церковь приезжал священник совершать Божественную литургию и причащать насельниц. По праздникам ездили в церковь в Яамы.

В 1938 году сестра Елена, которую уже почитали блаженной, возвратилась в Пюхтицкую обитель и поселилась в домике у калитки при святых вратах. Среди пюхтицких сестер с благоговением сохраняется память о блаженной старице из кратких сведений, имеющихся о ней.

Схимонахиня Варсонофия, поступившая в обитель в 1934 году, рассказывала: «В то время уже 68-летняя матушка Елена была выше среднего роста, видная, крепкого телосложения, и все поступки ее были как у блаженной. Как-то раз пришла она на кухню, где я, тогда еще молодая послушница Анна, несла послушание, села на большую скамейку и пропела церковный хвалебный гимн “Тебе Бога хвалим” — от начала до конца. Ночью ее часто можно было видеть с кухни. Около трех часов ночи выходит и начинает вокруг собора ходить: то камушки собирает, потом их переносит, то опять на место кладет. И все это имело особенное значение. В обители издавна существует предание о том, что в три часа ночи здесь Матерь Божия является.

Сон сестра Елена имела очень непродолжительный: ночью пела и читала псалмы.

Псалтирь знала наизусть. Любила мыть, чистить, особенно туалеты. Крест юродства ради Бога она добровольно несла всю свою долгую жизнь. Многих блаженная утешала, многим предсказывала будущее, многих вразумляла и обличала, давала советы. Монахине Сергии она предсказала регентство — дала ей как-то ржавую вилку, держа ее вверх оставшимися двумя зубцами, как камертон, сказав при этом: "Бери, бери, тебе пригодится!" Очень скоро ту сестру перевели со скотного двора и назначили регентом. Той же сестре она както сказала: "Умрешь, тебе и *Святый Боже* не пропоют..." Расстроилась сестра и все думала: почему же ей не будут "Святый Боже" петь? Умерла она на Пасху, и по уставу при отпевании пели пасхальные песнопения».

А вот какой случай прозорливости рассказала мать Иоасафа: «В 1936 году я пришла в монастырь, а в 1937 году приехала ко мне из Пскова мама и остановилась в нашей гостинице за воротами. Я тогда была на послушании в гостинице с матерью Людмилой. Прошу мать Елену, чтобы она пришла: "Мать Елена, вас просят, хотят видеть". Пришла мать Елена, низенько положила три поклона, всем поклонилась на все стороны и говорит: "Я псковская, у меня мать больная, в источнике выкупается и поправится". И действительно, так и сбылось — мама моя страдала язвой желудка и не могла ничего есть, думали, что умрет. А выкупавшись в источнике,

она исцелилась по слову блаженной Елены и дожила до 1966 года».

Встречаясь со мной, мать Елена часто говорила: «Иакова, Вассы, Кирилла», — и всех моих родных имена перечисляла. Много она предсказывала и другим сестрам. Она предсказала пожар на скотном дворе. Было это незадолго до войны. Она тогда часто ходила на скотный, придет к матери Авраамии, старшей, говорит: «Послушание и в огне не горит!» Мать Авраамия почти 60 лет прожила на скотном, и ни дня не оставалась без послушания.

«За неделю до пожара, — вспоминает схимонахиня Варсонофия, — я шла на скотный в три часа утра, вижу — навстречу мать Елена идет без обуви, в одних шерстяных промокших чулках. Спрашиваю: “Где, мать Елена, была?” Отвечает: “На войне была”. Прошло несколько дней... Будит ночью звон колоколов: пожар на скотном. В ту ночь была сильная гроза, и, как рассказывали потом эстонцы, приехавшие на соседний хутор, они видели, как огненный шар упал на двор: молния ударила в крышу, огонь так и побежал. Двор был очень ветхий, его на тот год оставили, скрепив бревна крюками, но на будущий год собирались строить новый. В сарае доверху стояли скирды сена, потому крыша и не обвалилась. Весь скот сгрудился вокруг матери Авраамии и не хотел идти, как она ни уговаривала, а вокруг пылал

огонь. Тогда она говорит: “Пойдем, война!” И скот побежал — всех коров мать Авраамия вывела. Потом вспомнила, что в отсеке остался маленький теленочек. Закрывшись одеялом, бросилась она в пылавший двор и вывела теленка — только кончик хвоста у него обгорел, как рассказывали потом сестры. И весь остов здания сразу рухнул. В ту ночь вспомнили слова блаженной Елены, которые она говорила матери Авраамии: “Послушание и в огне не горит!” — и поняли, почему мать Елена ходила ночами вокруг скотного: молилась, чтобы скот не погиб».

В том же году игуменией Иоанной был отстроен новый каменный скотный двор. Случился пожар в ночь на праздник Смоленской иконы Божией Матери, и старые сестры до сих пор говорят, что Божия Матерь Сама построила новый двор, ведь если бы старый двор тогда не сгорел, не взялись бы сами его строить — вскоре началась война. По обету в благодарную память о том, что все сестры остались живы и скот не погиб, ежегодно 10 августа совершается крестный ход вокруг Успенского собора с чтением молитвы к иконе Божией Матери «Неопалимая Купина».

Из алтаря выносится Смоленская икона Божией Матери, которую подарил и надписал 12 февраля 1908 года дорогой батюшка св. прав. Иоанн Кронштадтский: «В благословение на построение нового собора в Пюхтицком Успенском монастыре».

По рассказам сестер, перед войной, когда сестра Елена жила в Гефсиманском скиту, она часто ходила в соседнее село Яамы и все крылечки в домах выметала. В войну всю ту деревню выселили, а потом она сгорела — так блаженная предсказала приближавшуюся беду. Впоследствии Гефсиманский скит закрыли, и все сестры пришли в монастырь. Вскоре после войны блаженная Елена одному священнику предсказала, что он епископом будет (архиепископ Роман (Танг), † 1963). Она его всегда потом очень отмечала: где встретит, бывало, — проводит его. Пока он идет — и она за ним идет, и все ему что-то приговаривает.

10 ноября 1947 года, 81-го года от роду, прожив в святой обители около 60 лет и окончив свой тяжелый подвиг, миру незримый, блаженная старица Елена перешла к вечной жизни, оставив по себе благодарную память.

Похоронили ее с северной стороны монастырского кладбища у Никольской церкви. Ее могилка благоговейно посещается многими и доныне.

Перед смертью мать Елена говорила сестрам: «После меня мать Екатерина остается», — хотя матери Екатерины тогда в монастыре не было, она в войну, по благословению настоятельницы, жила в Таллине-Нымме, где ухаживала за престарелыми родителями, и вернулась после войны, похоронив их. Еще говорила: «А после матери Екатерины никого не будет вам».

Матушка Екатерина

Блаженная монахиня Екатерина (1889–1968)

На основе писем Татьяны Константиновны Малковой-Паниной и ее супруга Георгия Васильевича Малкова-Панина, старшего брата блаженной монахини Екатерины, первое жизнеописание ее было составлено в 1970-е годы.

Блаженная монахиня Екатерина родилась в Финляндии, в крепости Свеаборг, 15 мая 1889 года и почти полвека подвизалась в Пюхтицкой обители. Отец ее, Василий Васильевич, служил военным инженером, с 1909 года — генерал-майор, а с 1916 года генерал-лейтенант инженерных войск. Мать, Екатерина Константиновна, происходила из известного дворянского рода Печаткиных. Ее отец владел писчебумажной фабрикой в Красном Селе под Санкт-Петербургом, одним из самых крупных предприятий русской писчебумажной промышленности. Кроме Кати в семье было еще четыре мальчика и сестра Наташа, которую Катя очень любила. Особая дружба у Кати была с отцом, который обладал мягким характером, она всюду сопровождала его во время командировок.

В 1900 году семья переехала в Гатчину, а затем в Петербург, где Катя закончила естественный факультет Бестужевских курсов и работала в Энтомологическом обществе. Предметом ее изучения были жуки. Когда она ездила с отцом во Владивосток, нашла

два новых вида жуков. Ее находки хранятся в настоящее время в Зоологическом музее, но зарегистрированы, увы, не под ее фамилией.

В начале войны, в 1914 году, Катя поступила на курсы сестер милосердия и работала в бесплатных городских больницах. Ей хотелось послужить человечеству, и она перевелась в летучий отряд Георгиевской общины. Сестры милосердия этого отряда подбирали павших бойцов с поля сражения.

При первой перевязке с ней четыре раза был обморок, но она пересилила себя и осталась работать в этом отряде. На фронте она была свидетельницей тяжелых страданий людей. Здесь же, в госпитале, она пережила личное горе — вынужденный отказ жениху, начальнику полевого госпиталя. В 1915–1917 годах ей встретился подходящий по уму и сердцу человек, но близкая подруга Кати, Ольга Палеолог, любила того же человека и сказала, что покончит с собой, если Катя выйдет за него замуж. Тогда Катя отказала жениху.

В 1917 году был убит ее брат Константин, один из близнецов. На фронт он пошел добровольцем, за личную храбрость заслужил золотое оружие и солдатский Георгиевский крест.

В 1918 году Катя потеряла любимую сестру Наташу. Сестра оказалась в общине А. Введенского «Живая Церковь». В этом же году Наташа заболела крупозным воспалением легких и умерла 20-ти лет от роду. Ее смерть явилась ударом для Кати.

Распад фронта, личные и семейные невзгоды сломили Катю, и она тяжело заболела.

В 1919 году Катя с родителями попала в Эстонию. Там она долго болела: ухаживая за тифозными больными, заболела сама. В 1920 году, поправившись, она пошла работать на огороды в Нарве. Тогда же у нее появилось желание уйти в монастырь.

Катя любила музыку, имела прекрасный слух и голос, играла на пианино. Нарядов она не любила и часто говорила матери: «Раздай все — тогда я буду счастлива». Она была очень строга к себе. У нее была слабость: видя что-нибудь вкусное, она не могла удержаться и не полакомиться. За это она посадила себя на хлеб и воду на несколько лет.

Катя была умна и наблюдательна. Эти качества, все пережитое, а главное — горячая любовь к Богу и к человеку сделали ее прозорливой.

5 июля 1922 года Екатерина была принята в число послушниц Пюхтицкого монастыря и вместе с сестрами стала трудиться на монастырских огородах. Вскоре ее перевели в Гефсиманский скит. Гефсиманский скит состоял из трех домов в сосновом лесу в 30 км от монастыря. В одном из домов была устроена церковь в честь Погребения Божией Матери, и 17(30) августа сюда приносили чудотворную икону из Пюхтиц.

В течение года служба в скиту бывала раз в месяц. Старшей в скиту была мать Параскева.

Живя в Гефсиманском скиту, Екатерина часто приходила в монастырь. Появлялась она обычно босая, в монастыре ей давали сапоги, но она их где-то по дороге оставляла и в скит возвращалась босой.

Как-то по заказу матери Параскевы сапожник сшил всем скитянам добротные кожаные сапоги. Вскоре в скит пришла по какому-то делу женщина из деревни Яамы. Когда она стала уходить, мать Параскева заметила у нее под мышкой сапоги и закричала вдогонку: «Мария Петровна, зачем ты взяла у нас сапоги?» — «Так это мне Катя подарила», — ответила она. С тех пор мать Екатерина никогда не носила кожаной обуви и ничего кожаного.

Ходила она босая или в чулках, в тапках, сшитых из сукна. Зимой иногда надевала валенки, но без калош и не обшитые кожей. Однажды в суровую зиму она шла в тапках по двору монастыря. Одна сестра, увидев это и сжалившись над ней, предложила ей валенки. «А они не обшиты кожей?» — «Задники обшиты». — «Не возьму!» — «Почему, мать Екатерина?» — «Потому что надо подставлять свою кожу, а не чужую», — сказала она.

Часто Катя исчезала из дому и иногда подолгу не возвращалась. Когда она однажды отправилась в обитель из скита, одна послушница стала проситься пойти с ней, но Екатерина велела ей спросить благословения у старшей. «А ведь ты не спрашиваешь?» — «Мне можно, а тебе нельзя», — спокойно ска-

зала Катя. Однажды она исчезла надолго, сказала: «Пойду искать старый стиль».

В то время Церковь в Эстонии перешла на новый календарный стиль. Было это до присоединения Эстонии к Советскому Союзу, и между ними проходила государственная граница. Вот так она ушла и в поисках старого стиля пропадала шесть недель. Вдруг ее неожиданно доставили в скит военные, как преступницу, так как она перешла границу и была задержана на советской территории. Они потребовали уплатить штраф 2 тыс. рублей, или ей грозила тюрьма. Мать Параскева не имела таких денег и написала Катиным родным, прося выслать нужную сумму. Деньги выслал старший брат Георгий.

Впоследствии мать Екатерина сама рассказывала, что на границе был сделан обыск и в кармане обнаружили записки о здравии и упокоении, их подвергли тщательной проверке, опасаясь, что они зашифрованы. Пока шло следствие, мать Екатерину держали в заключении. За этот поступок путешественница просила прощения у матери Параскевы и всех сестер.

Родители Кати часто приезжали в Пюхтицы. В начале Великой Отечественной войны Гефсиманский скит был ликвидирован и все скитяне вернулись в монастырь. Мать Екатерина была отпущена ухаживать за больными престарелыми родителями, жившими тогда в Таллине-Нымме. Вскоре она похоронила

мать и осталась со своим отцом, которого горячо любила.

В Таллине мать Екатерина посещала подворье Пюхтицкого монастыря и предсказала (почти за 20 лет) его закрытие.

В 1947 году мать Екатерина похоронила своего отца и снова вернулась в монастырь. В этом же году скончалась блаженная старица Елена. Мать Екатерина стала ее преемницей, взяв на себя самый тяжелый подвиг юродства.

Она любила трудиться, ходила на послушания, но все у нее получалось необычно. Кончается у сестер рабочий день на огороде или в поле, они идут к пруду, чтобы помыть ноги, а Катя одетая войдет в воду, выполощется и, не отжимая одежды, отправится в монастырь, поливая за собой дорогу. Уже на первых порах своего открытого подвига мать Екатерина тяжело поплатилась за взятое на себя юродство. А 1954 году она даже попала в психиатрическую больницу Таллина. Там ей много пришлось пострадать от буйных больных, несколько раз она пыталась убежать из больницы. После обследования, не найдя у нее никакого психического заболевания, врачи признали, что она здорова, и отправили домой.

Вернувшись в родной монастырь, мать Екатерина стала жить в богадельне, по-прежнему юродствуя. Постоянно собранная, серьезная, часто строгая, она имела вид бодр-

ствующего воина. Ее сухонькая, маленькая, легкая фигурка куда-то всегда стремилась. Походка была быстрая, ровная, она точно летала. Ее замечательные большие серые глаза — иногда по-детски чистые, спокойные, ласковые, улыбающиеся, иногда серьезные, строгие, в другое время грустные, озабоченные, а иногда и гневные — проникали в самую глубь человеческих душ и читали там как бы летопись прошлого, настоящего и будущего. Между прочим, смотреть ей прямо в глаза мать Екатерина строго запрещала.

Одевалась она своеобразно: летом ходила в черном хитоне, в белом апостольнике, поверх которого надевала черную шапочку или черный платок. Зимой она на хитон надевала какую-нибудь кацавеечку легкую, иногда подпоясывалась белым платком. Теплой одежды (пальто и платков) не носила.

Питанием довольствовалась с трапезы. Сахара не употребляла никогда, обычно пила кипяток без заварки или воду из источника. Иногда налагала на себя особый пост, объясняя это тем, что собирается умирать, и обычно это было к смерти кого-либо из сестер. Если же говорила, что постится, потому что готовится к постригу в мантию, — это значит, что должен состояться чей-то постриг.

К причастию Святых Таин приступала часто, иногда подходила без исповеди, в таких случаях батюшка ее не приобщал; она, точно бы причастившись, благоговейно низенько

кланялась перед Чашей и со сложенными на груди руками шла принимать теплоту.

Нередко можно было наблюдать, как во время богослужения в храме маленькая, худенькая человеческая фигурка неслышными шагами, точно по воздуху, передвигалась между рядами молящихся: постоит около одной сестры, направится к другой. Такие действия не вызывали неудовольствия. Наоборот, хотелось, чтобы она подошла и постояла около тебя. Души предстоящих в храме ей были открыты, и она подходила к тому, кто в этом нуждался.

Иногда ночью мать Екатерина уходила молиться в поле. Под утро придет вся мокрая. Иногда встанет ночью в 12 часов, помолится в углу, а потом к каждой кроватке в богадельне подходит и поет: «Се Жених грядет в полунощи», — тихонечко так поет, вполголоса.

Один раз монастырский сторож послушница Александра рассказала, что видела, как ночью мать Екатерина пришла к крайнему серому домику, постелила одеяло на снег — было это в январе — и встала на молитву. Всю ночь молилась. Собачка Дружок, что охраняла ночью, подбежит к ней, залает, но близко не подходит.

Народ шел к матери Екатерине нескончаемым потоком. С приходящими к ней мать Екатерина вела себя по-разному: с одним говорила иносказательно, а кое с кем и просто; с некоторыми подолгу беседовала, а других

сразу же с гневом выпроваживала. Души людей были видны ей как в зеркале. Некоторым посетителям мать Екатерина читала из святоотеческих книг, другим — из Библии, а кому по памяти пересказывала отдельные события жизни Господа об исцелении Им больных, слепых и др. Приносимое ей почитателями тут же раздавала. Денег у себя не держала ни копейки. Правда, раздавала с большим рассуждением. Из продуктов кое-что съедала, говоря: «Это я должна сама съесть». Глубокий смысл ее действий и слов, казавшихся странными, непонятными, раскрывался впоследствии.

Как ручейки с гор устремляются в реку, так горе и скорби людские непрерывным потоком текли к матери Екатерине. Она любила людей, жалела их. И любовь эта была бескорыстной, жертвенной.

Мать Екатерина одинаково любила как своих почитателей, так и недоброжелателей, тех, кто плохо к ней относился и плохо о ней думал. Далеко не все питали к матери Екатерине расположение. Свет резал глаза. Прятались от обличения. Многие ее не навещали. Поистине, нет пророка в своем отечестве.

«Совсем молодой послушницей, — вспоминает монахиня Глафира, — я была на послушании в богадельне, где жила тогда мать Екатерина. Как-то мы вели беседу с матушкой. Она лежала, а я сидела возле нее и задала ей вопрос: “Как спастись и как мне

спасаться?" Мать Екатерина ответила: "Живи просто. Старайся меньше осуждать". Тогда же она мне сказала: "Причина осуждения в невнимательной жизни". Это было в 1958 году. Мать Екатерина часто наставляла не быть гордой, а "смиряться и смириться". Говорила, что гордость — поглотитель всех добродетелей. Расстроюсь я чем-нибудь на послушании, расскажу ей, а она мне скажет: "У послушников должна быть воля не своя, а Божия. А ты — послушница!" Помню, также она говорила мне: "Удерживай себя от гнева и раздражения. Приучайся прощать обиды сестрам". Часто я приходила к ней и исповедовала помыслы. Один раз прихожу вся насупленная, а она мне сразу говорит: "Ты опять недовольна. Так быстро меняется настроение, а надо поставить себя твердо и работать над собой, чтобы подвиг твой был ко спасению". Это тоже было в 1958 году. Много мне тогда доводилось быть с блаженной старицей. У нее был дар непрестанной Иисусовой молитвы. Приду к ней — принесу обед или зайду спросить что-либо, а она лежит и потихонечку, почти про себя: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную". Сколько раз так ее заставала. Или слышу, говорит: "Господи, прости меня — прости все!" С большим чувством она это говорила и так учила нас. Апостол, Евангелие и Псалтирь всегда рядом у нее были, и она часто их читала. Придет кто-нибудь — вслух почитает, а одна — про себя читала.

Один раз прихожу к ней, и такое у меня уныние, я говорю: “Матушка, такое уныние у меня на сердце”. — “А ты повторяй, — говорит, — *Господи, спаси меня, погибаю! Господи, спаси меня, погибаю*!”

Я была на послушании в богадельне шесть лет. А когда только пришла в монастырь, матушка игумения Ангелина благословила меня на послушание в гостиницу. Вскоре пришла я к матери Екатерине и говорю: “Матушка, я раздражаюсь иной раз на богомольцев”. А она мне на это сказала: “Обходитесь с ближними ласково, весело и с любовью! Служите им: они как странники — приехали к Божией Матери! Служите им с любовью, кротостью и терпением”. И потом добавила: “Вы тогда будете спокойны, когда будете иметь терпение, смирение и любовь”. Она называла приезжих богомольцев “странники Божии — к Матери Божией приехали!”

Часто я слышала от матушки в назидание: “Таково мое сердце — всех утешать, а себя не жалеть!” Один раз я пришла к ней и говорю: “Мать Екатерина, такое сердце у меня — вся как пустая, совершенно пустая, и душа пустая. Не знаю, что мне делать”. Она мне на это ответила: “Сердце твое нечуткое, но Господь коснется и тебя. Благодари Бога, что ты живешь в обители — под Покровом Божией Матери. Долго проживешь в обители, но в тюрьму попадешь”. Вот уже 35 лет, как я в монастыре. “Ты пришла, — говорит она, —

в монастырь и вступила в святую обитель, и окончи венцом нетленным!" В другой раз я хитончик в клеточку надела, а она подходит и говорит: "Решеточка, тюрьма, решеточка, тюрьма!" — и водит пальчиком по клеточкам. Три года мне предсказывала. Я говорю: "Мать Екатерина, я боюсь тюрьмы, очень боюсь!" А она так сказала: "Можно и в тюрьме не сидеть, а Господь пишет, что был в тюрьме!"

Умела матушка обличать и наставлять: так скажет, что все помнить будешь! Как-то я ей говорю: "Мать Екатерина, я на полунощницу всю неделю не хожу!" (Сестры всегда на полунощницу ходили.) Она тут же мне говорит: "Как лежа получить Царствие Небесное?" Ведь не сказала: "Ты что не ходишь?!" Вот я до сих пор и помню ее слова. И каждое слово старицы было с благодатью и таило в себе глубокий смысл.

На скотный двор часто ходила матушка и духовно поддерживала сестер. Мать Ольга, которая была тогда на скотном, мне рассказывала, что как-то раз они все очень расстроились на скотном, и вдруг появляется мать Екатерина и говорит: "Что вы, родные, так расстроены? Нельзя так!" Всех утешила — каких-то бараночек принесла с собой, конфеточек, утешила и словом.

В богадельне, когда я на послушании была, как-то всех стариц в один день к причастию приготовила, а старшая, мать Капитолина, в отъезде была, я одна оставалась. Жду ба-

Пюхтицкая сестра послушница Мария

тюшку и думаю: “Что такое — отец Петр не идет?!” А она мне отвечает: “Ты не ропщи, а как батюшка придет, положи земной поклон! Он молится за всех: за тебя, и за всех сестер обители, и за весь мир!” Мать Екатерина отца Петра очень почитала. В другой раз, в праздник, опять мы ждали отца Петра в богадельне. Я убираюсь, тороплюсь, а тут то один придет,

то другой заглянет, и все от дела отрывают. Вдруг опять стучат... Я подумала: “Тетенька вернулась!” Открываю дверь, тряпка мокрая в руках, и говорю: “Что вы надоедливые такие!” Смотрю, а это наместник печерский отец Алипий стоит и с ним отец архимандрит Иероним — они уже в дверях стоят, и мать Екатерина с ними. Я скорей на кухню! Слышу, мать Екатерина прощения просит, а отец наместник смеется и говорит: “Да, мы гостей так же встречаем!” Затем она мне говорит: “Иди, Галочка, попроси прощения!” Я сразу пошла и попросила прощения — такое было у меня к ней послушание. Самовар поставила, потом они чай пили и долго с матерью Екатериной беседовали.

Несомненно, у нее была молитва Иисусова, и всегда она учила меня послушанию. Начнешь что-либо делать не благословясь — ни за что не допустит по своей воле сделать: “Нет, нет! Я непослушания не принимаю!”»

Монахиня Арсения вспоминала, как однажды она собралась навестить родных, пришла к матери Екатерине денег попросить на дорожные расходы. Но старица ей сразу отказала. «Другим-то ведь, мать Екатерина, ты даешь!» — упрекнула ее мать Арсения. «А ты знаешь, кому я даю? Кого жалею, тому и даю! Ты знаешь, что это за деньги у меня такие? Кто мне их дает? По милостыням Господь людей от грехов избавляет!» И сестры замечали: кому мать Екатерина давала деньги, те

из монастыря потом в мир ушли, а она заранее знала об этом.

Последнее время мать Екатерина стала слабой и больше лежала. Один раз при матери Ангелине она почти полгода в игуменской жила — на кухне, на диване поселилась. Пришла как-то в игуменскую инокиня Анания (имя монахини Арсении в иночестве), а мать Екатерина на диване лежит, и все лицо ее необыкновенно светлое, как бы изнутри сияет. Сестра Анания говорит: «Ты, мать Екатерина, сегодня какая-то особенная — прямо преподобная!» Находившаяся здесь же, на кухне келейница матери Ангелины инокиня Панкратия пояснила: «Да она ведь сегодня причащалась — причастница она сегодня!»

При этих словах мать Екатерина привстала с дивана и серьезно так говорит: «А я и пришла в монастырь, чтобы стать преподобной!» И через всю ее жизнь можно проследить усердное стремление к богоподобию и духовному совершенствованию, а жизнь ее можно назвать восхождением от подобия к преподобию.

«Я мало знала мать Екатерину, никогда не ходила к ней в богадельню, не просила советов, но чувствовала, что она очень добрая, — вспоминает Л. С. Запарина. — Помню, как в какой-то большой праздник в монастыре пекли пироги. Я жила за оградой у знакомой, и хотя пироги очень любила, но печь не умела, да и с деньгами было туго, едва сводила

концы с концами. В этот праздничный день вечером, когда заблаговестили к службе, я пошла в монастырь и увидела, что по двору идет мать Екатерина и ест пирог. Кусок большой, румяный, и она с таким аппетитом ела, что у меня слюнки потекли. Поравнялись мы с матерью Екатериной, и я ей поклонилась, а она посмотрела на меня и спрашивает: “Пирога хочется?” Я уж скрывать не стала и ответила: “Очень”. Она отломила большую часть пирога и протянула мне. “Кушай, вкусный, с рыбой”, — и улыбнулась. Улыбка была ласковая, нежная, как у ребенка. Я взяла пирог и, стоя рядом, мы съели каждая свою половинку».

Вот такое внимание даже к мелочам было у матушки.

«Много людей принимала мать Екатерина в богадельне. Приехал при мне один священник, — вспоминает мать Елена, — поприветствовали они друг друга. Вдруг мать Екатерина говорит: “Батюшка, ты не езди на мотоцикле!” Он улыбнулся и отвечает: “Матушка, я даже и на велосипеде не умею ездить!” — “Не езди на мотоцикле!” — опять повторяет старица. Я лампадочки возжигала — слышу, мать Екатерина говорит: “Здесь кровь, там кровь, здесь побито, там сломано!” — и сама показывает на плечи, руки.

Вскоре священник попрощался и ушел, посоветовавшись с матерью Екатериной о своих делах. Как оказалось впоследствии, приехав домой, вскоре он был приглашен на требы и

очень спешил. Выйдя из дома, увидел, что из деревни едет кто-то на мотоцикле и приглашает подвезти его. Сначала священник отказался, но потом сел — очень торопился. В тот день был сильный ветер — электрический столб упал вдоль дороги и проволокой мотоцикл замотало. Священник сильно пострадал и попал в больницу, вспомнив тогда, что ему говорила блаженная старица. Написал письмо, затем и сам приехал, но мать Екатерина умерла к тому времени. Он все нам сам рассказывал».

Вспоминает схимон. Евстафия: «Приехал как-то к нам один человек в простой мирской одежде (я тогда встречала приезжавших в обитель и размещала их) и сразу говорит: "Отведи меня к матери Екатерине!" Привела его в богадельню в келью к матери Екатерине, а она как лежала, сразу поднялась и земной поклон ему сделала. Потом мы узнали, что это игумен Исайя с Афона. Был он в Пюхтицах первый раз».

Монахиня Елена вспоминает, что, будучи еще послушницей, как-то спросила мать Екатерину, поедет ли она в Иерусалим. В те годы это было чрезвычайной редкостью, и только лишь одна насельница Пюхтицкой обители, монахиня Викторина, была послана на Святую Землю и несла послушание много лет в Горненском монастыре Иерусалима, где скончалась и была погребена на старом кладбище. А блаженная старица так ответила молодой послушнице: «Поедешь, если

останешься в Пюхтице!» (то есть если будешь верна своей обители и не будешь мыслить о переходе в другой монастырь). И слова ее сбылись спустя 30 лет, когда уже и мыслей об этом не было. Несмотря на преклонный возраст и трудности дальнего путешествия, к празднику Рождества Христова в 1995 году монахиня Елена побывала на Святой Земле в составе группы пюхтицких сестер. Так и это слово старицы сбылось!

Новые свидетельства

7 декабря 2006 года в день великомученицы Екатерины в богадельне Новодевичьего монастыря Санкт-Петербурга скончалась Людмила Краснобаева.

Господь послал ей тяжелый крест. В 1979 году, ей было тогда 32 года, врачи поставили ей диагноз: рассеянный склероз. Первое время она передвигалась с помощью палки, а остаток жизни провела почти без движения. В 18 лет она впервые приехала в Пюхтицы к матери Екатерине. «Ты Екатерина? — спросила матушка. — Нет, матушка, я Людмила». Спустя какое-то время она снова спрашивает: «Ты Екатерина?» — «Нет, матушка», — отвечает Людмила. Кто бы мог подумать тогда, что день памяти великомученицы Екатерины станет днем ее перехода в вечность?

В одно из посещений матушка вдруг говорит: «Ты инвалид? Получаешь пенсию по

инвалидности, теперь меньше будешь, раз у Казанской?» Людмила подумала, что она духовный инвалид. Это пророчество сбылось через много лет, когда она оказалась в богадельне Новодевичьего монастыря, и окно ее палаты выходило на храм Казанской иконы Божией Матери.

Людмила бывала у матери Екатерины неоднократно, и прозорливость матушки удивляла ее всякий раз. Вот некоторые из ее воспоминаний.

Как-то раз она подумала про себя, что раньше играла на пианино, училась в музыкальной школе, ходила в филармонию, а теперь окружают ее одни старушки, общество совсем другое. Лишь только вошла к матушке, мать Екатерина говорит: «Подумаешь, я тоже играла на пианино».

Однажды у нее было такое сердечное окаменение, и она подумала: «Вот выгнала бы матушка, дошло бы до сердца». Приезжает к матушке. Поговорив с ней о своих делах, матушка вдруг встала, подошла к Людмиле и как затопает ногами: «Уходи сейчас же!» Людмила подняла на нее глаза: она смотрит, и глаза у нее смеются. До сердца дошло.

В одно из посещений матушка спрашивает: «Ты в хоре поешь?» — «Нет», — отвечает Людмила. — «Ну, будешь!» Приехала домой в Питер, и их трех подруг духовник отец Александр Козлов, который тоже почитал блаженную Екатерину и часто бывал

у нее, привел к регенту любительского хора в храме св. кн. Владимира, и они стали петь на клиросе.

Приехала как-то к матушке, а она спрашивает: «Уехать из Питера хочешь? В монастырь хочешь?» Потом, помолчав, сказала: «Живи лучше дома».

Как-то Людмила подумала: «Почему я так отношусь к замужеству, ведь это благословил Господь?» На ее мысли матушка ответила: «Уж и замуж не прочь. Нет тебе благословения быть женой». И действительно, с 32 лет она стала инвалидом I группы.

Уже после смерти матушки Людмила посетила Гефсиманский скит, находящийся в 25 верстах от Пюхтиц, где какое-то время жила мать Екатерина. Побывала в домике, где спасалась старица, познакомилась с одной местной жительницей, и та рассказала ей историю из своей жизни. У одной из ее дочерей арестовали мужа по подозрению в убийстве милиционера (это было вскоре после войны) и приговорили его к расстрелу. Они решили пойти к матери Екатерине. В то время она перешла уже в Пюхтицкий монастырь. Матушка обрадовалась, увидев их, и на рассказ о случившемся горе сказала: «Поработает на железной дороге и вернется». — «Да матушка, да ведь его к расстрелу приговорили, какая железная дорога?» А она свое твердит: «Поработает на железной дороге и вернется». — «Ну, видно, не понимает

нас матушка». Простились и пошли домой. Прошел год. В один из дней — стук в дверь. На пороге муж, вернулся из тюрьмы. Оказалось, его «дело» отправили на доследование и на это время отправили его на строительство железной дороги. В это время нашли настоящих преступников и его освободили. Вот такая история.

В конце учебного года, по окончании 11-го класса, Людмила поехала взять благословение на поступление в институт, хотела в медицинский. Матушка не благословила, погрозила пальчиком и сказала: «В медицинский? Я тебе!» И так она не стала поступать в институт, а поступила на бухгалтерские курсы и по окончании поехала взять благословение на работу. Отец хотел устроить ее на одно секретное предприятие. Матушка сказала: «Какая-то секретная работа; есть же где трубы, краны». Получилось так, что на секретную работу прислали других, а она устроилась бухгалтером в строительную организацию. Открывает на работе материальный отчет и видит несколько страниц кранов и несколько страниц труб. Вот тебе «и трубы, и краны»...

Случилось так, что Людмиле надо было пораньше приходить на работу, и она стала вставать в четыре часа утра (чтобы выполнить свое молитвенное правило). Через какое-то время приезжает к старице, она сразу говорит: «Подумаешь, мы все тут в четыре часа встаем, так что же мы, святые, что ли?»

Стоит Людмила у матушки в келье. Она спрашивает: «Ты логарифмы знаешь? Два в квадрате будет площадь, два в кубе...» — и т. д. Людмила подумала: «Ну и что?» Приезжает домой, а им дали однокомнатную квартиру и Людмилу в нее прописали. Теперь у нее появилась своя жилплощадь.

А вот как вспоминает о своей поездке к матери Екатерине Анна Васильевна Краснобаева, мама Людмилы († 2012): «В 1964 году я взяла свои отработанные два дня и один выходной, которые мне подписала заместительница, так как заведующая отсутствовала, приехала к матушке, помолилась в монастыре и спокойно поехала домой. Выхожу на работу: на стене приказ о моем увольнении с должности фармацевта и переводе на другую работу с меньшим окладом за то, что уехала, не дождалась заведующей и подписала заявление у зама.

Я снова поехала к матери Екатерине, говорю: “Уволили с работы, муж настаивает, чтобы подала жалобу”. Матушка спокойно говорит: “Поработала, дай другим поработать, а ты иди бухгалтером. Никаких жалоб не писать”. Вернулась домой. Через неделю меня пригласили в другую аптеку на работу бухгалтером, в Мечниковскую больницу. Знакомая говорит: “Приходи ко мне на работу бухгалтером. В течение дня, когда будет время, приезжай и делай работу, работа на 2–3 часа”. Вспомнились слова дорогой матуш-

ки, что в храм надо ходить. И так я до пенсии 10 лет отработала, ходила в храм, занималась в садоводстве, семьей. И все было хорошо».

Другие случаи прозорливости матери Екатерины

Мать Иона сидела на монастырской кухне у окна, чистила картошку и думала: «Все-таки нет у наших сестер смирения». Вдруг мать Екатерина просунулась в окно: «У тебя смирения вот столько», — и показала «с мизинчик».

Однажды мать Екатерина подает камень Александре Ленской, духовной дочери отца Петра, и говорит: «Передай батюшке, он строит храмы». Она пришла к батюшке, подает ему камень. Он взял его и долго держал на ладони в задумчивости.

Надя стеснялась идти к матери Екатерине, да и не знала, что ей сказать. И, еще будучи школьницей, по настоянию одной из монахинь оказалась у матери Екатерины. «Матушка, это батюшкина внучка» (отца Петра). — «Какие внучки, у него нет никаких внуков, он монах». Потом внимательно посмотрела на Надю: «Не пострадавшая», — и дальше продолжала говорить о чем-то своем.

Валентина († 2014) (внучка отца Петра) собралась замуж. Жених из семьи военного. Спросила у батюшки, как поступить. Он просил принести фото, посмотрел и сказал: «Валя, не выходи за него, а лучше сходи к матери Екатерине, что она скажет». Валя

вошла в келью к матери Екатерине, келья была полна народа. Вдруг матушка подозвала ее к себе: «А ну-ка, иди ко мне. Замуж собралась? Не выходи за него, а то всю жизнь будешь чистить ему сапоги».

Первым схимничество матери Зиновии (Черевко) предсказал отец Кукша, сказав, что у нее будет три ангела. Когда она поступила в Пюхтицкий монастырь, мать Екатерина была еще жива, и однажды, придя к ней, мать Зиновия сказала: «Матушка, я новенькая, вы всем что-нибудь даете: или просфорочку, или яблочко, а мне никогда. Я думаю, это оттого, что вы меня не знаете». Мать Екатерина говорит: «Ты Зина?» — «Да». — «Так что тебе еще нужно, иди».

А однажды, когда мать Зиновия пришла к матери Екатерине, матушка попросила ее подойти поближе и стала пальчиками водить по передничку матери Зиновии и приговаривать: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Мать Зиновия подумала, что матушка предсказывает ей близкую кончину. Прошло время, и она забыла об этом. И вот, будучи в Липецке, она познакомилась в регентом, которая рассказала ей о своем посещении матери Екатерины. Не успела она зайти к матушке в келью, как та вскочила и запела: «Отверзу уста моя и наполнятся духа...» — и т. д., до конца пропела этот ирмос, регентируя при этом руками, а потом, подойдя к ней, стала писать пальчи-

ком у нее на груди: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». И эта матушка через какое-то время приняла схиму. И сразу вспомнились предсказания матери Зиновии о схиме.

А когда мать Зиновия (Черевко) первый раз пришла к матери Екатерине по поступлении в Пюхтицы, матушка спросила: «Ты из Глухова?» — «Нет, матушка, я из Фрунзе». Мать Екатерина снова спрашивает: «Ты из Глухова?» — «Нет, матушка, я из Фрунзе». Обращаясь к окружающим, мать Екатерина говорит: «Да она не понимает, она из Глухова». И долго не могли понять, что за Глухово такое. Оказалось, что владыка Зиновий, духовной дочерью которого с юных лет была мать Зиновия, родился в г. Глухово Черниговской губернии.

Жизнь матери Екатерины трудно поддается описанию, так как это необычная, не постижимая умом человеческим жизнь — юродство ради Господа, самый великий и самый трудный подвиг, при полном самоотречении и преданности воле Божией. Вот что удалось извлечь из дневниковых записей духовника старицы отца Петра (Серегина): «Юродство Христа ради или умышленная глупость? Этот вопрос хорошо разъяснила мать Екатерина: “Глупость есть грех, — сказала она, — потому что человек не пользуется даром Божиим, закопав свой талант в землю, как ленивый раб”. А о себе она сказала: “Я отказалась от своего

разума, разумеется, для Славы Божией, покорив Ему всю свою волю. Принесла жизнь свою в дар Богу. А Бог дарует человеку благодатный огонь высшего рассуждения и прозрения. Откровение же Божие получается через молитву"».

Одной своей духовной дочери мать Екатерина писала: «Когда я отдала свой ум Господу — у меня сердце стало широким-широким...»

5 апреля 1966 года архиепископом Таллинским и Эстонским Алексием в Пюхтицком монастыре, келейно, в игуменских покоях был совершен постриг в мантию послушницы монастыря Екатерины Малковой-Пашиной с оставлением ей прежнего имени. Мать Екатерина просила владыку сделать ей исключение: кожаный пояс, который обычно дается при постриге, заменить матерчатым. Просьба была удовлетворена.

После пострига в мантию мать Екатерина особенно стала тяготиться приемом посетителей. Она долго жила в настоятельском доме, не желая возвращаться в богадельню, а когда была вынуждена туда переходить, то просила мать игуменью ограничить доступ к ней приходящих. Последние годы своей жизни блаженная старица редко выходила из дома, больше лежала.

В последнем письме к А. В. мать Екатерина писала: «Как легко взять на себя подвиг и как трудно докончить...» Один Бог знал ее стра-

дания, она по-прежнему была в бодрственном состоянии духа, но стала больше лежать.

Причащалась мать Екатерина (после принятия пострига) каждую среду, причем только у своего духовника отца Петра (Серегина). Потом среду переменила на субботу. Случалось, неожиданно для всех мать Екатерина переселялась со своей кровати на кухонный диван настоятельского дома — это было дважды, когда мать игумения Ангелина опасно болела.

5 мая 1968 года — празднование жен-мироносиц. Утром до литургии старицу еще раз приобщили Святых Таин. Стоял чудесный солнечный весенний день. И сердца людей, и природа были наполнены светлой пасхальной радостью: «Пасха Господня! Пасха!» «Мироносицы жены, утру глубоку, ароматы вземша, Господня гроба достигоша!» — разливались в воздухе звонкие монашеские голоса. Колокола торжественно гудели. А мать Екатерина умирала…

Уж дважды прочитали отходную, стали читать акафист Казанской иконе Божией Матери, и при чтении 13-го кондака «О, Всепетая Мати!» мать Екатерина тихо скончалась. Было 2 часа 10 минут пополудни. 12 уставных ударов большого монастырского колокола возвестили о кончине блаженной старицы. Чин отпевания состоялся 7 мая после Божественной литургии.

Погребена мать Екатерина у алтарной части Николо-Арсениевской кладбищенской церкви, с южной стороны.

Пюхтицы, 2014 г.

Блаженный старец Степанушка (1870–1941)

О жизни блаженного старца известно очень мало. Блаженный старец Степанушка (в миру Стефан Антипович Крылов) до 40 лет был хорошим семьянином, работал, занимался воспитанием двух дочерей, а в 40-летнем возрасте решил изменить свою жизнь. Неподалеку от Пюхтицкой обители он построил себе маленький домик, там прожил до своей кончины. Ложем ему служил гроб; при входе в его жилище висела картина Страшного Суда. Старец часто странствовал, ходил в Иерусалим пешком, ходил по Принаровью, посещая храмы и деревни. Старец удостоился дара Святого Духа — дара рассуждения. Мест-

ные жители рассказывали, что благообразный старец был похож на древнего схимника. Многие приглашали его к себе в дом, старец заходил в избу, обратившись к иконам, долго молился вместе с хозяевами, потом, сидя за столом, вел неторопливые духовные беседы.

Умер старец в 1941 году, его похоронили у самого входа на монастырское кладбище с правой стороны, место захоронения блаженного легко найти — у самой ограды справа у ворот небольшой кирпичный склеп-часовня.

Господи, упокой душу блаженного Степанушки, со святыми упокой, и его молитвами спаси нас!

О блаженном Михаиле[*]

«Иногда в 1970–1980-е годы в монастыре появлялся блаженный Михаил. О его прошлой жизни мы ничего не знали, знали только, что родом он из Чебоксар. А однажды он сказал, что был сиротой и сидел за печкой, и Божья Матерь к нему приходила. Догадывались мы, что был он образованным человеком, потому что часто поражал своими знаниями из разных областей науки. Хотя и говорил гугниво, так что не все можно было понять.

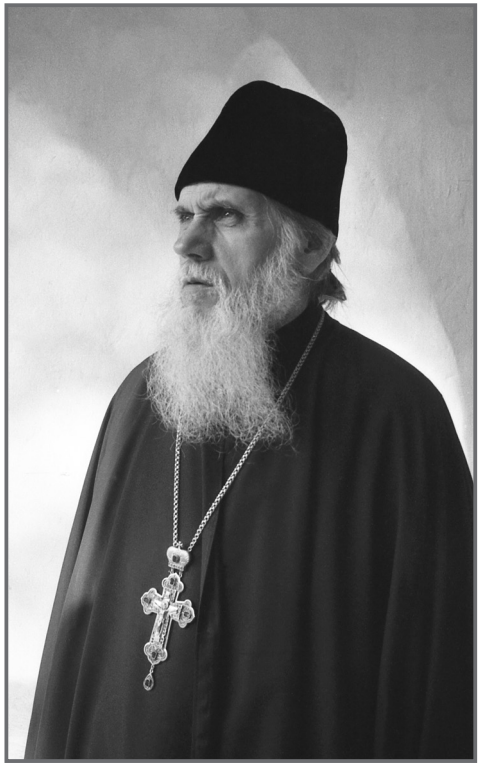
Матушка игумения не благословляла его оставлять в монастыре, говорила, что хотя

* Рассказ монахини Исидоры (Носковой).

ей и жалко бездомного Мишу, но ведет он себя так, что много смущения приносит. Но нам — сестрам, которые жили и трудились за оградой монастыря на скотном дворе, так говорила старшая мать Иона: “Молитвы Миши были вместо монастырских стен и сторожевых собак”. Да и очень жалко нам было Мишу, и мы его прятали в подполе. Там среди сложенных продуктов и вещей он и жил. Холода он не боялся, а паутины и духоты тем более. Сюда приходил исповедовать и причащать Мишу духовник монастыря отец Ермоген (Муртазов). Батюшка спускался к нему прямо в подвал и выходил со словами: “Это не я его исповедовал, это он меня исповедовал. Ему все открыто”.

Отец Ермоген очень почитал Мишу. Мы были свидетелями того, как по его благословению получил помощь от блаженного Михаила известный наш композитор Арво Пярт — в крещении Арефа.

У него очень болел сын, и отец Ермоген, духовник Арефы, сказал: “Иди на скотный к Мише, попроси, чтобы он помолился”. И вот однажды мы видим, что к нам по дороге идет господин в белом костюме с шарфом на шее. Подошел к скотному и спрашивает: “Здесь Миша?” Мы ему показали, где тот скрывался, открыли дверцу в подвал, а Миша как начал оттуда кричать: “Это кто пришел? Изменник Родины!” (Потом мы только поняли, что Пярта так в советское время стали называть,



Отец Ермоген

когда он уехал за границу.) И еще как-то его ругал. Постоял-постоял Арефа, послушал все это и ушел. А вскоре уехал из монастыря домой в Таллин.

И тут наш Миша вдруг стал в дорогу собираться. Сел на автобус и поехал в Таллин. И там, в большом городе, сам нашел, где живет семья Пярта. Как он так мог? Только откровением Божиим. Пришел, в квартиру позвонил. Когда открыли, сразу прошел к

постели больного сына Арефы, перекрестил его, помолился, сказал: “Ты поправишься. Только потом купите много детских вещей и отдайте многодетной семье в Пюхтицах”. И с этими словами ушел. Мальчик поправился, Арефа накупил много детских вещей и привез к нам на скотный, мы их спрятали — кому отдавать, не знаем.

А потом мы узнали, что недалеко в поселке живет многодетная семья, мы все им и отдали, и оказалось, что Миша уже однажды этой семье помог. Жили они бедно, да еще и зарплату задерживали часто. И вот случилось так, что осталось у них только три литра простокваши и немного картошки. А на работе сказали, что зарплату опять задерживают. И вот появляется Миша: “Хозяйка, дай три литра простокиши”. Сначала она расстроилась, детям хотела испечь что-то. А потом дала ему эти три литра простокваши. Он взял, на стол деньги бросил и побежал. И этих денег ей хватило до следующей зарплаты.

Миша часто и нас о чем-то предупреждал. Однажды он стал страшно ругаться на наших сестер на скотном дворе. Они даже рассердились: “Как это так! Ты в монастыре, и так ругаешься!” Прошло какое-то время, и появился на скотном лесничий и стал ругаться точно такими же словами, как и Миша. Но они не испугались и выгнали его.

Ко мне Миша хорошо относился, не ругал. Но однажды вдруг стал ругаться на меня.

Служба в Пюхтицком монастыре (начало 1980-х гг.)

И вскоре появились “ветеринары”, что котов отлавливают. Засунули наших котов в мешок, а я его потихоньку развязала и они все разбежались, а потом на меня ругались теми же словами, что и Миша. Я это сразу вспомнила.

Когда Миша в последний раз уезжал из Пюхтиц, он все время повторял: “Слышишь, как Божья Матерь на источнике плачет?” И вскоре он принял мучительную кончину. Миша приехал в Псково-Печерский монастырь и забрался-спрятался там в какой-то шкаф. А монахи или трудники (потом их из монастыря выгнали) сбросили этот шкаф с горы в овраг. Миша весь был переломан и вскоре скончался. Его безымянная могила находится в Печорах.

Одновременно с Мишей в монастыре появлялась *блаженная Лида*. Она всегда ходила с большими сумками, набитыми книгами. Светлая такая была, с большой русской косой. В холода ходила совсем раздетая. Ее почитал и любил Святейший Патриарх Алексий, когда он еще был митрополитом Таллинским. Он благословлял ее привечать, кормить. Она в трапезную заходить не хотела, так он говорил: “Ну, вы ей маленький столик в прихожей поставьте, пусть она хоть здесь поест”. И отец Ермоген ее почитал и жалел, помог ее потом в дом престарелых пристроить. Боялся, что она в своих странствиях где-нибудь замерзнет.

Вообще мы счастливые, каких людей мы знали! Настоящих подвижников».

Глава 2. Духовник обители и его духовные чада

Более 16 лет, с 1954 по 1971 год, духовником обители был отец Петр Серегин.

Родился батюшка в с. Шуты Пензенской губернии, в крестьянской семье, 21 августа 1895 года. Родители его были глубоко верующими людьми, и любовь ко храму он унаследовал от них. В юные годы читал духовную литературу, пел с отцом в церковном хоре. Учился в сельской школе, но в основном занимался самообразованием, и ему было предложено место волостного писаря.

В июне 1919 года священник Троицкой церкви отец Евграф благословил Петра организовать «Общество ревнителей православия». «Как я рад! Радостные чувства волнуют сердце», — восклицает в своем дневнике Петр. По промыслу Божию — в праздник свв. апп. Петра и Павла — состоялось открытие общества «Светильник», на которое возлагались задачи благотворительности, просвещения и благоустройства храма.

В 1921 году Петр был назначен псаломщиком и регентом в родной Троицкой церкви

вместо почившего родителя Дмитрия Флоровича. Благодаря дарованным Богом способностям и любви к православному богослужению отец Петр организовал хор из сельских прихожан, в котором пело по праздникам до 40 человек.

Отец Евграф подал рапорт о рукоположении Петра в сан диакона. Об этом событии записано в дневнике: «Ходил в Пензу и был рукоположен Преосвященным Борисом в диакона за поздней литургией в Петропавловской церкви, в воскресенье 24 апреля. Слава Тебе, Господи!» С глубоким усердием три года служил отец Петр в сане диакона.

С юных лет Петр стал вести «дневник правдивый и открытый», анализируя внутреннее состояние своей души «для проверки совести». Из дневника видно, как в молодом человеке «является жажда перейти к посильному выполнению высокой цели жизни». Свое предназначение он понял и записал в дневнике 5 апреля 1919 года: «Спасение. Служение Православной Церкви. Семья». И отныне каждый шаг, каждое движение мысли было освящено вечным светом Православной Истины. Немного спустя рождается вывод: «Все дарования и способности, всю жизнь, все силы отдать Церкви — самой верной сокровищнице и самому надежному хранилищу» (18 мая 1922 г.).

13 апреля 1925 года епископом Нижние-Ломовским Филиппом (Перовым), управля-

Протоиерей П. Серегин

ющим в то время Пензенской епархией, отец Петр был рукоположен во пресвитера к храму в соседней деревне Сьяново. В этот день он записал в дневник одно слово: «Свершилось!» Позднее он напишет: «Теперь я вступил на новый славный, ответственный путь — подвиг царственного священства... О, как я бесконечно счастлив, получив сей чудный

Беломорканал. 1931 г.

Божественный дар. По милости Его совершилось! Теперь, кажется, я сильнее чувствую, что не принадлежу ни миру, ни самому себе, но куплен сугубо дорогою ценою моим Господом. Господи, дай мне послужить Тебе в преподобии и правде» (17 мая 1925 г.).

С этого времени началась великая, самоотверженная пастырская деятельность отца

Петра. Запись из дневника в феврале 1926 года: «Священник должен быть молитвенник непрестанный, проповедник неутомимый, Таин Божиих строитель».

Наступили 30-е годы — годы репрессий. Не минула служителя Церкви Христовой тюрьма. В 1932 году он был отправлен на строительство Беломорканала.

В 1941 года началась война и отец Петр был на фронте до самого 1945 года и был удостоен нескольких правительственных наград. Окончание войны отец Петр встретил в Будапеште и оттуда уже вернулся в Петрозаводск.

С 1946 года по благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) отец Петр служил в Крестовоздвиженском соборе Петрозаводска. В марте 1948 года епископом Петрозаводским и Олонецким Нектарием (Григорьевым) назначен благочинным храмов Олонецкой епархии и настоятелем Крестовоздвиженского кафедрального собора Петрозаводска.

В эти годы отец Петр продолжал записывать свои размышления, в которых красной нитью проходила тема: *как спастись*. Многие его размышления являются как бы переводом высокодуховных истин на язык, доступный любому верующему человеку. Они как пособие для начинающих борьбу с собственными страстями.

«Всякое мое слово да будет обдумано и растворено солью благоразумия», — было

записано в дневнике еще в 1922 года. Именно такое слово и слышали приходящие к нему.

На праздник Успения Божией Матери в 1954 году о. Петр получил указ Высокопреосвященного митрополита Григория о назначении духовником Пюхтицкого монастыря.

Из записок Л. С. Запариной «Непридуманные рассказы»: «В Пюхтицу отец Петр приехал ненастным осенним днем. Было 1 октября 1954 года. Только закончилась обедня. К Святым воротам подъехала попутная машина, и из нее вышел человек, по виду — священник. Грузовик развернулся и уехал. Дул сильный ветер и гнал темные облака. Земля раскисла от частых дождей, и отец Петр шел осторожно, чтобы не оступиться. Подойдя к закрытым воротам монастыря, он поставил чемодан на землю, снял шляпу и опустился на колени прямо на холодную липкую грязь. Помолившись, отец Петр поднялся, отряхнул испачканную рясу и через калитку вошел в ограду.

Так началась его жизнь в Пюхтице. Было ему тогда 62 года, но по виду казалось меньше: сухощавый, прямой, выше среднего роста, очень крепкий, с красивыми чертами лица с пристально глядящими глазами. Волнистые волосы и темная еще борода росли вольно, не зная ножниц.

Образование отца Петра заключалось в трех классах начальной школы и заочно

пройденной семинарии. При богатых природных данных, глубоком и пытливом уме, цепкой памяти и исключительной работоспособности, — отец Петр сумел так обогатить свои знания, что в общении с ним совершенно не чувствовалась ограниченность его официального образования.

Это было время, когда обитель, как и вся страна, во всем терпела нужду. Послевоенные трудности обустройства обители, налаживание ее духовной жизни легли на плечи отца Петра. Став для насельниц и мирян незаменимым духовным руководителем — требовательным и понимающим, строгим и любящим — отец Петр прослужил в обители 16 лет.

Пюхтицкая обитель по своему уставу была общежительной, имела большое хозяйство и принимала множество паломников. Обитель владела 72 га земли, на которой выращивали свою пшеницу, рожь, овес, ячмень, картофель; имела огороды, большой скотный двор, более 20 коров, лошадей, кур; множество монастырских построек, начиная от собственной хлебопекарни и кончая большими кухонными погребами.

Поселили батюшку в гостинице, так как по бедности не могли предоставить ему отдельный домик и келию.

Десять лет отец Петр прослужил один. Служил ревностно, отдавая все силы. Трудно пришлось отцу Петру в Пюхтицком монастыре:

длинные ежедневные службы утром и вечером, полунощница, начинавшаяся в четыре часа утра, требы, окормление сестер и мирских, которых вначале было немного, но с закрытием Глинской пустыни и других монастырей их количество сильно увеличилось.

И как бы отец Петр ни уставал, после каждой литургии он по-прежнему говорил проповеди. Для каждой души батюшка находил полезное ко спасению слово. Часто батюшка спал сидя в кресле или вообще проводил ночи без сна и, не имея времени для подготовки к проповедям, всегда говорил то, что было у него на сердце, облагодатствованный священным прикосновением к богослужебным Божественным Таинствам. Ни один его совет не был им самим же не исполнен».

Особенно ценила о. Петра блаженная Екатерина. В общении с ним она отказывалась от своего обычного юродства и, как с человеком одного духа, могла беседовать с ним часами.

Из воспоминаний м. Серафимы (Демор): «Отец Петр призывал всех обращать внимание на свой внутренний мир, на то, что происходит в глубине человеческого сердца и ума, которые должны гармонично соединяться в едином стремлении стать обителью Господа Бога. Подвиг внутреннего очищения и борьбы со своими страстями батюшка ставил выше внешней исправности и фарисейской праведности. Слово его могло лечить, но

иногда лекарство его оказывалось слишком горьким, — за обличительные проповеди некоторые сестры батюшку невзлюбили.

— Вы подумайте, все страсти да страсти! Ну какие могут быть страсти у монаха, оставившего мир?! Главное — трудиться в обители. Вот батюшка Иоанн Кронштадтский сказал о сестрах Пюхтицкого монастыря, что тяжелыми трудами войдут в Царствие Небесное...

Безыскусные и простоватые эти сестры не могли уразуметь, что самый тяжелый труд — это как раз труд внутреннего подвига через отсечение любимых привычек, навыков, желаний — не только в делах, но и в мыслях, чувствах, настроениях. Греховный ветхий человек в этих немудрых девах сопротивлялся спасительной правде слов батюшки и восставал против него же самого. Но даже они порою вынуждены бывали признать и делились откровенно с близкими себе по духу, что сегодня батюшка говорил проповедь точно про них...

Конечно, без большого искреннего желания, без решимости претерпеть крест борьбы со страстями и похотями до конца невозможно быть послушной и трудно подчиняться воле другого человека. Но это и есть монашеская школа — отсечение своего “я” по мере шествия и продвижения ко Христу. Конечно, не все способны идти путем полного послушания и отречения от своей воли, но по степени решимости и венчаются, и усваиваются Христу Его последователи.

Батюшка хорошо знал этот путь борьбы, прежде всего со своим греховным “я”, и предлагал пройти им вслед за собой. Те, кто воспользовался этим великим даром — иметь духовника, — ценили и любили своего пастыря и благодарили Бога за него».

Из книги Л. С. Запариной: «Появление отца Петра в монастыре внесло большую смуту в тихую жизнь обители, разделив ее насельниц на два лагеря. Молодые и ревностные пошли к нему с откровением помыслов, со стремлением к духовным подвигам, а старые и более консервативные яростно кричали, что женатый священник не может быть руководителем монастыря, так как не понимает сущности монашества.

Так между многими сестрами возникла вражда, потому что каждая считала правильной только свою точку зрения. Но были среди сестер и такие, которые не примкнули ни к одной из разделившихся сторон. Подобное разногласие возникло и среди мирских, пользовавшихся советами и руководством отца Петра. Одни из них поставили его в киот и утверждали, что путь христианской жизни они увидели только благодаря ему, а другие втаптывали отца Петра в грязь и упрекали в пагубном влиянии на людей. Такое брожение умов и сердец имело место во все годы, проведенные отцом Петром в монастыре.

Келья отца Петра

Батюшка был очень требовательным и строгим, но прежде всего к себе. В начале своей жизни в Пюхтице он даже не поднимал белой шторы на своем окне, чтобы не отвлекаться от богомыслия. Спал в основном одетый, сидя на стуле, и иногда ночью со страшным грохотом падал с него сонный на пол.

Был неумолим в своих требованиях к вычитыванию молитвенных правил и соблюдению постов. Скоромную пищу в постные дни не разрешал даже больным. “Я не благословляю”, — скажет и строго замолчит.

От приезжих богомольцев требовал посещения всех церковных служб. “А то для чего же вы в монастырь приехали?” С годами стал мягче. А то помню, как одна старушка

Келья отца Петра

опоздала к общей исповеди и не слышала начала молитв перед нею, — узнав об этом, отец Петр отказал ей дать отпущение грехов: “Не опаздывайте. К поезду, когда куда-либо едете, торопитесь? А здесь дело важней всякого поезда”.

Скромен был в одежде, в еде, в быту. Если у него в комнате вдруг появлялся коврик, картина, удобное кресло, значит, это подарок духовных детей ко дню Ангела.

Молился подолгу, и когда говорил о молитве, то как о явлении таком же естественном и необходимом, как дыхание.

Помню, как он сказал: “Бог является Источником жизни и радости для человека тогда, когда этот человек всегда обращается к Нему и через молитву приобщается этого

Источника жизни. Только такое исповедание Бога и нашей веры в Него живо и действенно. Поэтому и говорят, что молитва есть дыхание души. Если молитва погасла, то душа уже мертва и отчуждена от Бога — источника жизни и радости"».

Л. Д. Запарина приводит рассказ одного их паломников: «...среди богомольцев разнесся слух, что отец Петр отчитывает "порченных". Их стали привозить к нему, но вышло распоряжение, чтобы он этого не делал. Не знаю, имел ли он силу над нечистью или нет, только мне пришлось испытать следующее: както мы вдвоем с моим другом решили провести зиму в Пюхтице. Мы сняли комнату, и хотя она по местным бытовым условиям была весьма комфортабельной, мне комната сразу же не понравилась, и меня охватило в ней чувство тоски. Я не придал этому значения, и мы поселились.

Вскоре мой приятель уехал по делам в Ленинград, а я остался один. Утром я не всегда посещал храм, но по вечерам простаивал в нем всю службу. Вот после одной из таких служб я вернулся домой, зажег лампу-"молнию" (тогда электричества здесь еще не было), затопил печку, вскипятил чайник и расположился за столом с книгой.

Трещали дрова, за окном ярко сияла луна, на душе было хорошо. И вдруг, как острое жало, мысль не мысль, а будто кто-то шепнул: выйди на улицу и удавись. Я передернул

плечами, на миг ужаснулся и продолжал чтение дальше. На второй вечер это явление повторилось, только в более острой и продолжительной форме, так что я долго не мог успокоиться. А на третий его сила была такой мощной, что на меня напал ужас и я почувствовал, что дальше этот натиск выдержать не могу. Едва дождавшись утра, я пошел к отцу Петру, но уже не застал его дома и оставил ему отчаянное письмо с просьбой помочь.

Наступивший вечер прошел спокойно, так же спокойны и безмятежны были последующие дни и ночи. Я совершенно забыл о страхованиях, и вдруг встретил в роще отца Петра. “Ну как?” — спросил он, пристально глядя на меня. Я недоуменно поднял плечи, начисто забыв все. Потом вспомнил и затряс его руку: “Спасибо, спасибо! Все прошло!” — “И не вернется”, — спокойно и значительно сказал отец Петр и пошел своей дорогой.

А на моего друга, который очень любил Пюхтицу, начал нападать страх даже в церкви. Ему казалось, что он вот-вот должен увидеть нечто ужасное. Высказал о своем состоянии отцу Петру, тот поднял на него спокойные глаза:

— Вас отсюда гонят.

— Кто? — не понял друг.

— Бесы. Не уступайте им, молитесь.

Мой друг очень извелся в этой борьбе, но не уехал, а усердно молился, и все, слава Богу, прошло.

Через три года я узнал, что в этой комнате, где со мной происходили страхования, был убит выстрелом в окно человек, предавший и сам убивший несколько местных жителей. После убийства тело несколько дней пролежало в комнате».

Далее в книге «Непридуманные рассказы» приводится еще один рассказ того же паломника: «Я не был в числе духовных чад батюшки, но, приезжая в Пюхтицу, всегда заходил побеседовать с ним и очень дорожил проведенным вместе временем. Обычно по приходе мы молились, потом приветствовали друг друга, а затем, зябко ежась в теплом подряснике и меховой безрукавке, отец Петр усаживался напротив меня, и начинался душевный разговор, которому мешала сильная жара в комнате, но батюшка, по всей видимости, не тяготился ею.

Один раз я спросил:

— Вы любите тепло?

— Очень.

— Как же вы выдерживаете в соборе службы? Там ледяной холод даже летом.

— Господь помогает, — улыбнулся отец Петр.

Один год я не был в Пюхтице, а приехав, зашел к отцу Петру.

— Ну, рассказывайте, как живете, — ласково встретил он меня.

— Очень плохо, болею, — с грустью ответил я.

— Радуйтесь, — произнес отец Петр.

— Чему радоваться?! Я ведь инвалидом стал.

— Это Господь печется о вашем спасении.

— Нет, батюшка, теперь путь спасения для меня закрыт.

— А в чем вы его видите?

— В помощи ближним. Но болезнь лишила меня этой возможности.

— Вы избрали для себя легкий путь спасения, а Господь посылает вам более трудный — путь смирения. Ведь ничто не смиряет нас так радикально, как болезнь. Не печальтесь о взятом от вас и принимайте посылаемое.

Тему нашего разговора о. Петр потом развил в своем слове, сказанном в храме после литургии: “Очень многие жалуются мне, что окружающая обстановка мешает делу их спасения. Хочется помолиться, богомыслием заняться, духовную книгу прочесть, а в семье или у соседей — гости, телевизор включен, музыка.

Как можно сосредоточиться, если в сердце одно раздражение на окружающих, где же здесь спасение? А я вам скажу, что надо благословлять такие условия, потому что они закаляют наше сердце и приучают неустанно следить за собой”.

Говорить народу после литургии отец Петр поставил себе за правило. Не всегда его слова бывали одинаково интересны и били в цель, но всегда это был зов ко внутреннему совершенству. Мне запомнилось, как он ска-

зал однажды: “Следите все время за сердцем: с Богом ли вы? Проверяйте себя! Берегитесь, когда мысли ваши блуждают, то забегают в прошлое, то строят какие-то воздушные замки или приводят воспоминания о причиненных вам кем-то обидах и воспаляют сердце. Как можно больше молитесь, но помните, что есть люди, которые много молятся, но кому они молятся? Не все молятся Богу, а молятся себе. Некоторые сетуют, что во время молитвы житейские мысли уносят ее от них. Это потому, что они слишком привержены житейскому, а не духовному. Надо изменять направление мыслей, и молитва останется с молящимся”.

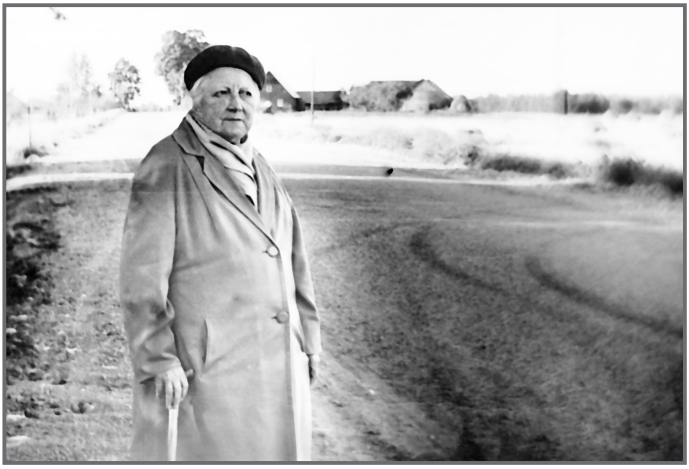
Отцу Петру приходилось выслушивать много замечаний об утомительно длинных поминаниях живых и мертвых во время литургии. “А вы сами почему не молитесь в это время? — говорил батюшка упрекавшим. — Поминайте своих. Вспомянули — поминайте чужих. И чужих помянули — тогда творите молитву Иисусову, и благо вам будет”».

Он много писал о молитвенном состоянии человека, о путях достижения совершенства, и наиболее близким давал читать свои записи. Вот маленькая выдержка из них: «Мы часто бываем слишком снисходительны к себе в грехах, так называемых “малых” или “повседневных”. Не надо забывать, что почти всегда они являются многолетним навыком

или признаком и проявлением застарелых страстей. Их сила и опасность обозначается только тогда, когда вступишь с ними в борьбу. Здесь небрежничать очень опасно».

Жил отец Петр в монастыре сначала один, изредка приезжали к нему дети с маленькими внучатами, потом к нему переехала супруга. Она была старше мужа, видимо, красивая в молодости, тихая, молчаливая, будто придавленная сильным характером своего супруга. Хозяйства она не вела по болезни, этим занимались духовно близкие отцу Петру женщины. Детей у отца Петра было четверо, внучек — десять, внуков — двое. Десять лет отец Петр прослужил в Пюхтице без помощника, а некоторые годы даже без отпуска, так как не хотел оставлять без себя монастырь. Под конец стал изнемогать: богомольцев все больше, количество поминаний растет, требы увеличиваются, а он — один. И болезни стали одолевать, особенно страдал отец Петр от воспаления тройничного нерва, а в последние годы начало донимать сердце и ноги сделались непослушными.

В 1965 году в Пюхтицу вторым священником назначили отца Александра Муртазова. Но отец Петр был очень предан храму, в нем жила жадность к служению, и видно было, что прибытие второго священника обрадовало его мало. Ему хотелось все, от большого до малого, по ревности к Богу делать самому, а тут надо было уступать равную часть друго-



Зоя Михайловна Клементьева

му, тоже ревностному, горячему и вдобавок молодому. Видно было, что отец Петр очень страдал, он часто бывал несправедлив и незаслуженно холоден к своему смиренному помощнику, но тот терпел безропотно, и дело окончилось взаимным миром.

Как правило, отец Петр никогда не выходил из храма один, обязательно появлялся какой-нибудь человек, а иногда двое или трое, которым срочно требовалось выяснить важное для них дело. Пока шли монастырским двором, к идущим успевал присоединиться еще кто-либо, за калиткой тоже ожидали желающие получить совет. «Ну, опять крестный ход», — пошутит кто-нибудь из монашек.

Отец Петр выслушивал всегда всех внимательно и обрывал только в тех случаях, если

к нему обращались совсем с пустым разговором. Говорящего он не торопил, задавал вопросы. Сердился редко, а покрикивал еще реже. Когда наконец уходил один в дом, уже согнувшийся от усталости, то казалось, что сложенные на него горести он несет, не сбрасывая со своих плеч.

Мне рассказывали, что однажды в Печерский монастырь к покойному (а ныне прославленному) отцу Симеону приехала пюхтицкая монахиня для разрешения сложного вопроса. Выслушав ее, отец Симеон с упреком сказал: «Зачем ко мне ездите, когда у вас есть такой священник, как отец Петр?»

Отец Петр прослужил в монастыре 16 лет. Матушка игумения Рафаила, при которой отец Петр пришел в обитель, неоднократно говорила ему: «Батюшка, ведь вот вы же не монах, но как пришлись нам ко двору!» — выражая этим свою благодарность батюшке за самоотверженное служение и удовлетворенность им.

Пюхтицу часто посещал старый ленинградский ученый, влюбленный в науку и посвятивший ей всю свою жизнь. В откровенной беседе отец Петр посоветовал ему оставить научную деятельность и заняться подготовкой своей души к переходу в иной мир. Это предложение оскорбило ученого и оттолкнуло от отца Петра. «Это изувер, — говорил тот о нем, — темный фанатик четвертого века». Потребовались годы, для того чтобы на

пороге своего 80-летия ученый понял, что отец Петр прав.

Домом на Княгининой горе, где между прочими жили оба священника, заведовала старая монахиня С., Бог знает в силу каких причин возненавидевшая отца Петра. В глаза ему и за глаза она говорила о нем самые порочащие вещи, останавливала приходящих к нему на дом богомольцев, стыдила их, что они обращаются за советом к такому ужасному священнику, пугала Божией карой и очень часто добивалась того, что отвращала людей от отца Петра. Многие указывали батюшке на недопустимое поведение монахини, но он отвечал: «Это такой крест, который мне по силам, есть куда тяжелее». И относился к ней с неизменным добродушием, которое приводило ее в ярость.

Здесь уместно вспомнить слова из беседы от 30 мая 1910 года прп. старца Варсонофия Оптинского: «Это враг научает злословить рабов Божиих, чтобы отвлечь от них людей. Действительно, врагу выгоднее всего, когда люди бегут от светильников Божиих и пребывают во тьме. Происки врага бывают и у нас в Оптиной. У отца Макария, несмотря на его прямо святую жизнь, было много недоброжелателей из скитян.

Бывали такие случаи: приедут из Москвы богатые купцы на тройках (железных дорог тогда еще не было) к батюшке Макарию. Подъезжают к скиту и спрашивают:

— Где живет известный Макарий?

— У нас такого нет, — отвечают ему.

— Как же такого нет, а нас именно и послали к отцу Макарию.

— Макариев-то в монастыре много, которого же вам?

— Да это Оптинский скит?

— Оптин, Оптин!

— Ну как же, тогда нет сомнения, что здесь живет отец Макарий!

— Ах, вам, верно, иеромонаха Макария, есть, есть. Только зачем это вы к нему приехали, никакой пользы от него не получите. Не советуем к нему идти.

Озадаченные такими словами, купцы, выругавшись, поворачивают обратно.

Некоторые из иноков с негодованием передавали отцу Макарию о случившемся и говорили:

— Как вы, батюшка, подобных монахов терпите? Да их метлой надо гнать из монастыря. Если уж вам все равно, так обитель лишается помощи, ведь среди купцов были богатые фабриканты... Мы же живем милостыней.

— Успокойтесь, — отвечал обычно отец Макарий, — иноки тут ни при чем. Значит, не доро́га этим людям быть у меня; кого Бог посылает, тот меня найдет.

Сильно работает диавол, желая отвлечь людей от служения Богу, и в миру он достигает этого легко. В монастыре же ему труднее бороться, оттого дух злобы так ненавидит

Пюхтицы. Надя Серегина с отцом Василием и матушкой Лидией

монастыри и всячески старается очернить их в глазах неопытных».

Что касается отца Петра, то гонения на него прекратились после вмешательства правящего архиерея (владыки Алексия, будущего патриарха), после обращения к нему духовного сына батюшки отца Василия. Он посетовал владыке на притеснения отца Петра, и владыка своей властью все уладил.

Из книги Л. С. Запариной, рассказ паломника: «В течение своей жизни я посетил некоторые действующие монастыри, и у меня возникло сомнение: могут ли они при тех условиях, в которых теперь находятся, способствовать спасению людей, пришедших в них.

Я высказал свои соображения отцу Петру и получил убежденный ответ: “Монастырь — это передний край борьбы с врагом, это кузница, где выковываются человеческие души. Каким бы несовершенным ни был монастырь, он поможет человеку, если тот пришел в него ради любви ко Господу. Не надо забывать, что в монастырь идут лучшие люди в мире. Но есть и исключения. Есть те, которые пришли ради самых низменных целей, или по непониманию монашества, или в состоянии временного подъема. Таких людей много, но в данном случае речь идет не о них, и тот, кто пришел в монастырь ради спасения души, не сольется с ними.

Вы знаете хорошо, что каждый человек терпит многочисленные нападения от беса, но особенно много усилий враг прилагает для борьбы с монашествующими, так как в миру бес увлекает человека какой-либо одной страстью и держит его на поводке, потому что мирской человек редко со своей страстью борется, а в монастыре идет горячая борьба со страстями, их стараются отсечь, и потому бес идет на различные уловки, зачинает

ссоры, сплетни и т. п., чтобы внести разлад и уныние в сердца борющихся. Говорят, что в монастырях много плохих монахов, а откуда они пришли? Из мира. Но они пришли для того, чтобы стать лучше"».

Искреннее служение Господу с полной отдачей всех сил, душевных и телесных, малопомалу истощало слабое здоровье батюшки, он стал заметно ослабевать. В 1970 году потребовалась срочная операция, после которой он уже не служил и был отправлен по состоянию здоровья за штат. Свое увольнение и разлуку с родной, Богом данной ему Пюхтицкой обителью отец Петр пережил внешне спокойно, с полной покорностью и преданностью воле Божией. Но те, кто близко знал батюшку, могли догадаться, что он пьет новую скорбную чашу, не имея возможности служить у Престола Божия.

Но так как скорби были обычными спутниками его жизни, отец Петр опять всецело предал себя Господу, говоря: «Вот в моей жизни начинается новый отрезок времени, новая страница». Как всегда, сетовал, что «надо нам понять, чего хочет от нас Господь, преподавая нам данный урок», да и сам старался усвоить новый урок Божий здесь, на покое.

Еще ранее кто-то из благодетелей приобрел для батюшки домик с небольшим участком земли в трех километрах от монастыря, где он и поселился. Близость к обители не только утешала отца Петра,

Батюшка на хуторе убирает снег

но и была большой радостью для сестер, ибо давала им возможность хоть изредка посещать батюшку на его хуторе. Он не переставал опекать сестер до последних дней своей жизни.

Служение Богу и людям стало в это время еще более молитвенным, сосредоточенным. Основным деланием в эти годы явились для отца Петра занятия Иисусовой молитвой и усвоение, водворение ее в сердце. При посещении батюшки на хуторе, при беседе с ним и даже при ответах его на вопросы было видно, что не это занимает целиком его внимание. Он был здесь и не здесь, погруженный во внутреннего своего человека.

Премудрым Промыслом Божиим отцу Петру были наконец дарованы тишина и покой сельской жизни, которыми он сумел в полной мере воспользоваться. Когда кто-то из приходивших к батюшке участливо спрашивал его, не скучает ли он, не имея возможности часто бывать в храме Божием, он удивленно отвечал: «Не скучно ли?! Нет, нет! Я не имею понятия, что такое скука. Да и когда скучать? Нет для этого времени!»

Чувствовалось, что его душа продолжает жить на всю глубину сердечную, еще более усовершенствуясь и возвышаясь в любви к Богу и людям.

Свое внутреннее состояние батюшка описал однажды в стихах:

Все в мире греха и печали
Отравлено ядом страстей,
А люди здесь счастья искали,
Искали сверженья цепей...

В одном утешенье нашел я:
В глубокой тиши, у икон,
И храм, и твердыня мне — келья,
Хранящая плач мой и стон.

Затухните, бурные страсти,
Затихни, седая волна,
Не нужно ни славы, ни власти, —
Душа сокрушенья полна.

Устал я. Душой одинокой
Христа я всем сердцем ищу,
Об этом одном я вздыхаю,
Об этом молюсь и грущу.

6.01.1954 г.

На хуторе у батюшки всем хватало и места, и его доброго слова. Сюда могли прийти и монашествующие, и семейные, и выбирающие свой жизненный путь. Люди с высшим образованием и необразованные, и из духовного звания, и светские, и верующие, и иногда неверующие находили в нем удивительного по уму собеседника и советника.

А для духовных чад батюшки наступило счастливое время. Теперь приходить к нему можно было и днем и ночью; его дверь открыта была для всех. Приезжали дети, внуки, духовные чада. В летние месяцы собиралось

Домик у дороги. Хуторок

столько народа, что жили не только в доме, но и в детской, в сараях. В пчеловодной сделали кровать с пологом, как раньше в деревне, чтобы пчелы не залетали. Спишь на свежем воздухе, и упоительно пахнет медом. Тишина, вокруг лишь лес шумит. А батюшкины внуки построили себе избушку в саду. Даже в дальних сараях жили люди.

На хуторе шумно, но любовь между нами.
И чувствует каждый, что батюшка с нами.

Осенью все шли копать картошку. А когда привозили дрова и пилили их, батюшка потихоньку выходил во двор и даже немножко пилил тоже, а потом говорил о себе: «И мы пахали», — так говорила муха, сидя на рогах вола в басне Крылова.

А как все переживали, когда батюшка болел! Сердце холодело в груди, молились, чтобы продлил Господь его жизнь.

Батюшка, родной,
Слабенький, больной...
Вы для нас еще дороже,
Когда вас болезнь тревожит,
Мы скорбим всем сердцем, всей душой...
Не болей, родной,
Старец дорогой!
Просим Бога со слезами:
«Не оставь нас сиротами,
Исцели...
Он трепетный служитель Твой».

1975 г.

В обед накрывали два стола, но с батюшкой все не помещались, садились во вторую очередь. За обедом он обязательно говорил слово и раздавал «капельку» из своего бокала. Вот какой стишок прочитал батюшка за обедом в назидание духовным чадам:

Воробей спросил синичку:
«Очень бы хотелось знать,
Почему на свете люди
Должны вечно хлопотать?»

А синичка отвечала:
«И я думаю порой,
Нет у них Отца на небе,
Что питает нас с тобой».

Келейница отца Петра монахиня Сергия во дворе. Справа – детская, за ней дровяник, видна труба бани

После обеда дело находилось всем: одни шли за грибами и ягодами, кто-то с удочкой на канаву недалеко от хутора ловить карасей для кота, кто-то помогал на огороде, рисовали, пели, ребята играли в теннис, катались на велосипедах. Кто постарше — переписывали батюшкины «сотни», помогали по хозяйству, ведь всех нужно было накормить...

Казалось, что так будет всегда.

Счастливая пора!
Здесь детство повторяется второе.
Под кровлею отца
Живем, блаженствуем в покое.
Молитвами его,
Отца и старца дорогого,
Не знаем мы тревог
И омута мирского.

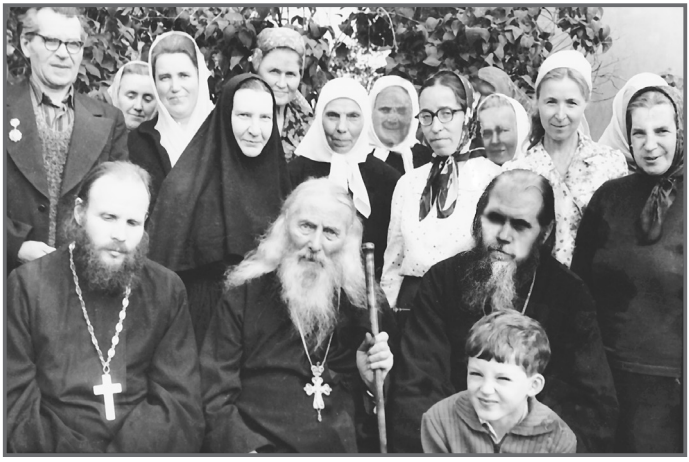
Он старенький у нас...
Больные ноги он с трудом передвигает,
Но с палочкой в руках
Выходит в сад... И пчелок навещает.
Своею жизнью
Всем он радость доставляет
И скорбные сердца
Своей любовью утешает.

Особенно любили все бывать у батюшки на именинах. Сколько тут было радости! Сколько задушевных бесед и утешения!

Начиная свою беседу с сестрами, батюшка обычно так обращался к ним: «Дорогие мои о Христе дети!» И каждая сестра в этот момент понимала, как она дорога батюшке и как он хочет единою любовью собрать всех, как чад Божиих, в вечности. Слово его исходило от любящего сердца и попадало к любящим сердцам.

Сестры считали своим долгом обязательно утешить батюшку пением, пели церковные песнопения и псалмы. Особенно отец Петр любил псалом «Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже...», содержание которого соответствовало устроению боголюбивой души его. Обязательно исполнялся и стих о прп. Серафиме Саровском («Вот он, блаженный пустынник...»).

На день Ангела батюшки собирались очень интересные люди. Рассказы о них дают более



День Ангела батюшки

полное представление о нем как о духовнике. Батюшке мы верили бесконечно. У него был ответ на любой вопрос. Ответ был всегда единственно верный и неожиданный.

Сколько интересных людей увидели мы на хуторе и подружились! Приезжали из Питера, Москвы, Самары, Латвии, Бугуруслана, Вологодской области, Дагестана, Сухуми, Украины и др. О каждом из них можно писать отдельно, настолько это были интересные люди и судьбы. «Батюшка, мы вас очень любим», — твердили мы. «Вы меня любите, потому что я вас люблю...»

Т. сдавала экзамены, а знала только один билет.

— Батюшка, я ничего не знаю.

— Какой билет ты знаешь?

— Второй.

День Ангела батюшки

Его она и вытащила.

Батюшка был очень благодарным человеком. Во время уборки урожая ему приносили собранные овощи, он с благоговением брал в руки свеклу, целовал ее и благодарил Бога.

Т. печатала на машинке его сотницы, принесла первую сотню, он крепко прижал тетрадь к своей груди и сказал: «Как я благодарен тебе, что ты продлеваешь мою жизнь, которая была нелегкой. Пиши, да и дыши» (ими).

«Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», — часто говорил он.

«Вечное Царство Божие Небесное ты получить не можешь, если не будешь иметь его здесь, на земле, во временной жизни, в своем сердце».

«От любви получишь:
— покой
— радость
— свободу».

«Ну что ж, походи в виноватых. Гордому тяжело в виноватых ходить, а смиренному легко».

«Какие сами — такие и сани».

«Страсти нужно не питать, а изживать».

«Держись за последнее место и руками, и ногами, и зубами».

«Смиряйся через отсутствие смирения».

«Среди молв стяжи безмолвие».

«Усердие — значит постоянство».

«Совести надо повиноваться, как воле Божией. Если ваша совесть противоречит заповеди, значит — ваша совесть сожжена».

«Не заботься о том, как к тебе относится человек, а заботься о том, как ты к нему относишься».

«Нужно разбирать, что дело, а что поддельe».

«Внешние условия ни губят, ни спасают; все зависит от того, как человек исполняет заповеди и воспитывает себя, работает над своим сердцем».

«Всякий подвиг, предпринятый человеком, есть восхождение на крест».

«Даже малое удовольствие расслабляет сердце».

«Если будете стремиться к церковной службе, к духовной жизни — будете находиться

под особым Промыслом Божиим, и верьте, что Господь всегда поможет, а на внешние неприятности не обращайте внимания».

«Дети мои, я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос...»

«Много у вас наставников о Христе, но мало отцов, а я родил вас благовествованием».

«Помни, что каждая минута — урок Божий, а люди ни при чем».

«Все мне дозволено, но не все должно мной владеть. В этом свобода».

Из наставлений отца Петра монахине Леониде:

«Сокращать общение даже со знакомыми лицами для охраны собственного благополучия в духовном отношении».

«Никакая наука не имеет цены, если она не имеет направления исполнения заповедей».

«Никакая добродетель не спасительна, если она не принесет в сердце смирения».

«Некоторые избегают гнева по гордости: “А что мне с ним связываться! Кто он по сравнению со мной!” С гневом борется, а превозношению служит, и этой страстью побеждается, не имея никакой пользы от своих усилий над искоренением гнева».

«Удаление в пустыню есть подавление соблазна внутри себя».

«Если у человека чистое сердце, то его ничто и никто не соблазнит».

Однажды за обедом батюшка удивил всех, сказав, что границу с Эстонией закроют, а по-

У батюшки на хуторе (Лидия Ефимовна, м. Ксения, м. Мария, м. Серафима)

том опять откроют. В то время и разговоров даже не было ни о каких границах (середина 80-х годов прошлого века).

«Для человека необходимы: покой, радость, свобода. Покой, когда он не грешит, радость от молитвы, а свобода от гнева и пристрастий».

На хуторе батюшка прожил с 1971 года и до конца своей земной жизни. Он никогда ни с кем не обсуждал клевету, которую на него выливали ушатами, даже намеком.

Мать Серафима (Демор) рассказывала, что ей было жаль батюшку, и она осудила обидчиков, батюшка прервал ее: «Замолчи!»

Можно было только догадываться, как ему было тяжело. Божественная литургия была его жизнью, его дыханием: 16 лет службы в монастыре утром и вечером.

На хуторе его посещало много людей. Время было советское, и нередко на хутор наведывались представители власти для проверки документов.

День на хуторе начинался и заканчивался молитвой. Все собирались в большой столовой, которая была одновременно и кухней, и батюшкина келейница мать Сергия читала утренние и вечерние молитвы, затем все брали благословение.

После каждой трапезы батюшка всегда говорил слово, ежедневно, в течение многих лет жизни на хуторе, не считаясь со своим настроением и самочувствием. Застольные беседы записывала Люба (мать Леонида).

Когда к отцу Петру приходили посетители, он начинал беседу с тропаря Успению Божией Матери «В Рождестве девство сохранила еси, Богородице...» А заканчивал беседу: «В молитвах неусыпающую Богородицу...»

Когда отец Петр служил в соборе, на службу он приходил очень рано и иногда долго ждал на морозе, когда откроют двери.

А помянников у него было великое множество. Для этих записок был приспособлен специальный портфель, подаренный батюшке монахиней Евстафией, и на нем была гравировка: «Господь открыл вам сердца людей и дал чашу скорбей».

Никто из посетителей не уходил с хутора без чая и гостинцев, все были согреты заботой и любовью. В Великом посту у нас была

возможность ходить в монастырь на службы утром и вечером. Все каникулы и отпуска проводили на хуторе. Батюшка так согревал наши сердца своей любовью, своими молитвами, что каждый месяц стремились к нему. Иногда ехали без билетов в тамбуре, иногда на третьей полке общего вагона. Батюшка напутствовал: «Приезжайте почаще, потом будете вспоминать это время». Как он был прав! Это было счастливейшее время. Он согревал своей любовью и разрешал любые вопросы.

У отца Петра был великий дар рассуждения, действенной молитвы, прозорливости. Качеством его сердца было трезвение. Никто не видел, когда он молится. Утром встаем, батюшка уже сидит в своем кресле, вечером засыпаем, а свет в келье еще горит.

Батюшка всегда был в бодрствовании, постоянно внутренне молился, пищу вкушал, что подадут, никого не осуждал, не раздражался, в людях видел образ Божий, даже тех, кто ему сильно досаждал, он продолжал любить. Все делал не торопясь, аккуратно, основательно.

Когда отец Петр жил в Пензенской губернии, шел он со своим маленьким сыном Василием, а бесноватые чуяли издалека и кричали: «Длинногривый идет, а с ним “карандашный огрызок”».

В Пюхтице, когда еще батюшка отчитывал, они кричали: «Петруха пюхтицкий оставит о себе след».

Надя (внучка о. Петра) с Шариком. 9.2.1973 г.

Надежда, батюшкина внучка, мать Сергия, келейница, и Люба (мать Леонида), регент, пели на кухне успенские песнопения. Батюшка вышел из кельи и обратился к Наде: «Будешь регентом». — «Дедушка, ну какой из меня регент, я даже нотной грамоты не знаю». Он молча пошел в келью, они продолжали пение. Батюшка снова вышел и сказал: «Будешь регентом». Так и случилось, Надя окончила регентский класс в Санкт-Петербурге и регентирует уже много лет.

А вот как вспоминает свое первое знакомство с отцом Петром одна из его чад: «Первое знакомство с батюшкой произошло в 1966 году, было мне 17 лет, только что закончила школу, начиналась взрослая жизнь. На всю жизнь запомнились слова отца Петра: “Живи так, чтобы перед Богом было не грешно, и перед людьми не стыдно”».

Прожив несколько лет в обители и сохраняя в душе большое желание монашеского чина, отец Петр письменно просил своего духовника отца Иоанна Цветаева благословить его на монашеский подвиг. На это отец Иоанн ответил, что монашеские обеты только затрудняют духовничество в женской обители, и лучше стремиться к внутреннему монашеству, а пока отложить мысли об этом.

Через много лет, в глубокой старости, когда отец Петр уже не будет искать монашеского пострига, его, давно уже внутренне ставшего монахом, за святое послушание постригут и покроют черными ризами.

В своих воспоминаниях отец Кенсорин так говорит об отце Петре: «В первый раз я приезжал в Пюхтицкий монастырь по благословению отца Иоанна (Крестьянкина), чтобы совершить постриг в монашество отца протоиерея Петра Серегина, служившего в монастыре много лет и жившего за монастырской оградой. Отец Петр тоже был великим старцем, — я постригал в монашество и его келейницу за несколько лет до его смерти».

Батюшке шел 87-й год, он слабел. Его беседы с посетителями касались вечности и загробной нашей участи. Было впечатление, что батюшка уже видит эту будущность, уже живет в ней. «Жизнь жительствует», — каракулями писал он последние слова свои — рука уже не владела. Он уже уходил в другую, вечную жизнь.

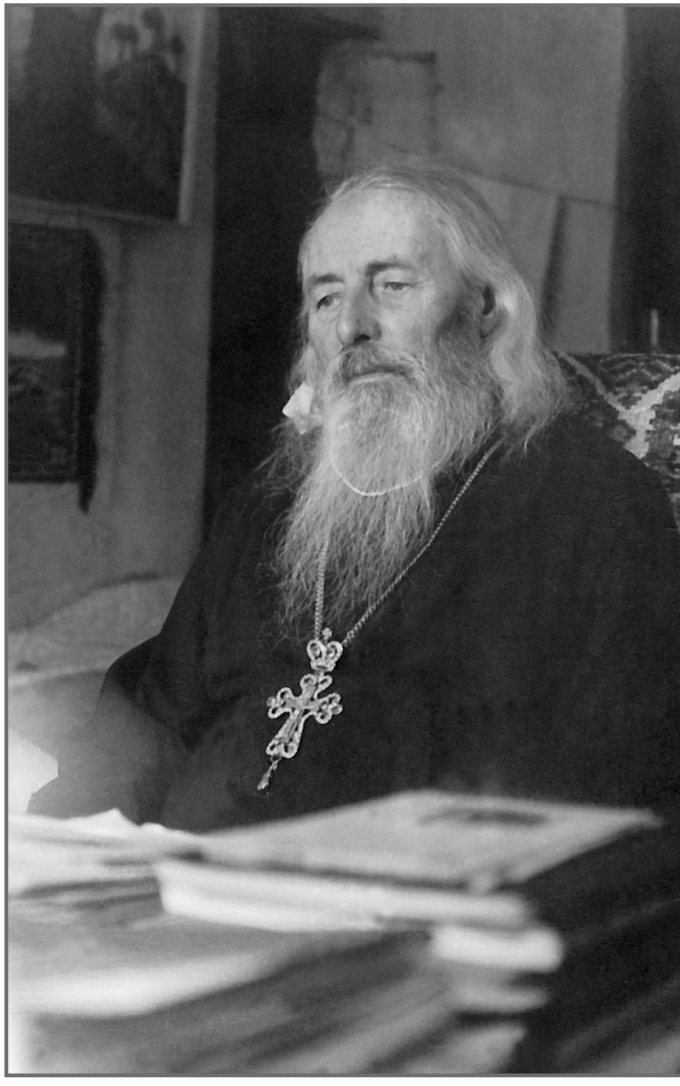
08.08.82 вечером перед вечерней он говорил: «Я всю жизнь отдал Церкви и ближним, а теперь ухожу спокойно. Все отдал, что было». «Служение обществу и ближним выше мученического подвига...»

15 августа 1982 года батюшки не стало. Светильник погас.

«С утра будь на молитве Серафимом, в делах — Херувимом, а обхождением — Ангелом». Листок с этими словами свт. Димитрия Ростовского лежит у батюшки на столе. Листок с последней записью: «Я живу, и вы будете жить. Жизнь жительствует. Живу верою в Сына Божия».

Проводы отца Петра в иную жизнь, куда давно стремилась душа его, оставили в душе светлую скорбь и пасхальную радость одновременно. Похоронили отца Петра на монастырском кладбище.

Отец Владимир Залипский (настоятель кафедрального собора Таллина) в последнем слове сказал: «...я знал батюшку 27 лет и могу сказать, что я никогда не был достоин общаться с ним. Еще мирянином я был



В келии

у него. Он жил тогда в гостинице. Там у него была келья. Когда я пришел к нему (а это было впервые) и подошел к келье, дверь открылась и из нее вышла женщина, которая, видимо, была на приеме у отца Петра. У нее был очень серьезный вид. По-видимому, он напутствовал ее в большую и трудную жизнь. Вслед за ней в дверях показался отец Петр и, как бы заканчивая напутствие ей, сказал: “Полный покой в полном самоотвержении”. И хотя эти слова были сказаны не мне лично, я запомнил их на всю жизнь. Это было первое впечатление.

Позднее я приезжал к нему исповедаться, и бывало так, что, после того как я исповедаюсь у него, он тут же исповедается у меня. Он пользовался случаем, что к нему пришел священник. Я знаю его давно и поэтому многое мог бы о нем сказать, но многое вы и сами знаете.

Батюшка был истинный пастырь Христов, носящий Его образ. Да, собственно, мы все, священники, носим образ Спасителя. Спаситель же говорит: “Пастырь добрый душу свою положит за овцы своя”.

И об отце Петре можно сказать, что он полагал душу свою за духовных чад. Но что значит полагать душу? Как к Спасителю приближались мытари и грешники слушать Его, так и к отцу Петру имели доступ все мы, обремененные грехами. Всех, кто к нему приходил, он очень внимательно вы-

У свежей могилы батюшки

слушивал, вразумлял. Все уходили от него утешенными. Он отдавал себя людям, не считаясь со сном, отдыхом. И обратите внимание, как он нас всех собрал сегодня вокруг себя.

О батюшке можно действительно сказать, что он ходил пред Богом. Не думайте, что я говорю эти слова потому, что так полагается, когда провожают усопших. Нет. О нем некогда сказал человек, имя которого очень хорошо известно всей Русской Православной Церкви. Этот человек, который слов на ветер не бросал, сказал, что батюшка *истинный раб Божий*.

Батюшка говорил: "С тех пор как я стал священником, я не принадлежал себе. Господь говорил: *Не собирайте себе сокровища на земле, ибо где будет сокровище ваше, там и сердце ваше будет*". Отец Петр был нестяжателен. Сокровищ-то у отца Петра

У дорогой могилки. Матушка Зиновия и матушка Серафима

не было, да и какие у него могли быть сокровища? Но он собрал себе сокровище на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.

Он имел в себе молитву, смирение и любовь. Это не значит, что он много вычитывал молитв, хотя правило он прочитывал всегда, или что он долго служил. Он всегда был сосредоточен в себе и имел глубокую внутреннюю молитву. Я из своей жизни могу вспомнить такой случай, когда я был в трудном положении, даже опасном, и сообщил об этом батюшке. И, как мне рассказывали, когда батюшка узнал об этом, он не спал всю ночь, ходил по келии, временами хватался за голову, повторяя: "Отец Владимир!" И продолжал молиться. Это о молитве. Смирение он имел, я не побоюсь сказать этого слова — христоподражательное.

Однажды его глубоко оскорбили в присутствии многих, не только как человека, но и недозволенно, как священника. Это было в храме. Насколько помню, кажется, это было вечером. Он ничего не ответил, а как-то склонился, ушел в алтарь и всю ночь молился и плакал. Нет, не от обиды, а за обидчика. Батюшка сам никому этого не рассказал бы, а почему это стало известно — потому что этот человек утром пришел к нему просить прощения, и не потому, что это положено по христианскому долгу, а искренне, от души.

О себе он рассказывал: "В молодости мама называла меня орлом. А кто я сейчас? Мокрая курица". Не думайте, что это простые слова. Он был беспощаден к себе и очень милостив к людям.

После пострига

Сейчас в монастыре хорошо. Много клириков, и есть кому подменить, и слава Богу. А было время — он много лет служил один. Не было ни помощника, ни дьякона. Он служил один и утром и вечером, без отдыха. Вставал он одним из первых, ложился одним из последних. Да и ложился ли вообще? Как мне говорили о нем, — сам он никогда бы о себе не сказал, — он в кровать не ложился. Спал сидя, да и спал

ли? Собственно, речь сейчас не об этом. Хотя и это уже многое. Кровать его как была с вечера заправлена, так и оставалась. Всякая нескромность, развязность и лицемерие в присутствии отца Петра исчезали естественным образом.

Был когда-то св. Марк Фраческий, который прожил 130 лет, из них 100 лет не видя лица человеческого. Однажды он сидел на горе, и приблизившийся к нему человек слышал, как св. Марк говорил себе: “Блажен ты, Марк, что не осквернился мирскими соблазнами. Блажен ум твой, Марк, что не осквернился помыслами, блаженны очи твои, Марк”, и т. д. И отец Петр по своей жизни близок к жизни прп. Марка, потому что не имел пристрастия ни к чему земному. Он достиг духовности. И я думаю, что и плоть его была духовна.

Отец Петр был действительно камень твердый, но не по сердцу, а по убеждениям, по преданности и вере. Он был верен Христу до смерти, как в Евангелии Господь говорит: “Будь верен Мне до смерти, и получишь нетленный венец”. Может быть, именно сейчас Господь на небесах венчает его нетленным венцом, который он заслужил, а не этими тленными цветочками, которые мы принесли ему».

15 августа 1982 года иеромонах Петр (Серегин) отошел ко Господу и был похоронен на сестринском кладбище Пюхтицкого монастыря.

Глава 3. Насельницы обители. Пюхтицкие зарисовки

Схимонахиня Серафима (Демор)

26 апреля 2008 года, в Великую Субботу, после Святого Причащения отошла в вечность схимонахиня Серафима.

Схимонахиня Серафима родилась 29 марта 1930 года и принадлежала к высокому дворянскому испанскому роду. Ее отец, Сергей Сергеевич Демор, был офицером царской армии, знал несколько языков и на войну в 1941 году не был призван ввиду своей «неблагонадежности».

В первые годы жизни в монастыре у нее хранились дневники прадеда и деда, отец продолжал дневник, писал на русском, испанском и французском языках. После смерти отца дневники вела ее мать. Софья Николаевна была из священнического рода. Их семья была близка с князем Андреем Ухтомским, Анной Дмитриевной Кузьминой-Караваевой, под Петербургом у них было свое поместье. Уже проживая в Пюхтицком монастыре, мать Серафима получала денежные

переводы и посылки от А. Д. Кузьминой-Караваевой.

Во время войны семья жила в блокадном Ленинграде. Отца несколько раз уводили на допросы на «черном воронке» и привозили обратно почти без сознания. Однажды привезли и бросили избитого на лестнице. Соседи сообщили Софье Николаевне. Его принесли домой на руках и, прожив два дня, он скончался.

Софья Николаевна завернула его в простыню и вынесла из подъезда на улицу, нести дальше сил не было. На улице умершие лежали горой. Спецмашина собирала их и увозила на кладбище. Где похоронены ее родные, мать Серафима так и не узнала.

Соня с братьями, Николаем и Сергеем, ходили на Неву за водой. Вдвоем еле-еле приносили полведра, и Николай как-то сказал: «Вот бы нам столько каши!» Ели клей, опилки. Николай был отличником, и жажда знаний не оставила его до самой смерти — есть было нечего, он лежал, обложившись книгами, и читал. Умер во сне во время блокады. Сергей тоже умер от голода в блокадном городе. От голода стали пухнуть Соня и ее мать. Но тут они прослышали, что будут вывозить на «большую землю». Софья Николаевна отдала все фамильные драгоценности за то, чтобы их отправили «Дорогой жизни».

На «большую землю» Соня с мамой ехали в разных машинах. Когда ехали по Ладоге,

начался обстрел. Машины уходили под лед. Соня, думая, что ее мама погибла, от отчаяния бросилась под машину, которая продолжала путь по Ладоге. В этой машине ехала ее мама. Увидев дочь, она закричала: «Соня, Соня!», и этим спасла ей жизнь.

После окончания войны они боялись вернуться домой из-за отца Сони, думая, что их арестуют. Соня с мамой ходили по церквям, жили у добрых людей, скитались. На их жизненном пути встретился отец Леонид, будущий рижский митрополит. Он посоветовал съездить к отцу Симеону в Печоры и поступить, как он скажет. Отец Симеон отправил их в Пюхтицкий монастырь. Соне было 24 года.

Они приехали в монастырь и остановились в монастырской гостинице. Гостиничной была монахиня С. Они рассказали ей о своем намерении, и почему-то монахиня С. воспротивилась тому, чтобы мама Сони жила в монастыре. По рассказам очевидцев, Софья Николаевна была образованной, интеллигентной, но... Соню приняли, а маму — нет. Она со слезами возвратилась в Ленинград. Через короткое время приехала снова и умоляла ее принять. И снова получила отказ. Тогда в отчаянии она вышла за ограду монастыря, в поле, упала на землю и, громко рыдая, вопила на небо.

На эстонской кафедре был тогда владыка Роман (Танг). Он как раз прогуливался недалеко со своим келейником.

— Кто там? — спросил он келейника, указывая на поле.

— Там женщина плачет.

— Приведите ее ко мне.

Владыка расспросил Софью Николаевну о ее горе. Матушка обо всем рассказала.

— Идите в гостиницу. Ночь молитесь, готовьтесь к постригу, завтра я вас постригу. Никому ничего не говорите, даже дочери.

Возвратившись с прогулки, владыка попросил матушку игумению приготовить все для пострига.

И вот настал день пострига. Владыка постриг Софью Николаевну в иночество с именем Михея, а матерью при постриге благословил быть монахиню С., гостиничную сестру, которая теперь должна была заботиться о своей дочери по постригу.

А Соня в это время работала на кухне. Ей говорили: «Сейчас твою мать постригают в церкви!» — «Как?!» Для них обеих это было непостижимо.

Инокиня Михея прожила в монастыре всего семь лет, скончалась от сердечной болезни после многих переживаний и похоронена на монастырском кладбище. В монастыре она исполняла послушание экскурсовода, носила почту.

После маминой смерти Соня очень плакала. Игумения Рафаила встретила ее как-то и сказала: «Говорят, девочка, ты очень плачешь о маме? Не плачь». И как рукой сняло, печаль о маме отошла.

В то время неграмотные были старицы в Пюхтице, а — как святые. Жизнь в монастыре была трудная. Сеяли, сажали огород, собирали урожай, косили сено, ворочали камни, валили лес, для ледника рубили лед — все сами, рабочих в монастыре не было. В старости сестер определяли на легкую работу: печь просфоры, дергать травку между булыжниками на территории обители и ухаживать за могилами.

Соня была всегда на самых трудных работах. Весь монастырь знал, что она — труженица. На лесоповал сестры ездили рейсовым автобусом. В пять утра уезжали, а вечером, все мокрые, возвращались. Пилили простыми пилами, электрической «Дружбы» в то время еще не было. Жили голодно: кусок хлеба возьмут в лес, если замерзнет — на палку его наденут и под огнем погреют. На треножнике в котле снег растопят и бруснику заварят. Вот и вся еда. А валили по 800 кубометров леса.

Весна наступит — шли в поле собирать камни и перебирать картошку, что в буртах лежала на поле. Выходили рано, еще до полунощницы. Шли друг от друга в сторонке и молитвы читали, друг с другом не разговаривали. Потом наступала посевная. Пахали на лошадях. При этом кто руками сеет, кто «собаку» ведет, то есть обрубок дерева, который протаскивают по краю посева, чтобы была межа. Хлеб посеют, огороды посадят — тут уж время покоса подходит. В монастыре остава-

лись одни старушки, остальные уезжали на луга на целую неделю. До обеда косили, после обеда косили, вечером переворачивали. На другой день до обеда косили, а что высохнет — в стога метали.

Кончается покос — хлеб убирали косилкой и снопы вязали. После покоса убирали картошку. Тоже гектары… В монастыре было до 90 га земли. Кончат картошку собирать, а потом надо ее перебирать, хлеб надо вязать. Потом время дрова складывать. Когда начинался Рождественский пост, шли в лес на делянку. Кончат деревья валить, надо лес вывозить: одна за кучера, другая за грузчика. Так год и проходил в трудах.

Мать Серафима берегла каждую сестру, старалась схватить, где потяжелее. Придут с работы усталые, на пол повалятся, не раздеваясь, а она соберет грязные сапоги у всех, помоет, носки постирает, у печки высушит.

Если было свободное от послушаний время, она шла в церковь. Стояла скромно, не шелохнувшись, глаз не поднимала. Читала так, что понятно было: действительно разговаривает с Богом. У нее сердце плакало во время молитвы.

11 марта 1976 года Соню постригли в мантию.

Внутренний мир каждого человека — закрытая книга. Духовное становление схимонахини Серафимы проходило под руководством отца Петра (Серегина).

В день пострига в Великую схиму.
Мать Серафима Демор

Воспоминания схимонахини Серафимы (Демор) об отце Петре (Серегине): «В 1954 году, по неизреченной милости Божией, я поступила в Пюхтицкий монастырь. Тогда еще чувствовались в обители всевозможные недостатки — материальные и другие, потому что Великая Отечественная война еще не забылась и обитель, как и вся наша страна, восстанавливала силы и залечивала раны.

В силу материальных трудностей обитель не могла содержать священника и не могла обеспечить необходимыми средствами жизнь его семьи. Обитель нуждалась в самоотверженном служителе, способном пойти на любые трудности ради Господа и ради духовного спасения сестер. Очень нуждалась обитель и в духовном окормлении. Душевная внутренняя жизнь шла самотеком.

После питерских храмов, торжественных служб и витиеватых проповедей здесь, в обители, я ощущала духовный голод. “Живого слова Божия не услышишь!”, “Как служба редко бывает!”, “Нет никакого утешения!” — вздыхали и сетовали. Но не находилось такого священника, который задержался бы в обители на более продолжительное время. Все священники оставались в обители лишь ненадолго, а потом их меняли. Если некого было послать, то в монастыре вообще не бывало службы. Это случалось иногда и в праздники... Но Матерь Божия всегда заботилась

о Своей обители, и по Ее милости нашелся самоотверженный священнослужитель...

Я хорошо помню тот день. Было 1 октября 1954 года. Утро. Только что закончилась обедня. К Святым воротам подъехала попутная грузовая машина, из нее вышел человек, по виду — священник. Одет просто: в плаще, шляпе, сапогах. (В послевоенное время автобусы еще не ходили из города в пос. Куремяэ, где был монастырь.)

Грузовик развернулся и уехал, а приехавший человек снял шляпу и трижды земно поклонился перед Святыми воротами, на которых была помещена икона Успения Божией Матери. Верно, отец Петр вручал себя Царице Небесной, призвавшей его на подвиг. Кое-кто из сестер еще не успел уйти из храма после обедни, и они повстречались с долгожданным пастырем. Они догадались, что это тот самый отец Петр из Петрозаводска, о котором были наслышаны как о добром пастыре.

И сестринские надежды оправдались! Принял отец Петр пюхтицкую паству в свое любвеобильное сердце, и во время своей последующей жизни в монастыре был не только добрым пастырем и отцом, но и сердобольной матерью во дни скорбей и испытаний. Сестры сразу же почувствовали на себе невидимое попечительство и заботу о спасении их душ, будто он взял на себя часть тяжести от их немощи и пороков.

Это подтверждалось и открывалось по мере знакомства и общения с батюшкой. Как он ответственно относился к своему пастырскому долгу, как заботливо старался не оставить сестер без слова назидания, без проповеди покаяния и исправления! Чувствовалось, что батюшка переживает за каждую душу.

С первого же дня служения отца Петра сестры заметили, что служил батюшка не просто, а особенно горячо, возвышенно и молитвенно. Впечатление это складывалось даже по внешне благоговейному облику батюшки, он действительно совершал священнодействие. Ощущая всем сердцем Вездесущего Господа, Которому он предстоял и перед Которым всегда ходил, батюшка во время совершения Евхаристии увлекал и возвышал к Богу сердца всех предстоящих и молящихся в храме. Такие службы не проходили без умиления и слез. Даже петь певчих батюшка просил тихо и простые распевы, чтобы не отвлекать его от молитвы и самим молиться. В эти священные мгновения становилось понятным, что самая реальная и настоящая жизнь происходит здесь, в Церкви, что этим можно жить, во имя этого подвизаться и добровольно пострадать со Христом.

Но вот страдаем-то мы за свои грехи и за свои неправды, а безгрешный и святой Господь распинается и умирает, и предлагает Себя в пищу и питие нам, грешным, по неизреченной Своей милости и любви

к падшему человеку, дабы вернуть ему сыновство, потерянный рай и, главное, — любовь Божию.

Такие мысли и чувства во время богослужения заставляли забыть временные трудности и вообще все земное и давали необыкновенные живительные силы жить и трудиться во святой обители, сознавая предстоящий подвиг и высокую святую цель впереди.

Особенно проникновенно служил батюшка в великопостные дни, переживая всем сердцем евангельские события. Глядя на него, никакая душа не могла остаться равнодушной к страданиям Христовым и не понимать, какой дорогой ценой мы искуплены от греха, тления и смерти.

Вроде ничего в батюшке не было особенно выдающегося. Ничего особенного, но каждый, кто знал его, замечал в нем полноту любви ко Господу и через эту великую любовь — любовь ко всякому человеку. Именно ко всякому, потому что в каждом человеке батюшка видел образ Божий: “Что икона, то и человек, так как человек сотворен по образу и подобию Божию. Ведь мы почитаем иконы и воздаем им честь и благоговение. Так и любой человек должен быть в наших очах образом Божиим. Об этом никогда нельзя забывать. Как бы ни был грешен человек, но образ Божий в нем никогда не уничтожается”, — говорил отец Петр и учил любви своим личным примером и трудом.

Труд любви заключается в совершенном самопожертвовании и самозабвении.

Будучи уже немолодым священником, батюшка очень уставал, но имел обыкновение, проходя мимо работающих сестер после службы или после трапезы, подсесть и помочь чистить картошку, или в другом деле.

В гостинице батюшка также не принадлежал себе, — часто к нему просились для беседы или на исповедь монашествующие или миряне. Батюшка ни для кого не делал различия или исключения — всех принимал и всем уделял время и внимание.

Всем известно, что монашеская жизнь — особая. Каждая монашеская душа требует ухода за собой и "опекуна" — духовного руководителя. Ведь в каждом, даже самом простом деле есть ответственный, который отвечает за дело. Особенно в деле спасения души нельзя двигаться самочинно, но все надо делать с совета и благословения духовника. К сожалению, в наше трудное и духовно скудное время трудно найти опытного духовника. Как же были счастливы сестры, понимая, что к ним в обитель Господь прислал того, кто может провести их душу через все жизненные испытания и ввести в свет Христов!»

Матушка Серафима, так же как и ее духовный отец, была человеком, отрешившимся от мира сего. Об этом говорит хотя бы такой случай. Прошло несколько лет после войны.

Мать Серафиму разыскала родственница из Санкт-Петербурга. Александра сообщила, что жив ее двоюродный брат Владимир, живет в Америке. Семьи у него нет, и он хотел бы получить весточку от матери Серафимы. Затем, живя уже в Новгороде, мать Серафима получила от него письмо. Прочитав его, мать Серафима выбросила адрес: «Мне этого не надо». Она порвала все связи с миром, вступая в стены обители. А брат вскоре скончался. По завещанию похоронили его в монастыре Джорданвилля, куда он и завещал все свое состояние. Позднее отец Герман Подмошенский из Джорданвилля посещал мать Серафиму в Вяжищах. Туда мать Серафима попала на новые труды, а закончила свой путь в Дивеево.

Сорок три года, начиная с Пюхтиц и до дивеевского скита в Кутузовке, прожили вместе *схимонахиня Серафима и схимонахиня Зиновия (Черевко)*. Блаженная мать Екатерина, почитаемая в Пюхтицах, говорила: «Сначала вы живите рядом, а потом будете вместе до самой смерти».

«Наверное, такая воля Божия, чтобы нам вместе жить, — говорит мать Зиновия и вспоминает: — Пришла я на службу, гляжу — передо мной монашка стоит. Ряса грубая, камилавка простая, кирзовые сапоги. И так истово молится, кланяется. А руки у нее большие, шершавые, красные. Тронула она мое сердце, и я заплакала. Вот, — думаю, — какая

подвижница... Гляжу на нее — серьезная сестра Божия».

Разные судьбы привели в Пюхтицы этих двух сестер. Вскоре после поступления в Пюхтицкий монастырь мать Зиновия тяжело заболела. Из больницы, в которую ее привезли, отправили обратно в монастырь. Она находилась в критическом состоянии, приходил Кескуль, доктор Куремяэской больницы. Она спросила: «Доктор, я поправлюсь?» — «Тебе дорога только туда», — показал он на небо. Ухаживать за матерью Зиновией поставили мать Серафиму. Она с любовью кормила ее с ложечки, стирала, выхаживала. Приходил отец Петр ее соборовать, причащал. Постепенно дело пошло на поправку, и однажды мать Серафима сказала: «Может быть, мы уже понемножку будем ходить?» Мать Зиновия поправилась. И когда Нина Ильинична, доктор из Куремяэ, привезла ее в больницу, там не поверили своим глазам.

А потом матери Зиновии много пришлось потрудиться в уходе за матерью Серафимой перед ее кончиной, когда она тяжело болела.

Воспоминания схимонахини Зиновии (Черевко): «У нас самих семья нецерковная, а я с третьего класса начала бегать в церковь. Дома обманывала: “Мама, я к Светке пойду”, “Мама, я к Поле пойду”, — а сама — в церковь. Встану в храме, платок низко надвину и плачу.

— Девочка, что ты плачешь?

— Не знаю, очень мне в церкви нравится.

Напротив нас жили матушки — Марфуша из Дивеевского монастыря и Татьяна. Вот эти монашки меня крестили и поучали. Одеяла стегали — я с ними. Заставят жития святых читать — и я читаю. Матушкам грядки вскопаю. Дадут чего-нибудь постного поесть — вкусно все. Они мне акафисты давали. Я акафист в книжку положу, держу так, чтобы мама видела обложку, а сама молюсь.

Марфуша предлагала научить меня иконы писать, но я родителей боялась. Скажу, что иду к подружкам, а сама огородами, задами — и к матушкам. Они мне платок и длинный халат оставляли на дереве. Я переоденусь и хожу напротив нашего дома. Мама ходит через дорогу, а меня не видит. Один раз меня соседка у них увидела и всем рассказала, что “эта девчонка” бегает к монашкам. Я долго в сарае ночевала, домой не шла — боялась отца.

Матушки осторожные были, они ведь ссылку пережили, не велели больше к ним ходить. А я их так любила, это вам не высказать. Они мне дали маленький образок прп. Серафима, и я перед ним плакала, скорбь свою изливала, что матушки сказали не ходить к ним. И когда я так просила батюшку Серафима, видела сон: мальчик играет в мяч, и кто-то к ним пошел в длинном черном, согнутый и с палочкой; я мальчика спрашиваю, кто это, а он отвечает: “Не знаю, гость их”.

С неделю, наверное, прошло — и я пошла к ним. Влезла через козий сарайчик, дверь отворяю, а они обрадовались. И Марфуша рассказала, что стегала одеяла и задремала. И видит, как преподобный зашел к ним и говорит: “Эту девицу, что к вам ходит, принимайте”. И знаете, как на меня это подействовало! В вере укрепило. Я же просила батюшку Серафима, чтобы он помог. Матушки дали мне “Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря” почитать. И так я полюбила Дивеево, всех матушек — Александру, Марфу и Елену, и Михаила Мантурова. Я даже не могу высказать, как я их полюбила. И решила: окончу школу — и сразу в Дивеево. Я же не знала, что монастырь закрыт, а спросить не догадывалась. На карте стала искать Дивеево. В акафисте поется, что прп. Серафим “земли Тамбовской украшение” — вот и поняла, что Дивеево должно быть недалеко от Тамбова. Смотрю, какие рядом города есть, нашла Моршанск.

Стала меня мама спрашивать, куда я хочу после школы идти. Я и говорю, что хочу в текстильный институт, да их мало, всего в трех городах, и в Моршанске есть. Говорю, что я в Моршанск бы поехала. Мама меня отпустила. Но сначала я решила побывать в Киеве, потому что матушки часто про Киев рассказывали, какой это святой город.

Страшно было уезжать из дома. Я сначала поехала к сестрам. А от них уезжать стала и про себя решила: если первый поезд пойдет

на Фрунзе — я домой вернусь, если на Киев — поеду в Киев.

Приехала в Киев рано, еще в сумерках. Думала, что сразу же церкви и монастыри увижу, раз город такой святой, да только вдалеке увидела Владимирский собор, к нему и пошла. Подошла к дверям, а на них изображены свв. Владимир и Ольга. Я на колени упала и стала их ноги целовать. Вдруг меня кто-то за плечо трогает: “Пройдемте!” Привели в милицию, стали расспрашивать. Я все о себе рассказала. И велели мне в 24 часа уезжать из Киева.

Я пошла в Покровский монастырь, падаю в ноги: “Матушки, дорогие, возьмите меня”. А они от меня шарахаются: “Аферистка какая-то”. Никто не верит, что я ради Бога из дома ушла. Даже говорят: “Смотри, чтобы не украла чего”. Некуда мне идти. То иду во Владимирский, плачу, то в Покровский. Во Владимирском меня, правда, жалели. Там было сестричество. Они даже сказали: “Мы бы тебя, девочка, взяли, но у тебя нет прописки”.

Ночевать негде. На вокзале сижу, боюсь всех, как милиционера увижу, — мне кажется, что меня арестовывать идет. Уйду на улицу, посижу до утра. И так мне тяжело даже. Очень трудно мне было.

Пришла во Владимирский собор, а там Матерь Божия в куполе. Я никого не вижу, встала на колени и Божией Матери кричу, как мне тяжело. Какой-то пожилой мужчина,

благообразный, подошел ко мне: “Деточка, что ж ты так плачешь?” А я всем все рассказывала про себя. Он дал мне адрес своей сестры и сказал, что она поможет с пропиской. Адрес — Крещатик, в самом центре.

Пришла я туда. Еврейка седая, остриженная, приняла меня. Накормила и на полу постелила, чтобы я поспала. И так я уснула. А проснулась — она сидит напротив, газету читает, а сама из-под очков на меня смотрит. Опять стала расспрашивать меня обо всем. А потом говорит, что в Киеве трудно устроиться, и посоветовала ехать куда-нибудь за Киев. А я ж ничего не знаю... Она сказала, что Боярка недалеко, 20 минут на электричке.

Села я на электричку — и в Боярку. Только вышла из электрички, как юродивая ко мне подскочила: “Я тебя провожу”. На всех кричит: “Это коммунист! Это бандит!” Все от нас шарахаются. Дошли до последнего дома, и она посоветовала туда идти. В доме жили погорельцы, мать и дочь. Они приняли меня. Переночевала я у них на соломе. А утром мы пошли в сельсовет.

Долго ждали “голову”, так у них председатель называется. Нам сказали, что завтра придет. Когда возвращались назад, я попросилась на рынок зайти. Мне блаженная сказала, если трудности будут, чтобы я ее там искала. Только зашла на рынок — слышу, как она на весь базар кричит, сидит на бревнах

и семечки щелкает, тетрадки какие-то листает. Блажит... А я подойду — со мной разговаривает нормально.

— Ну что? — спрашивает.

Я ей рассказала, что меня берут хозяева и прописать обещали, только "головы" нет.

— Я тебя сейчас к "головихе" сведу. Тут на базаре в ларьке "головиха" работает. Она добрая. Она все время ездит к монашкам в Покровский монастырь. Иди, просись к ней.

Вот такими путями через эту блаженную Господь меня устроил. "Головиха" хотела меня к себе взять, да ее мама сказала, что я воровка. Вышла я на улицу и разрыдалась. Что делать? Отовсюду меня гонят. "Головиха" говорит: "Тебя никто не знает, поэтому гонят". И дала мне письмо в Покровский монастырь к ночной сторожихе, монахине Екатерине. И она меня с такой любовью приняла, повела в свою келью. Я с ней всю ночь провела. Она то одной сестре про меня скажет, то другой. Наутро уже все про меня знали. Говорят: "Девочка, ты нас прости". Кто мне копейку даст, кто — платочек, кто — конфетку. Все уже жалеют. Советуют: "Ты просись в монастырь у матушки". Игуменьи в то время в монастыре не было, она болела. За игуменью была казначея Рафаила. Стала я у нее проситься в монастырь. А она говорит: "Не могу взять. Ты разве не знаешь, какое сейчас время трудное? У нас всех молодых из монастыря выгнали, многие корпуса отобрали".

Дали мне письмо в монастырь, который восстанавливался в Хмельницкой области. Научили, чтобы я про монастырь не спрашивала, когда в город приеду, а спросила бы, где слободка, а там и монастырь будет.

Приехала, спрашиваю, как научили: “Где слободка?” А мне отвечают: “Вон монастырь, видишь?” Монастырь стоял на высокой скале. Поднялась я, и уже столько претерпела везде, что боюсь и в храм войти. Выходит матушка горбатенькая, спрашивает: “Откуда ты?” Отвечаю: “Из Киева”. А она и говорит: “У, кацапка”. Я испугалась, что и тут, видно, не примут. Потом выходит матушка-пономарка кадило разжигать. Я к ней: “У меня письмо к Вале Телютовой”. А Валя келейницей у матушки игумении была. Отдала письмо, и через сколько-то времени про меня уже все знали. Валя вышла, сказала, что сейчас игуменья пойдет, и чтоб я просилась у нее в монастырь.

Матушка вышла, крест на ней золотой, камилавка длинная, я напугалась, в ноги упала, ухватилась за них и кричу: “Матушка, возьмите, матушка, возьмите”. И когда она сказала, что возьмет, такая у меня была радость, что даже и сказать не могу.

Поместили меня к матери Еликониде, которую я первой в монастыре увидала. Она старейшая матушка была. Хорошая. Матушки почти все старенькие были, из ссылок вернулись, игуменья в одиночной камере

сидела. Многому у них поучиться можно было. Отец Валерий из Ожоги говорил мне так: “Благодари Господа день и ночь, что ты там начинала”.

Все развалено было. Жить негде. У матери Еликониды кровать деревянная, полкровати занимает сундук. Она голову — на сундук, и так сидя спит. Ночью чуть-чуть поспит — и уже встает, поклоны делает, а сама шепотом: “Светися, светися, новый Иерусалиме”... Читает-читает, кланяется-кланяется. И так мне это интересно было...

У нее я немножко пожила, и меня перевели на кухню. Там спала старенькая матушка Ольга. Я у ее ног голову положу, туловище на чемодане, а ноги висят. Несколько месяцев так жила, негде было. Как войти на кухню, топчан стоит, из грубых досок сбитый, и котел вмурованный. Воду на коромыслах за полтора километра на себе таскали. Мы ходили оборванные, босиком.

— Ты умеешь жать? — спросят меня.

— Умею!

А сама и серпа в руках не держала.

Куда скажут — бегу! Радость была!

Я уже своя сестра стала. Потом на стройку пошли. Пан Пудик распоряжался, а мы таскали раствор и камни. Устанем, ждем обеда не для того, чтобы поесть, а чтобы отдохнуть.

Нас семь человек молодых — все в одной комнате. Попадаем на пол в растворе грязные. А пели все время, рта не закрывали. Что

пели? “Блажен муж”. Кончили — “Благослови, душе моя, Господа”.

Два дома выстроили, двухэтажный и одноэтажный. Все вычистили, выкрасили, уже нам и кельи распределили — и тут монастырь закрыли. Суббота была. У нас отобрали паспорта и сказали: “Завтра служите последнюю службу”. Плач был — не служба. У нас над Царскими вратами висела Почаевская икона, мы ее на лентах спускали, как в Почаеве. Стали петь “О, Всепетая Мати”, — и друг с другом прощаться, и с церковью.

А ночью нас окружила милиция и начали разорять монастырь. Облачения пустили на тапки. Обвили веревками кресты и стали тянуть, кресты гнутся, а не падают. Тогда подогнали трактор. Трактором кресты сорвали на наших глазах. Потом в церкви что-то загремело, мы бросились туда, а это иконостас опрокинули, престол разбили и флаг водворили посредине. Было это в 1961 или 1962 году. Надо было жить в миру.

А куда идти? Я к отцу Кукше часто ездила, поехала и на этот раз за советом. Когда была у него первый раз, он мне все предсказал. Надел на меня власяницу и руки раскинуть велел, а это — распинание, я тогда ведь не знала. Он сказал, что у меня будет три имени. Так и произошло. В миру я Зинаида, в монашестве Зиновия в честь священномученика Зиновия Эгейского, а в схиме — в честь Зиновия Тирского-Сидонского.

И у матери Серафимы было три имени: София, Серафима в честь прп. Серафима в мантии и в схиме — Серафима в честь мученицы девы (11.08 н. ст.).

Постриг в схиму мы приняли от схиархимандрита Серафима (архимандрита Валерия; Мирчука) из липецкого села Ожога.

Отец Кукша благословил меня к владыке Зиновию (Мажуге) в Тбилиси. Владыка — святой человек был, всем как родная мама. Он направил меня к секретарю ЦК партии всей Грузии на работу, сказал: “Покажи свое монашество”. Три года я у них проработала. Люди были очень хорошие, но мне в монастырь хотелось. Выйду у них на веранду и плачу. И хозяйка со мной плачет и говорит: “Будь прокляты те, кто ваш монастырь разрушил. Мы бы никогда такого не допустили”. Они очень помогали Церкви.

В монастыре, когда я келейничала, часто писала письма-поздравления от матушки игуменьи в Пюхтицы и хорошо запомнила адрес. Письма были адресованы казначее Марии (Злодеевой), матушка с ней в ссылке где-то была. И я решилась написать ей письмо. Она ответила: “Благодарите Бога, что вы еще молодая и можете трудиться. Мне уже скоро 80 лет, а сидим мы на узлах. Вот-вот наш монастырь закроют”.

Я вернулась на Украину, стала жить у знакомых, а мысль одна — всей душой в монастырь желаю. Я так мучилась душой. Думаю:

“Сейчас лягу, какая мысль первая будет, то и сделаю”. Легла, а мне ночью снится наша церковь трапезная пюхтицкая. Я стою под колонной в камилавке, в рясе, вдруг ко мне бесноватый мужик подбегает, потом — баба лохматая. А Женщина их отстраняет. И вдруг я очутилась за столом. Стол длинный, за ним монашки сидят и поют: “Ты не пой, соловей, возле кельи моей”. И я с ними сижу. Я решилась и поехала в Пюхтицы. Приехала — все так, как видела во сне, такая же трапезная».

Прошли годы, и вот в начале 1990-х государство стало возвращать Церкви разоренные монастыри, нужны были кадры для них, и из действующих монастырей начали отправлять сестер на восстановление новых обителей.

Мать Серафиму и жившую с ней много лет мать Зиновию направили в Новгородскую епархию восстанавливать Николо-Вяжищский монастырь, потом скит Перынь, затем Варлаамо-Хутынский монастырь. Сколько им пришлось пережить!

Матушки очень тяжело переживали перевод в Вяжищи. Пюхтица была их родиной, где м. Серафима провела 36 лет своей жизни

От уныния их спасли слова игумена Николая Воробьева, прочитанные в эти дни: «Где же ваша вера? Где ваша любовь к Богу? Почему вы держитесь за стены?» И они успокоились и покорились воле Божией.

Когда они уже стали устраиваться в Вя-

жищах, позвонил свят. Патриарх Алексий II, спросил, как устроились. К телефону подошла мать Серафима: «Святейший Владыка, мы как дома». Он ответил: «Знайте же, что это Божья рука вас сюда привела». (Это точные слова Святейшего).

Приезжали на место — зима, ни дверей, ни окон нет, отопления нет, еды нет, в церковь идти — закутаются во все теплое, что имели. Возраст у обеих был уже преклонный, здоровье подорванное, и когда возникла еще и перспектива восстановления Клопского монастыря, матушки попросились на покой.

По благословению отца Николая Гурьянова поехали в Дивеево.

Прп. Серафим принял горячо любивших его матушек — тезоименитую мать Серафиму и с детских лет мечтавшую о Дивеево мать Зиновию. Их поселили в Кутузовском скиту, с начальницей которого монахиня Зиновия жила в монастыре на Украине.

Кутузовка... Это сказка
(воспоминания паломников)

«Основанный в конце XIX столетия Кутузовский монастырь в конце XX столетия, когда в 1993 году началось его восстановление, получил статус скита Серафимо-Дивеевского монастыря.

Первое время матушки Серафима и Зино-

Мать Серафима встречает гостей в Кутузовке

вия жили в сером домике на месте нынешнего архиерейского. Домик довольно просторный, холодный, запущенный, бегали мыши по углам. Здесь пожили они недолго.

Заботами матери Алексии строился домик за оградой, в котором прожили они почти 10 лет. Домик чудесный, рядом небольшой огородик, садик с множеством цветов. В домике две комнаты, кухня, терраса, дровяник в коридоре. В одной из комнат жили матушки, другая — гостевая. За домиком прудок с множеством лягушек, которые устраивали вечерние концерты на всю округу.

В этот домик много людей приезжало: здесь было намолено, благодатно, уютно и очень просто. Через дорогу — банька, и после длинной дороги гостей отправляли туда. Мать Зиновия всю ночь пекла пироги доро-

гим гостям, ложились далеко за полночь: делились своими горестями, радостями, воспоминаниями о Пюхтицах.

Добираться до Кутузовки долго: поездом, двумя автобусами и дальше 10 км по тропинке через лес. Несколько раз плутали в лесу. А летом жара… Идем всегда с котомками, а за нами мириады комаров, мошек, слепней. Добирались потемневшие от пыли и усталости.

Узкая песчаная дорога шла через Саровский глухой лес, который тянется на сотни километров, вдоль дороги — мачтовые сосны. Нередко дорогу преграждают лесные речки и ручейки, через которые переброшены бревна и деревья.

Несколько раз нам предлагали машину, но то благодатное настроение в пути не сравнится ни с чем. Сколько приключений связано с Кутузовкой! Однажды машина сломалась, и мы опоздали на поезд. Другой раз машина сломалась на полпути. Поздняя осень, фары погасли, вокруг лес и ни зги не видно. В лесу по колено воды. Чего только не случалось с нами на этой дороге!

Как-то уже поздней осенью шли пешком втроем. Было так холодно, что нацепили на себя все что было. В общем, вид был такой, как у французов под Полтавой. Подобрал нас очень вовремя “каблучок”. Мы сели в кузов без окон, а снаружи водитель закрыл дверь на замок. Внутри все бело: то ли в муке, то ли в цементе. Куда везут, где едем — не видно. Выгрузили нас

Матушка Зиновия и матушка Серафима (в центре) в Кутузовском скиту

посреди монастырского двора. Вылезли все в белой пыли, замотанные в разное тряпье. Долго смеялись, вспоминая это путешествие.

А в самом начале наших поездок, когда старшей в Кутузовке была монахиня Зиновия, случилось путешествие незабываемое. В это время была в скиту старенькая “полуторка” с фургоном, где были сиденья по бокам, дверь и маленькие оконца. Набросали в фургон матрасов, пальтушек, одеял и двинулись в путь... в Москву.

Провожали нас всем скитом. Уже были утренники, холодно, на один бок накинешь

Кутузовка

пальто, другой мерзнет. Ехали всю ночь, через Оку понтонный мост успели проскочить перед закрытием, и в пять утра были в Москве. Такое вот путешествие, оставило воспоминания незабываемые. Матушка Зиновия вспоминается с большой теплотой. Очень она была любвеобильной и доброй, никого не забудет, и возвращались мы всегда с гостинцами и книжками. Мать Зиновия, как и начальница скита мать Зиновия, были духовными дочерьми владыки Зиновия Тбилисского.

В конце лета гости разъезжались по домам, в основном в Москву.

А какие были службы, когда матушки читали и пели в зимней церковке над трапезной! Сколько Господь посылал светлых переживаний! Счастливое было время!

Кутузовка. Скит только возрождался. Насельниц немного, 10–15 человек разных национальностей. Были такие, которые русского языка не знали. Интересно проходила исповедь. Матушки из Молдавии исповедаются на своем языке, долго рассказывают о своих грехах. Батюшка выслушает и читает разрешительную молитву, не поняв ни слова.

Весной и осенью приезжал целый автобус паломников, человек 40 из Украины во главе с батюшкой Владимиром, помогать скитянам. Для всех находилась работа: одни занимались строительством, другие работали в поле, третьи — в трапезной варили вкуснейшие украинские борщи.

Воскресные и праздничные дни посвящали молитве, и храм был полон. Было непривычно, когда во время возгласа батюшки “Мир всем!” весь храм хором отвечал: “И вам”.

Сейчас в Кутузовке уже отремонтирован большой летний собор. Долго идешь лесной дорогой, и вдруг среди леса возникает как сказка белокаменный пятиглавый собор…

По узким тропкам тихо пробирались
Паломники, в Кутузовку спеша.
Нам ели лапками приветливо качали,
В стекло машины ласково шурша.
Все было словно в старой русской сказке —
Лес расступился, свету дав простор —
Среди дремучей заснеженной чащи
Вдруг вырос белокаменный собор.
Как облако, вознесшись величаво,

Собор сверкает многозвездьем пятиглавым.

Здесь пара воронов живет уже издавна,
Храня старинные обители преданья.
О том, как расцветала здесь обитель,
О временах тяжелых лихолетья,
О новых сестрах, что пришли — молитвой
Свечу неугасимую возжечь здесь.
Поклон вам, старца Серафима дочки,
Пусть возрастает средь глухих лесов
(Как зреет плод под жесткой оболочкой)
Обитель ваша — вертоград Христов.

(Стихотворение паломницы Елены)
22.01.2012 г.

Сила русского духа очень ярко отражается в Кутузовке в ее природе: сильные грозы, молнии, проливные дожди, часто бывают радуги. А тишина такая… И огромные просторы на сотни километров».

Последние 10 лет жизни мать Серафима (Демор) подвизалась в Кутузовском скиту. Не случайно оказалась в Кутузовке мать Серафима, стала она матерью для всех скитянок. Молилась и переживала за насельниц этого святого уголка Саровского леса. Сестры очень ее любили, искали повод зайти в избушку, где она жила. Каждый старался чем-то послужить. Сестры чувствовали ее молитву.

В последний год жизни мать Серафима

Прощание с матушкой Серафимой в Кутузовке

ходить уже не могла, сидит целый день, молится.

— Матушка Серафима, отдохните, полежите.

— А мне хорошо, а лежать не хочется, да и грешно!

Так и сидела на одном месте. И ложилась лишь на короткое время. И очень похожа стала на Пашу Саровскую.

— Матушка Серафима, ложитесь спать, поздно уже.

— Нет, я дежурю. Ты можешь взять такую ответственность (снять с дежурства)? Я завтра выясню у игуменьи, — спросила тревожным голосом.

Эту чистую жертву взял Господь в Великую Субботу в 2008 году. Всю пасхальную ночь

После отпевания матушки Серафимы

и весь день находилась она в церкви Кутузовского скита. Похоронена схимонахиня Серафима у стен величественного белоснежного собора во имя Нерукотворного Спаса среди глухого Саровского леса.

«Дивны и неисповедимы тайны Божии. Живет человек, и за суетой житейских будней сокрыта от взоров, а часто и от понимания, божественная суть его жизни... И вот прозвучит в жизни глас вечности, и отступит временное, и спадет завеса, и изумленным взорам людей предстанет

величие человека, жившего в Боге».[*]

После своей кончины мать Серафима посещала в сновидениях своих родных. Знаменательный сон видела мать Зиновия в сентябре 2014 года: мать Серафима в своей келье надевает хитон и собирается в церковь. Мать Зиновия входит к ней. «Я не могу тебя сейчас взять с собой, мы очень заняты на панихидах», — говорит ей мать Серафима. Это было во время ожесточенных боев на Украине...

Завершим эту главу стихотворением матушки Серафимы.

Христос с тобой

Ты здесь не одинок: верь глубоко душою,
Что Тот, кто обещал: «Я с вами до конца»,
Кому открыты все и тайны, и сердца
Всегда с тобой!

Когда ты к ближнему любовию горишь
И с помощью идешь к страдающему брату,
Не из корысти, не за плату,
Когда безтрепетно о правде говоришь,
Не помнишь зла, к врагу не дышишь местью
И не возносишься кичливо над толпой,
Когда в союз ты не вступаешь с лестью,
То знай и верь: Христос с тобой!

* Слова, сказанные отцом Иоанном (Крестьянкиным) на отпевании схиархимандрита Александра (Васильева) в Печорах.

Когда глядишь на мир неомраченным оком,
Когда безгрешна мысль и речь твоя чиста,
Не миришься уродливо с пороком,
Не оскверняются хулой твои уста,
Когда твоей душе печаль других доступна,
И не завидуешь ты радости чужой,
Когда далек всему, что злобно и преступно —
То знай и верь: Христос с тобой!

Когда, охваченный житейскими страстями,
Их голосу безвольно подчинясь,
Отдашься ты греху и делом и мечтами,
Не думай, что уже порвал ты с Небом связь.
В сознании вины, с раскаяньем к подножью
Креста склонись с покорной головой,
И выйдешь на борьбу опять с греховной ложью,
Христос останется с тобой.

Вера Игнатьевна Балинская (1902–1980)

Среди батюшкиных гостей на именинах обязательно бывала инокиня Игнатия (Вера Игнатьевна Балинская), дочь генерал-адъютанта Великого князя Николая Николаевича. Всю жизнь он занимался исследованием тождества между Императором Александром Благословенным, смерть которого в 1825 году в Таганроге поразила его подданных своей неожиданностью, и старцем Федором Кузьмичом. Он имел все данные в пользу тождества, но все документы были сожжены в пое-

зде большевиками.

Игнатий Иванович Балинский вместе с сыном были убиты красноармейцами во время гражданской войны в Крыму. Неизвестно, осталась ли рукопись в руках его семьи или затерялась на дорогах войны.

Дедушкой Веры Игнатьевны был первый русский психиатр, выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, профессор психиатрии Иван Михайлович Балинский.

До поступления в монастырь Вера Игнатьевна проживала и трудилась в Санкт-Петербурге, где более 30 лет была преподавателем иностранных языков. Доцент, кандидат филологических наук, заведовала английской кафедрой, педагог института им. А. И. Герцена, автор учебника английского языка для студентов филологических факультетов институтов иностранных языков и ряда других учебных пособий.

С 1965 года Вера Игнатьевна жила в Эстонии, в Йыхви, имела дачный домик в п. Куремяэ, вблизи монастыря. Митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием (будущим Патриархом Алексием II) пострижена в рясофор. Несла послушание в обители дневным сторожем-дежурным. Составила акафист Пюхтицкой иконе Божией Матери «У источника», а также воспоминания паломников о блаженной старице матери Екатерине.

Зоя Михайловна Клементьева (1890–1981)

Каждое лето недалеко от хутора Зоя Михайловна снимала дачу. Не один десяток лет она проработала учителем и завучем в школах Санкт-Петербурга. Происходила из старообрядческой семьи, похоронена на монастырском кладбище в Куремяэ. Прожила 90 лет.

Приведем здесь слово Зои Михайловны, произнесенное в день Ангела батюшки:

«Дорогой батюшка!

Благодарю Господа за то, что я сегодня здесь, на вашем личном празднике. Мои годы и здоровье заставляют меня думать, что, возможно, это последняя моя встреча с вами за этим столом. И поэтому мне хочется сегодня вспомнить о первой встрече с вами и поблагодарить вас за все, что я получила благодаря вашему вниманию и заботам о моем духовном воспитании.

Но прежде несколько слов о том, что привело меня в благословенную Пюхтицу.

Воспитана я была в очень религиозной семье, под руководством матери — прихожанки православной старообрядческой церкви (иначе называемой “единоверческой”). 33 года (с 7 до 40 лет) я тоже посещала эту церковь, была ревностной хранительницей старины и обрядности и активным членом

общины чтения апостолов, Шестопсалмия, поучений св. отцов для молящихся.

За 17 лет обучения в школах и Педагогическом институте я была ознакомлена со всем тем материалом, который входил в программу христианского образования и воспитания подрастающих поколений Православной Церкви в дореволюционные годы.

В 1930 году наш храм был закрыт, мой духовный отец умер в этом же году в тюрьме. Для меня наступили нелегкие годы переживаний, поиска того, что могло бы заменить утраченное. Милосердный Господь сохранил мою веру непоколебимой и в 1955 году привел меня к воротам Пюхтицкой обители. Уставное богослужение, молитвенные монашеские напевы (даже паникадило с горящими свечами, а не электрическими лампочками) произвели на меня отрадное впечатление.

Вы же, батюшка, напомнили мне вашим истовым исполнением богослужений моего духовного отца. Я решила, что Пюхтица для меня заменит утраченное 25 лет тому назад. И я не ошиблась. Посещение монастырских богослужений надолго оставляло память о себе. А в вашем лице я получила чуткого духовного руководителя, исполнившего апостольский завет: “Немощного в вере принимайте без споров о мнениях” (Рим. 14, 1).

Ваша проповедь с амвона, ваши личные беседы, ваши “сотни” учили и продолжают

учить меня, как необходимо работать над своим “я” для достижения Царствия Божия, находящегося в нашем сердце; как, пользуясь трезвением, необходимо очищать свое сердце от многочисленных страстей; вы указали мне пути, ведущие к “истинному смирению”; много сил затратили на то, чтобы заставить меня понять, что к ближнему следует относиться с любовью, как к образу Божию, несмотря на отсутствие в нем подобия Божия.

Вообще вы во многом освежили мой багаж, с которым я пришла в Пюхтицу, и в очень значительной мере его дополнили, чем осмыслили мою жизнь на закате моих дней. Все вами рекомендованное было, как мне казалось, и думаю, что не ошибаюсь, продуктом вашего личного опыта и потому служило для меня примером для подражания. Вы были всегда в меру строги и требовательны к тому, что было необходимо в деле исполнения заповедей Всевышнего.

Вот за это я и приношу вам сегодня мою глубокую сердечную благодарность, земно преклоняю мою седую голову, обещая до конца дней моих помнить о ваших наставлениях, в меру сил моих и возможностей исполнять их.

Молю Бога и Преблагословенную Матерь Божию о даровании вам здоровья и благополучия на многая лета».

Любовь Ивановна Некрасова (монахиня Леонида), 1946–1989

Ни одни именины не проходили без чтения стихов, посвященных батюшке, автором которых была Люба Некрасова. Она была не только духовной дочерью, но и крестницей отца Петра.

В Пюхтицы Люба приехала из Башкирии. Натурой она была одаренной, хорошо пела, имела прекрасный слух, тонко чувствовала церковное пение, хотя нотной грамоты не знала. Отец Петр, будучи в прошлом регентом хора, обучил ее нотной грамоте, гласовому пению и богослужебному уставу.

В 1969 году она стала работать в больнице Куремяэ, находившейся за оградой Пюхтицкого монастыря, на месте нынешней гостиницы для паломников, санитаркой. Уход был в основном за тяжелыми больными.

Жизнь она вела духовную, постоянно находясь в борьбе со своим «я», и то, что написано в ее стихах, все пережито ею духовно. Ни минуты праздно она не проводила, во всем искала смысл: неся тяжелую ношу, сознательно старалась нести потяжелее, говоря: «Томлю томящего мя». Все свои дела посвящала Богу и жила на хуторе в трех километрах от монастыря, недалеко от источника.

Много потрудилась она в переписывании батюшкиных проповедей, наставлений и за-

стольных бесед, по его благословению приняла иночество с именем Серафима.

Кроме пения Люба писала стихи. Это были стихи-размышления, вопли к Богу, многие посвящены ее духовному отцу, чаще всего они написаны были к именинам отца Петра.

Люба была круглой сиротой, батюшка стал ей и отцом, и матерью. Все стихи, посвященные ему, пронизаны любовью и благодарностью. Она очень глубоко восприняла ту духовную линию в своей жизни, которой учил ее батюшка.

В 1981 году она уехала на новое послушание в г. Устюжна и трудилась там регентом в церковном хоре. Связь ее с духовным отцом не прерывалась, она писала отцу Петру письма и часто приезжала, пока батюшка был жив.

Вспоминала она и дорогую ее сердцу Пюхтицу, где прошло ее духовное становление.

В 1987 году она приняла монашество с именем Леонида.

22 января 1989 года монахиня Леонида мирно скончалась и похоронена на кладбище рядом с церковью, в которой служила.

Большая заслуга матери Леониды в том, что она смогла записать и сохранить для нас несколько тетрадей застольных бесед отца Петра за несколько лет жизни на хуторе.

А вот ее стихи:

* * *

Я грешнее всех людей,
На земле живущих,

Ты прости меня, прости,
От начала Сущий.

* * *

Услышь меня, Распятый на Кресте,
Услышь меня, Терпевый поруганье,
Хочу всей жизнью послужить Тебе.
Ты прими, как фимиам, мое желанье.

1973 г.

* * *

Не оставь меня, Владыко,
Я бессильна без Тебя,
Ты мне помощь, Ты — защита,
Ты со мной, с Тобою — я,
Помоги быть там, где трудно,
Научи быть всем слугой,
Научи Твою лишь волю
Исполнять, мой Бог Святой.

1970 г.

* * *

И только вашими молитвами,
Святыми, чистыми, великими,
Так долготерпит меня, грешную,
Владыка добрый на земле.

И только вашими молитвами,
Не раз потоком слез омытыми,
Познала я свое ничтожество
И милость Божию ко мне.

1971 г.

Батюшке

Вечно с вами быть хочу!
Здесь и там, где бесконечность.
Но препятствием к тому
Мой порок — моя беспечность.

И в беспечности своей
Я пред вами нынче каюсь.
По причине страсти сей
Гибну я, а не спасаюсь.

И грозит мне эта страсть
Непременною разлукой
С Богом... С вами, мой родной,
Что наполнит сердце мукой.

И я слезно вас молю:
Вы молитвою сердечной
Попалите страсть мою,
Чтобы жить мне с вами вечно!

1980 г.

* * *

Когда пойдешь домой,
Отец мой дорогой,
И будешь с грешным миром расставаться,
Возьми меня с собой,
Мне страшно, мой родной,
Одной на этом свете оставаться.

Крик на небо!

Я на небо кричу:
«Хуже всех быть хочу!
Пусть имя мое не знают,
Пусть все меня презирают,

Пусть надо мной смеются,
Отрады всякой лишают,
Пусть меня человеком
На земле не считают.
Пусть топчут меня, как мусор,
Пусть плюют в лицо смело,
Пусть одни униженья
Будут моим вожделеньем.
О, если б одни страданья
Мне бы принять с ликованьем,
А славы и уваженья
Достойны рабы смиренья.
Я же мерзость пред Богом,
Так грешна и убога.
О, как просить Тебя, Боже,
Простить мои согрешенья?
Совесть меня тревожит,
Тяжки мои преступленья.
Подай мне Твое наказанье
За все мои злодеянья.
Прошу — награди скорбями,
Снести их — дай мне терпенье,
И ими же веси судьбами
Избави вечных мучений.

1970 г.

* * *

Не торопись, мой милый человек,
О ближних своих гнусно отзываться.
В числе презренных, низменных людей
Тебе бы, дорогой, не оказаться.

Как часто те, кого презрели мы,
У Бога в числе избранных бывают,

А гордые, надменные умы
Плоды своей гордыни пожинают.

1976 г.

Людмиле Абашевой

Если ты прощать умеешь,
Прости меня, я так грешна.
Ты чувствуешь, благоговеешь,
А я бесчувственно груба.

Мой дух покорен плоти бренной,
Служу не Богу, а врагу.
Ты любишь вечность, мир нетленный,
А я — земную суету.

Ты свеча, а я — лучина,
Ты горишь, а я копчу.
Ты смиренна, я строптива,
Ты живешь, я чуть дышу...

1970 г.

* * *

Если есть в твоем сердце
Хоть немного любви,
Ты, пожалуйста, людям ее подари.
В мире много озлобленных,
С черствым сердцем в груди,
Ты не будь равнодушной,
Мимо них не пройди!
Посмотри на них просто,
Улыбнись, как родным,
И на доброе слово,
О, не будь же скупым!
И каким бы кто ни был,
А любовь все поймут,

И немного от гнета
Своей скорби вздохнут.

1985 г.

* * *

Ко всякой немощи людской
Ты снисходи, не будь сурова.
Кто непорочен, кто святой
И чья душа вполне здорова?

Мы все коптим, как головня,
Огнь благодати не имея,
Но нас Господь щадит, любя,
И ты других щади, жалея.

Для нас, родная, на земле
Господь изволил воплотиться,
Чтоб не коснели мы во зле,
А вновь могли переродиться.

Батюшке

Поклонюсь вам, батюшка, низко до земли,
Попрошу прощения за грехи свои.
Может быть, заплачу я, вас благодаря,
Вот стою пред вами — пепел и земля.

Глаз поднять не смею, трепеща душой,

Много нагрешила, все грехи со мной.
Не боялась в юности Бога прогневлять
И в грехах успела старость обогнать.

А теперь мне стыдно и глаза поднять.
Вы меня простите — трудно новой стать.
От дурных привычек вдруг отстать нельзя,
Очень осквернила сердце свое я.

По молитве вашей, батюшка родной,
Я воспряну к жизни чистой и святой.
Помолись же, отче! Я грешнее всех.
Вряд ли мне дождаться на земле утех.

Мне бы здесь томиться телом и душой,
Лишь бы не лишиться вечности святой.
Я на вас надеюсь, добрый мой отец,
Добрый мой заступник, врач больных сердец.

1970 г.

Т... (после ссоры)

Томочка родная, ты меня прости,
Сердца сокрушенье моего прими.
Я погорячилась, много наплела,
Ты не огорчайся, я пучина зла.
Над своим сердечком мне работать лень,
А тебя без устали «чистила» весь день.
Как-то не прониклась скорбью я твоей
И не источила милости елей.
По молитвам батюшки пусть вернутся вновь
В наше сердце бедное радость и любовь.

X-1975 г.

* * *

Никого и никогда не вини,

Никому и никогда не груби,
Никого и никогда не порицай,
Никого и никогда не осуждай.

Полюби, но не себя и родных,
Полюби людей и добрых, и злых.
Постарайся полюбить всей душой
В человеке образ Божий святой.

Все мы призваны к труду и борьбе.
Не желай же легкой жизни себе.
Не желай к себе вниманья и любви,
От скорбей и унижений не беги!

Скорби к Богу приближают тебя,
Не ропщи, но принимай их любя.
Научись за все Творца прославлять,
За смиренье даст Господь благодать.

Совершенства ты в себе не найдешь,
Так зачем его от ближних ты ждешь?
То, что требуем и ждем от других,
Не найти и днем с огнем в нас самих.

Ты такой же, как и ближний, больной,
А поэтому смирись всей душой.
Торопись узнать, исправить себя,
Жизнь проходит, не живешь ли ты зря?!..

Это стихотворение Люба написала, когда узнала о своей неизлечимой болезни в 1980 г.:

Твоя десница любящая, Боже,

Меня благословила нынче скорбью,
И понести ее Ты мне поможешь
Без ропота, покорно и с любовью.

От смерти к жизни Промысел твой будет.
Ты помоги мне, Господи, смириться,
А безысходной скорбь никак не будет,
Она смиреньем в радость претворится,

Чтоб до земли и в землю мне смириться,
Познать себя Ты помоги мне, Боже,
И непрестанно научи молиться,
Тогда и скорбь меня не потревожит.

И назову ее я «добрый вестник».
О «добрый вестник» неземного рая,
Мой ветхий человек скорбит — прелестник,
А новый скорбью к жизни воскресает.

* * *

Птицы небесные,
Я порой вам завидую,
Куда захотели вы
Туда полетели!
О, дайте мне крылья!
Ненадолго.
Я быстро слетаю
На родную сторонку,
Дорогого отца повидаю.
Прилечу я к окну,
Беспокоить его не посмею,
Лишь только взгляну,
И на сердце моем потеплеет.

Взгляну на того,
Кто пред Богом о мне умоляет,
На того, чья молитва
На чужбине меня укрепляет.

За три месяца до кончины:

Какое счастье
Свободной быть от пут житейских,
Гореть лампадой
Неугасимой пред Богом!
Какое счастье
Его любить и крепко верить
Всеми силами
Души своей убогой!

18/X-1988 г.

Не унывай, сестрица дорогая, не унывай.
Мы на земле не ищем рая — не забывай...
Здесь только скорби и неправды сжимают грудь,
Туда, где старец наш незабвенный — тернистый путь!..

1985 г.

* * *

Душа моя, ты так темна,
Ты света лишена, душа моя,
Не воле Божьей ты покорна, а своей,
А потому ты не свободна от страстей.

1970 г.

* * *

Господи, как много во мне коварства,
Как много лести, как много лжи.
О, как стараюсь я скрыть свое окаянство,
Ты видишь все. — Прости... прости...

1970 г.

Людмиле Абашевой

Твоей любви к себе я не ищу
И состраданья от тебя не ожидаю.
Тебя же я по-прежнему люблю
И на молитве вспоминаю.

Все то, что только можно пожелать,
Все то, что твою душу утешает,
Я не устану для тебя желать,
Так сердце мне повелевает.

1973 г.

Прп. Марии Египетской

Преподобная мати Мария,
Я молюсь тебе со слезами:
Помолись о душе моей грешной,
Оскорбила я Бога грехами.

Осквернила и душу, и тело,
И числа нет моим согрешеньям,
И могу ли иметь я надежду
Испросить у Владыки прощенья?

Преподобная мати Мария,

Научи приносить покаянье,
Всех людей превзошла я грехами,
И грозит мне за них воздаянье.

О подвижница знойной пустыни,
Я на помощь тебя призываю,
По молитве твоей дерзновенной
Я от Господа милости чаю.

Ты по светлым водам Иордана
Как по суше, святая, ходила.
Покаяньем суровым, жестоким,
Добела свою душу омыла.

И, склонясь пред тобой на колени,
Я прошу, преподобная мати,
Помолись о душе моей грешной,
Не забудь о мне к Богу взывати.

* * *

Не беда, когда тебя ругают,
Это не беда.
Не беда, когда все презирают,
Это не беда.
А беда, когда ты в озлобленьи
И живешь в великом нераденьи,
Это есть воистину беда.
Не беда, когда тебя накажут,
И насильно твою волю свяжут.
Это не беда.
А беда, когда ты непослушна
И в скорбях сей жизни малодушна.
Это есть воистину беда.
Не беда, когда тебя обидят

И достоинств мнимых не увидят.
Это не беда.
А беда, когда ты так тщеславна
И неудержимо-своенравна.
Это есть воистину беда.

1969 г.

* * *

Господи, помилуй!
Вопию к Тебе —
За грехи большие
Лучше на земле
Накажи, Всеправедный.
Только в день суда,
Когда затрепещет
Грешная душа,
Ты меня помилуй,
Не предай огню,
Я грешнее грешных,
Но Тебя молю:
«Милосердный Боже,
Своего Лица
Не скрывай навеки —
Тяжко без Тебя».

1970 г.

* * *

Что же подарить вам,
Батюшка родной,
В этот день хороший,
В этот день святой?

В день, когда ваш Ангел
Радуется с вами,
В день, когда мы рады
Быть подольше с вами.

Что же подарить вам?
Ум того не знает
О таком подарке
Сердце нам вещает:

«Подарите старцу
То, что не ржавеет,
На воде не тонет,
Не горит, не тлеет.

Подарите с верой
Старцу послушанье
И ему откройте
Все свои желанья.
По его молитвам
Близок ко спасенью
Тот, кто был послушен
Его наставленьям.

И, пожалуй, лучше
Не найти подарка.
Детей непослушных
Ему очень жалко.

«Батюшка любимый,
Все наше желанье —
Подарить вам ныне
Любовь и послушанье.

1972 г.

Воспоминанье

Был у меня Отец,
Любил он меня, как мать,
Глубокие раны сердец
Искусно он мог врачевать.

Он Бога крепко любил,
Он волю Его исполнял,
Он падшим людям служил
И на ноги встать помогал.

Твою большую любовь
Дети не могут забыть,
И кто нас возможет с тобой,
Отец дорогой, разлучить?

12.06.1987, 13.40, Устюжна

Стряпуха

Нельзя не сказать о батюшкиной «стряпухе», как он ее называл — инокине Лидии. Инокиней она стала за три дня до своей кончины.

В Пюхтицы приехала Лидия Ефимовна из Новгородской области в 1962 году и прожила рядом с отцом Петром до его кончины. Она была молчаливой свидетельницей батюшкиных подвигов — кроткая, любвеобильная, притягивающая всех вокруг своей самоотверженной любовью.

И была Лидия Ефимовна — великая тру-

Инокиня Лидия на хуторе в батюшкином кресле

женица. Все делала основательно, с молитвой. Многому научили ее родители. Отец ее окончил Столыпинские курсы, где учили хозяйствованию на земле. Было у них крепкое хозяйство, и на хуторе висела табличка «Хутор образцового хозяйствования».

На хуторе у батюшки всегда было очень многолюдно, и вся стряпня была на ней: часто «творила» пироги, ночью месила тесто по 2–3 бака, пекла пироги, булочки, и к завтраку все уже было готово.

Крахмал делали сами, не покупали. Для этого нужно было начистить целый бак картошки, натереть на терке, затем это отжималось и сушилось на солнце. Крахмала хватало до следующего лета. А вкусное миндальное молочко, которое она делала для батюшки,

больше ни до, ни после мы не пробовали. Батюшке присылали миндаль с юга целыми посылками. Наше дело было расколоть орехи, и после того как они распарятся в духовке, почистить, промолоть в кофемолке и заварить кипятком.

В постные дни батюшке давали стакан миндального молочка. А он попьет немного, и мы все допивали по нескольку глотков. Вкусно необыкновенно!

Трудно поверить: с больными ногами и больной головой она готовила на сквозняке у горячей плиты. Зайдет к батюшке, попросит его молитв, и Господь помогает. Но здесь были и ее жертвенность, и любовь к ближним. Дни Лидии Ефимовны проходили в труде и молитве.

Когда батюшка перешел в вечность, она осталась хранительницей очага. Границу с Россией закрыли, и она подолгу одна жила на хуторе. Ходила в лес за дровами, пилила, колола.

В последние годы Лидию Ефимовну навещал отец Рафаил, часто служивший в монастыре. Приедет летом на велосипеде, зимой на лыжах, отслужит панихидку в келье, молебен о здравии Лидии, посидит в батюшкином кресле. Никогда не пил чай, и даже Лидия Ефимовна со своим гостеприимством не могла его уговорить. Она рассказывала, как отец Рафаил навещал ее: сядут в столовой по-

сле панихиды по обеим сторонам длинного стола и сидят молчат. Он посидит, помолчит и отправится в обратный путь. Приезжал в самые «одинокие» времена года, когда она была совсем одна: в ненастную осень, трескучие морозы.

Причащал перед смертью, хлопотал у матушки о постриге, матушка благословила рясофор, и на третий день после пострига она скончалась в великий день Воздвижения Креста Господня в 1999 году. Когда после кончины ее одели в иноческие одежды, она вдруг улыбнулась. Так ее и хоронили.

На отпевании пели два монашеских хора. Похоронена на монастырском кладбище, и страницы ее биографии вписаны в летопись Пюхтицкого монастыря.

Отнц Иоанн и матушка Таисия

Посещали отца Петра на хуторе и отец Иоанн с матушкой Таисией из г. Сухуми.

Отец Иоанн был аскетом, строг не только к себе, но и к другим. Служил в кладбищенской церкви г. Сухуми. В Сухуми они построили маленький домик, состоящий из одной комнаты, кухни и небольшого закутка.

В соборе г. Сухуми служил тогда иеромонах Варсонофий, кажется, из Псково-Печерского монастыря. Матушка Таисия стала его духовным чадом. Руководителем он был

Протоиерей Иоанн и матушка Таисия.
Сухуми, 1982 г.

весьма своеобразным. Например, он учил ее смирению: велел просить милостыню возле церкви, а что соберет, опускать в церковную кружку. И она сидела в длинной веренице нищих, просила милостыню. А городок-то небольшой, все знают, что недавно они построили домик, проходят люди, и слышно: «Вот попадья, один дом построила, на второй собирает». Но она смиренно выполняла послушание. На этом ее испытания не закончились. Отец Варсонофий сшил ей хитон, и матушка в нем с блюдом ходила по сбору в церкви.

Все это отцу Иоанну очень не нравилось, и он пожаловался владыке. Митрополит Илия (нынешний грузинский католикос Илия) вызвал матушку и сказал: «Матушка, не умаляйте достоинств своего батюшки, не ходите так». И больше матушка этого не делала.

К строгости отца Иоанна. Отец Иоанн служил в кладбищенской церкви г. Сухуми. Как-то матушка спросила регента, почему он не причащается. Он ответил: «Боюсь, что не пройду “чистилище” отца Иоанна».

С патриархом Илией они были знакомы очень давно. Когда отец Иоанн служил в России, старостой церкви, где он служил, был отец патриарха. Будучи митрополитом в Сухуми, владыка Илия часто ездил за границу, привозил из святых мест крестики, иконки и др. и раздавал людям.

Матушке приходилось иногда готовить

владыке обеды. И однажды она сказала: «Владыко, почему вы всем привозите какие-то подарочки, а мне нет?» Он ответил: «Матушка, вы достойны большего». И однажды владыка подарил ей кольцо с бриллиантом. Потом он стал патриархом, и когда батюшка с матушкой навещали его в Тбилиси, она всегда надевала это кольцо.

Отец Иоанн с матушкой вели аскетический образ жизни, много молились, возрастали от силы в силу, очень интересовались сотнями отца Петра, которые написаны как раз для подвизающихся в духовной жизни.

На праздник Георгия Победоносца мы оказались у матушки в Сухуми. Был накрыт стол во дворе под виноградной лозой, с нами был отец Меркурий, подвизавшийся в горах, он оказался в городе по своим делам. И батюшка, и матушка имели тесную связь с пустынниками.

О трагической гибели матушки мы узнали из книги отца Вячеслава Тулупова «Божией пажити овцы»: «В начале 90-х годов прошлого века началась война между абхазами и грузинами. Как-то раз протоиерей Иоанн с матушкой вышли во двор своего сухумского дома. Через некоторое время отцу Иоанну пришла мысль пойти зачем-то в дом. Когда он вошел внутрь, началась пальба из артиллерийских орудий, и один из снарядов попал во двор дома. От его разрыва матушка погибла, сам же отец Иоанн остался жив».

О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Протоиерей Василий Лысак

Посещал отца Петра замечательный таллинский батюшка — отец Василий Лысак. Василий Харитонович Лысак родился 1 сентября 1927 года на Украине, в Ворошиловградской области, в крестьянской семье.

Его отец всегда ревностно ограждал детей от любых попыток извне подорвать православный уклад жизни. Однажды в сельском клубе показывали фильм, в котором с издевкой был выведен священник. Отец сразу же увел сына из клуба, в который они уже больше не ходили.

Во время страшного голода 1933 года умерли два брата Василия, семья бедствовала. Незадолго до начала войны Василий переехал к старшему брату на станцию Алчевск на Донбассе. Этот переезд был промыслительным, именно там Василий познакомился с благочестивым старцем Дмитрием Крымцевым и его матушкой.

Они вместе читали Священное Писание, и Василий большую часть времени проводил с этими близкими ему по духу людьми. В этот период времени ему снились особые сны. Когда Василий поведал о них старцу, тот заплакал и сказал: «Ты будешь священником, а сейчас как можно скорее уезжай отсюда —

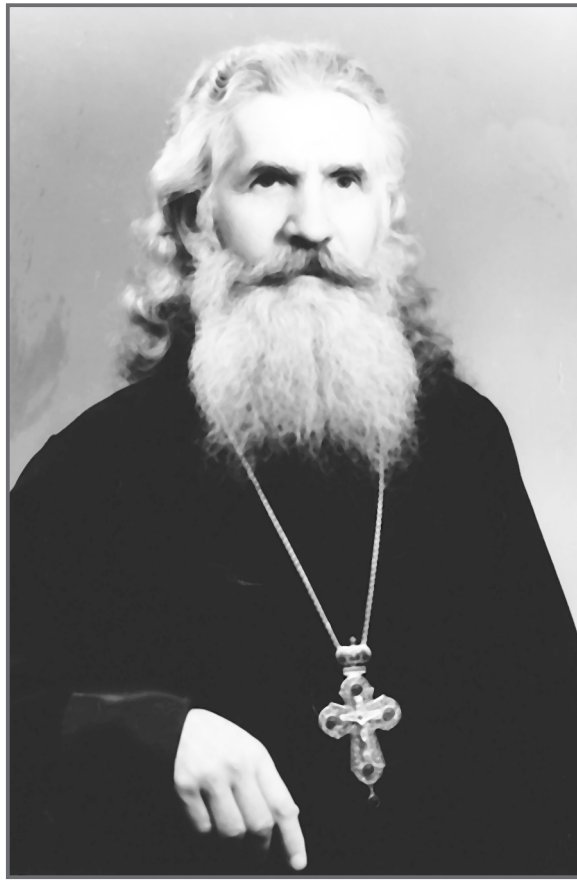
будет война».

Когда началась война, Василий был призван во флот, был ранен, лечился, но, отказавшись перейти в тыл, снова вернулся в действующую армию. Позднее он был переведен в Кронштадт, имел орден и шесть медалей.

Окончание войны Василий встретил в Таллине, был оставлен на сверхсрочную службу. Его часть располагалась в Копли, где он при любой возможности посещал Никольский храм, в котором познакомился со своей будущей женой — Лидией Михайловной Лукашиной. Венчались они на подворье Пюхтицкого монастыря в 1948 году. Уволившись из армии, Василий работал на фабрике резиновых изделий «Пыхьяма».

Супруги стали окормляться духовно у старца Симеона в Печерской обители. Однажды старец сказал о них, что это будущие батюшка и матушка. В 1954 году Василий поступил в Ленинградскую семинарию. Здоровье его было подорвано войной, и отец Симеон благословил рукополагаться к приходу, который назначит ему правящий архиерей, и переходить на заочный сектор обучения.

16 декабря 1956 года епископом Таллинским и Эстонским Иоанном Василий Лысак был рукоположен во диаконы к Таллинскому Александро-Невскому кафедральному собору. Ровно через год и три месяца, 16 марта 1958 года, епископ Иоанн рукоположил отца Василия во иерея, оставив в причте собора,



Отец Василий (Лысак). Копли. Таллинн

а в 1959 году он был назначен настоятелем Коплинского Никольского храма, где прослужил до конца дней своих.

Храм был бедным, требовал ремонта, на который средств не имелось. Но Господь наделил отца Василия особым даром: за какую бы работу он ни брался, она у него получа-

лась не просто хорошо, а превосходно. У него были поистине золотые руки.

Отец Василий умел починить любую вещь, он прекрасно шил, вышивал, делал митры. Его руками приведена в порядок вся ризница храма: он реставрировал пришедшие в ветхость облачения, шил новые, собственными руками красил крышу, стены храма и снаружи, и внутри, ремонтировал крышу, по собственным чертежам сделал новые купола, перекладывал печи — да всего и не перечислить. У отца Василия был художественный вкус, и он помогал отцу Алипию расписывать Сретенский храм в Печорах.

Но это только внешняя сторона жизни настоятеля, а «сокровенный сердца человек» был глубоко внутри. Внешне отец Василий был прост, любил пошутить, но порой шутка скрывала очень серьезные наблюдения и указания.

Он был молитвенником и предстателем за свою паству. Старец Симеон говорил о нем: «Это проскомидник». Проскомидию отец Василий совершал долго. Часто в проповедях объяснял, какое великое значение имеет то, что вынутая за живого или умершего человека частица омывается Кровью, приводя слова молитвы: «Омый, Господи, грехи всех поминавшихся зде...»

Отец Василий по-отечески заботился о своей пастве. Когда в храме нужно было собрать народ для уборки, разгрузки топлива и т. п., он обязательно благословлял общую трапезу для

тружеников. Если с кем-то случалась беда, он готов был идти на помощь в любое время дня и ночи. Его благословением дорожили многие, не предпринимая без совета отца Василия никаких серьезных шагов. Но своей воли батюшка не навязывал никогда, говоря: «Я думаю, надо поступить так, а впрочем, как вы хотите».

Выход из любых ситуаций он видел в терпении, чему и учил своих пасомых. Отец Василий всегда с благодарностью вспоминал валаамских старцев, живших в Печерском монастыре, особенно чтил отца Симеона. Он окормлялся у отца Петра (Серегина), а в Таллине у отца Василия Поведского.

В последний год, одолеваемый тяжелыми недугами, отец Василий не мог часто литургисать, но проводил исповедь, служил панихиды, зная, что усердная молитва за усопших облегчает их загробную жизнь.

В последний раз отец Василий был на службе в день праздника Всех святых, в земле Российской просиявших, стихира которым «Земле Русская, храни веру православную, в нейже утверждение...» была его любимым песнопением, которое он без слез слушать не мог. Отец Василий часто плакал, совершая литургию или читая воскресное Евангелие, которое напоминало ему о паломничестве в Святую Землю.

Около двух месяцев батюшка с христианским мужеством и кротостью переносил тяжелый недуг, готовясь перейти в обители Небес-

ные. В последнюю неделю он ежедневно причащался Святых Христовых Таин, пребывая в полном сознании и непрестанной молитве.

На второй день Успения Божией Матери, в праздник Нерукотворного Спаса в 2000 году отец Василий скончался. День отпевания батюшки совпал с днем его рождения. 1 сентября архиепископом Таллинским и Эстонским Корнилием в сослужении таллинского духовенства была совершена заупокойная литургия и умилительное отпевание. Храм был полон молящимися, пришедшими проводить в последний путь дорогого пастыря. Архиепископ Корнилий, долгие годы близко знавший отца Василия, сказал на погребении теплое слово.

На старинном таллинском Александро-Невском кладбище, рядом со своей верной и скромной спутницей Лидией Михайловной, упокоился пастырь добрый.

Схимонахиня Мария (Стецкая) **1922–2006 (8 мая)**

Матушка Мария навещала отца Петра в Пюхтицах и высоко ценила его духовные советы. Удивительна ее жизнь, необычен духовный путь. Родилась схимонахиня Мария в Орловской губернии. К началу войны она окончила педагогическое училище, работала учительницей в школе, добровольно ушла на фронт.

В г. Туле она окончила разведшколу и была отправлена на фронт, прошла всю войну, ко-

торую закончила в 1946 году в звании майора. После войны Мария вышла замуж; ее муж бы военным. Много лет спустя, в 60-х годах, в газете «Неделя» была опубликована статья с фото матери Марии «Офицер с крестом», где рассказывается о ее подвиге на войне.

Когда дочки подросли, после явления ей Матери Божией и свт. Иоасафа Белгородского она, оставив мир и семью, пошла странствовать. Было ей тогда 40 лет.

Вся жизнь матушки протекала в русле Божиего Промысла. Этот путь ее был предсказан еще ее матери, когда та посетила старцев в горах Кавказа.

После войны матушка жила в Орле. Идет она как-то зимой в мороз и вдруг слышит, что ее зовет кто-то: «Подожди, подожди...» Подходит Афанасий Андреевич Сайко (1887–1967), юродивый орловский: одна нога в ботинке, другая — босая, в длинной рубахе, с полотенцем на шее. Юродивый предсказал ей весь путь ее будущих странствий, в каких городах побывает (а это Украина и Сибирь, Дальний Восток, средняя полоса России и юг). Много лишений претерпела она на своем жизненном пути: ночевала в лесу под снегом, в поле и у добрых людей.

Незадолго до своей смерти владыка Мануил (Лемешевский) вызвал ее духом к себе. Она долго не ехала, и когда наконец вошла, он сам открыл дверь, схватил ее за плечи и, тряся, сказал: «Я тебя жду год, почему так

долго не ехала?» Матушка даже заплакала. Несколько часов владыка наставлял ее на дальнейшее служение, к которому она была призвана.

Кто был раньше ее духовным отцом, неизвестно, но в 1960-х годах матушка просила Господа послать ей духовного отца. По чудесному указанию свыше отправилась в Питер, в храм великомученика Димитрия Солунского в Коломягах. Когда ехала в поезде, на небе увидела священника. Это был отец Владимир Каменский. Первый раз она исповедовалась у батюшки дома, исповедь длилась три часа.

Часто матушка жила на Украине — в Почаеве, в Харькове, Одессе, где у нее было много почитателей. Часто ездила в Сибирь, на Дальний Восток, была на Камчатке и на островах.

Во время хрущевских гонений открыла храм по велению Божией Матери. Явилась Она ей в сонном видении и сказала: «Есть такой город — Комсомольск-на-Амуре. Ты должна там храм в честь Моего Успения открыть». Матушка, проснувшись, на карту поглядела — и ахнула: чуть не 10 тысяч километров от Москвы! Засомневалась: не прелесть ли какая? После этого ее вскоре паралич разбил, а Богородица дважды приходила, повторяя: «Поезжай!»

Господь вразумил купить дом под храм. Четыре женщины на свои средства купили дом на улице Лермонтова, 83-а. Перестраивали дом под церковь всем миром. Пере-

писывали от руки богослужебные тексты, акафисты, панихиды. Окормляли верующих священники из Хабаровска. Матушка Мария помогала в строительстве храма и молитвой, и средствами, посылала жертвы верующих людей.

Она постоянно приезжала в Комсомольск-на-Амуре, окормляя в течение 18-ти лет храм и верующих города. Однажды, когда она прилетела в город, разлилась река, вода поднялась на девять метров, а в храме начали собирать иконы для эвакуации. Матушка сказала священнику: «Давай с тобой помолимся ночь, а там видно будет». Наутро увидели, что вокруг вода, а они как на островке, несмотря на низкое место. Прихожане переплывали на лодках и удивлялись, как такое может быть.

Очень много матушка потрудилась для благоукрашения храмов. Со своими помощниками они шили облачения и ризы для храмов Москвы и Подмосковья, Дальнего Востока, Сибири, Пскова, Липецка, Барнаула и др. Комплекты облачений разных цветов отправлялись самолетами целыми тюками. А это было время, когда негде было добыть не только облачения, но даже ткань для них.

Матушка обладала таким даром молитвы, что если она чего-то просила у Бога, все исполнялось. Те, кто с ней общался, чувствовали ее молитву постоянно.

Там, где была матушка, были одни чудеса. Конечно, все это достигалось большими по-

Схимонахиня Мария (Стецкая)

двигами и лишениями. Много лет у нее болела застуженная голова, и она под платком носила шапку, очень болели глаза.

Матушка Мария была скромным человеком, она часто болела, но лекарства старалась не принимать. Главным лекарством было для нее Причастие. Но других к такой аске-

тической жизни она не призывала, так как обладала духовным рассуждением и знала, кто сколько может понести.

Вот что она писала о посте р. Б. Александре: «В отношении еды ты сама не бери на себя больше чем надо, а то немало случаев больших бед после самочинных подвигов. Придерживайся середины, и будет хорошо; а то хитро подойдет (враг), ослабит последние телесные силы, и никуда не будет годно: ни молиться, ни физически трудиться — вот ему радость. Так что, дорогая, очень важно внутреннее перерождение: желание ничего плохого не только не делать, но и не помышлять».

Матушка бывала и строгой. В одном из монастырей она внезапно отчитала человека, который впал в уныние и решил уйти в мир. Он никому не открывал мучившие его помыслы и был поражен, что схимонахиня эти помыслы обличила. Матушка отругала его, видимо, помолилась, потому что помыслы отступили. Отошло уныние, и он только радостно повторял окружающим: «Ну и матушка! Ай да матушка!»

А еще был случай: после службы в храме старица вдруг обратилась к служащему священнику с вопросом об одной певчей на клиросе. Священник с недоумением ответил, что действительно поет на клиросе такая сестра, но сейчас ее нет, она дома, готовится к сессии. Тогда мать Мария попросила отвезти ее

к этой сестре. Сели они в машину, поехали. Приезжают к девушке, а старица говорит, что хочет побывать у нее на даче. Все, конечно, в недоумении, но поскольку мать Марию давно знают, ни о чем не расспрашивают, слушаются.

Вот уже и на дачу приехали. Матушка им говорит: «Вы в машине посидите, а мне нужно тут пройти, осмотреться». И, выйдя из машины, идет на соседний участок. Начинает ходить по чужому огороду, прогуливается. Сидящие в машине молчат, ждут, что будет дальше. Вдруг открывается дверь домика, что на соседнем участке, выходит мужчина. Растрепанный, с расстегнутым воротом. Подходит к матушке и начинает у нее что-то спрашивать. Сначала вроде сердито, а потом успокаивается. Вот они уже вместе ходят между грядок и беседуют неспешно, и даже улыбаются. Через какое-то время матушка заканчивает разговор. Мужчина провожает ее и просит благословения. Мать Мария садится в машину и, ничего не объясняя, говорит: «А теперь поедем назад в храм».

Расспрашивать старицу никто ни о чем не решился. Шли дни. Постепенно эта история стала забываться. Только месяц спустя священник узнал этого растрепанного соседа певчей в элегантно одетом мужчине. Он пришел на исповедь. «Хочу я свой грех исповедать, батюшка! Помните, вы на дачу приезжали, матушку ту чудесную с собой

привозили? А я ведь тогда тяжелые времена переживал, испытывал сильное уныние. И решил я покончить с собой. Повеситься. Я уж на чердак залез и петлю сделал, собрался ее на шею надеть — вдруг слышу шум на участке. Кто-то чужой ходит. Ладно, думаю, успею повеситься. Сейчас посмотрю, кто там ходит, а потом повешусь. Вышел — а там матушка. Поговорил я с ней. А после разговора так мне на душе хорошо стало! Все плохие мысли отошли куда-то! Солнце светит, птицы поют, гладиолусы мои любимые распускаются! Хорошо! Что это я, думаю, вешаться собрался, что за помрачение рассудка нашло?! Пошел, снял веревку. И вот — дальше живу. А постепенно и жизненные обстоятельства к лучшему изменились. Я вот пришел покаяться в попытке самоубийства. Отпустите грех, батюшка! Может, епитимью какую...»

А вот что рассказывает о своей встрече с матерью Марией настоятель храма в честь Успения Пресвятой Богородицы игумен П.: «Я по натуре человек скептического склада, поэтому можете не опасаться с моей стороны каких-то преувеличений в оценке личности матушки Марии. Речь пойдет исключительно о том, "что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали наши руки" (1 Ин. 1, 1).

Вот с рук, пожалуй, и начну — то есть с истории нашего знакомства. Свой первый приход я получил в 1988 году, в год тысячеле-

тия крещения Руси. Прибыв тогда в г. Комсомольск-на-Амуре, нашел там переделанный под церковь небольшой жилой дом в довольно плачевном состоянии.

На одной из ближайших служб призвал прихожан вносить пожертвования для ремонта здания. Мой призыв особого эффекта не имел, то ли по бедности малочисленной паствы, то ли оттого, что люди хотели сперва присмотреться к новому батюшке. Надо сказать, оснований для недоверия мой предшественник оставил им предостаточно. Да и сам я был далек от апостольской нестяжательности.

Однажды на вечерне замечаю в храме незнакомую старушку в темно-сером плаще и большом черном платке, в несколько слоев намотанном на голову. Поверх него натянут жгут каких-то нелепых выпуклых очков, похожих на летные или сварочные. Сдвинутые на лоб, они производили довольно комичное впечатление. Но мне не до смеха, так как мои прихожане, явно забыв о молитве, обступили эту “летчицу” и без конца суют ей в руки и карманы какие-то бумажки. Во время каждения убеждаюсь в том, что это поминальные записки и деньги.

Моему внутреннему возмущению нет предела: “Как так! Кружки стоят пустые, старая штукатурка на голову сыплется, а тут без настоятельского благословения какая-то залетная смеет последнее отнимать! Да еще во вре-

мя службы!”

Еле дождался окончания всенощной, но не успел и рта раскрыть, как старушка сама ко мне подошла со свертком в руках. “Вот, — говорит, — батюшка, вы в храме Успения Божией Матери служите... Примите же от нас, москвичей, во славу Пречистой”. (Матушка Мария, а это была она, много лет в столице прожила.) Я край газетки отвернул, смотрю — ризы голубые, парчовые, о каких тогда и мечтать не смел. “Нет, — отвечаю, — не приму. Что это вы на службе мне устроили? Или в Москве не принято на сбор пожертвований в храме у священника благословляться?!” Она поклонилась и вышла, оставив сверток на панихидном столе.

На следующий день, после литургии по случаю престольного праздника, во дворе был накрыт стол, и на трапезу я велел и нашу гостью призвать. Сижу с причтом на одном конце стола, она — на другом. Поглядываю на нее невольно: характерная, с оливковым оттенком, аскетическая бледность лица и глаза необыкновенные.

Уже много позже понял: так смотрит бесстрастие... Матушка же на меня никакого внимания не обращала и, как мне показалось, вполголоса рассказывала соседям о посещении каких-то приходов, попутно давая характеристики служившим в них пастырям примерно в таком ключе: “Батюшка там очень хороший, только вот зачем же он то-то

и то-то делает, ведь так не полагается, грех...”

Ну, думаю, час от часу не легче, теперь еще и духовенство прилюдно будет обсуждать. Но вдруг как током меня ударило — она же мои, мои тайные грехи обличает! Ну да, это я вчера сам сделал, и это про меня, и это тоже!

После трапезы подошел я к матушке со словами: “Простите, вижу, вы не простой человек”. Пригласил ее в свою келью, и тут уже пошел прямой и нелицеприятный разговор. Выяснилось, что матушка знает про меня все, даже больше, чем я сам. Между прочим спросила: “Батюшка, а почему у вас руки такие красные?” — “Как красные? — удивляюсь. — Обыкновенные руки, всегда такие были”. — “Да нет, красные. Правда, не такие красные, как у одного старосты, который кружки тайно вскрывает и домой вещи из храма тащит... У него прямо огнем горят и по локоть, а у вас только вот до сих пор, и такие... красноватенькие. Может, все-таки где-то непорядок с документами или на себя что-то лишнее истратили?”

Ну конечно, был грех. Я ведь не только храм благоукрашал — кое-что из церковных средств и на личные нужды шло, на обстановку домашнюю, на утешение плоти... В общем, пришлось не только рукам краснеть».

Последний раз схимонахиня Мария приехала в Комсомольск-на-Амуре в 2000 году, когда ей уже было 78 лет. В таких почтенных годах она ехала через всю страну на Дальний

Восток в свой любимый храм к своим чадам.

Умерла матушка Мария в 2006 году, в возрасте 84 лет, и похоронена в Орле на Афанасьевском кладбище, у алтарной стены, рядом с женским монастырем.

На ее отпевании секретарь Орловской епархии сказал: «В Орле 14 церквей и два монастыря, и нет ни одной, в обновлении или строительстве которой не приняла бы участия матушка Мария».

Схимонахиня Серафима (А. П. Морозова)

Матушка Серафима была келейницей прославленного старца Серафима Вырицкого. В миру ее звали Анна Павловна Морозова. Вначале она жила в Вырице напротив Казанской церкви, на другом берегу реки Оредеж, где образовался женский скит под руководством схиигумении Херувимы. Матушка Херувима была слепой, но прозревала духовными очами. Иногда послушницы пытались схитрить: «Матушка, мы сделали то-то и то-то». — «Деточки, а вот там вы ничего не сделали». — «Матушка, простите». К ней тянулась молодежь.

Когда монастырь закрыли, схиигумения Херувима и мать Серафима, которая осталась с ней, скрывались. Много лишений и горестей пришлось пережить, жили в лесу. За голову матери Херувимы власти обещали

большие деньги. Однажды их приютила одна семья, поселили их в баньке. На следующий день пришли с обыском, все перевернули в доме. Матушка Херувима очень молилась: в баньку они не заглянули.

Когда матушка прп. Серафима старица Серафима отошла в вечность, мать Серафима (Морозова) читала по ней Псалтирь. После похорон схимонахини Серафимы она осталась в доме старца в качестве келейницы.

Вот как вспоминает о ней Е. М. Германицкая, духовная дочь отца Серафима еще с 20-х годов прошлого столетия: «Из всех людей, окружавших батюшку, у меня запечатлелся в душе образ келейницы матери Серафимы — женщины умной, начитанной, с широким кругозором, отзывчивой, спешащей помочь в любой беде. Она внушала людям пламенную веру без слов, одним видом. Была вся порыв, вся — горящий взор. Посмотришь на нее, закроешь глаза и чувствуешь — это навсегда, такие лица встречаются раз в жизни».

Келейница мать Серафима часто говорила людям: «Батюшка не может вас сейчас принять, он в самоуглублении», — и посетители писали записочки. Кого старец считал нужным, вызывал сам. Когда батюшка скончался, она написала стих:

Ушел родной,
Ушел всеми любимый,
Ушел с последней молитвой на устах.

Но не тоскуй,
Не падай духом в скорби,
Он за тебя помолится и там, на небесах.

Эти стихи-молитва келейницы матери Серафимы долгие годы висели на кресте на могилке отца Серафима.

Еще при жизни отец Серафим сказал ей: «Матушка, схимнические одежды для вас давно готовы, а имя у вас будет Серафима, и мы вместе встретимся там».

Матушка весь день после этих слов радовалась, что будет с батюшкой в раю. А он подозвал ее и тихонько сказал: «Матушка, а ум лучше держать в аду».

По совету отца Симеона Псково-Печерского келейницей матушки Серафимы стала Ирина Павловна Орленева. Ирина Павловна была дочерью известного артиста, сама в молодости выступала в театре Комиссаржевской. Ее мама была балериной. Ирина Павловна писала миниатюры. Следует сказать, что была она уже далеко не молодой; очень хорошо ухаживала за матушкой, делала ей котлетки, была очень близка духовно, и жили они душа в душу. Натурой она была творческой.

Скончалась схимонахиня Серафима на руках своей сотаинницы в Пюхтицах и похоронена на монастырском кладбище.

Упокой, Господи, ее душу в селениях праведных!

Под благодатным покровом

Воспоминания монахини Димитрии, насельницы Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря

Монахиня Димитрия (Мария Семеновна Лешкина) родилась в г. Печоры Псковской области в 1912 году от благочестивых родителей Симеона и Анны. В 1926 году поступила в Пюхтицкий монастырь, прожила в обители 58 лет. Несла все монастырские послушания, была певчей, регентом и уставщиком.

К концу жизни очень болела, и ее послушанием было чтение Псалтири. Скончалась 72-х лет в канун Успения Пресвятой Богородицы в 1984 году, в 16 часов 50 минут. Первую панихиду по ней служил митрополит Таллинский и всея Эстонии, будущий Патриарх Алексий. Похоронена на монастырском кладбище при большом стечении народа и духовенства, прибывшего в обитель на праздник Успения Царицы Небесной.

Призвание и поступление в обитель

Мама моя очень хотела в монастырь. Как она просилась у родителей, они ее ни за что не отпускали, потому что одна у них была дочка. Ее выдали замуж. Она очень хотела, чтобы, кто родится у нее первый, шел служить Господу. И поскольку я первой родилась, она за меня молилась, чтобы я пошла в монастырь.

Я очень любила молиться, ходить в церковь. Поскольку мы рядом жили с Псково-Печерским монастырем, то я туда часто ходила, и Матерь Божия, когда мне было тринадцать лет, уже внушила желание идти в монастырь, такое сильное, что я не хотела даже возвращаться домой. Тетя Нюша стала меня ужином кормить, спрашивает: «Скажи мне, что ты так плачешь?» Она была очень духовная, и я ей все рассказала: «Хочу в монастырь. Здесь, в Печорах, не принимают девочек». Она говорит: «Ты не плачь. В Эстонии есть еще монастырь, где девочек при-

нимают. Осенью сюда приедут матушки, и я поговорю с ними». Я очень обрадовалась и однажды осмелилась сказать маме, что очень хочу в монастырь. Мама сразу подошла к иконам и стала от всей души благодарить Царицу Небесную, что Она внушила мне желание идти в монастырь. Тогда я сказала: «Мама, а почему же ты мне никогда не говорила, что ты так хотела, чтоб я шла в монастырь?» Мама мне ответила: «Доченька, вот призвание Божие — это надежнее. А если бы я стала тебя посылать в монастырь, то потом ты могла бы на меня обижаться». Так вот, по милости Божией, мама была рада и уговорила папу.

Приехали как раз с чудотворной иконой, нашей Пюхтицкой, в Печоры игумения Иоанна и две монахини. Старец Симеон (Желнин), который с семи лет был моим духовным отцом, сказал мне эту радость: «Теперь тебе пришло время в монастырь идти. Папе скажи отслужить молебен чудотворной иконе, и тогда с матушкой игуменией поезжай». И вот папа вручил меня матушке игумении. На пасхальной неделе, 14 апреля 1926 года, мы приехали в монастырь. А 16 апреля — день посвящения матушки в игуменство. Была очень торжественная служба, пение хорошее. Мне так понравилось, что я думала — в рай пришла. Я в воскресенье пришла, а в субботу меня уже на клирос поставили, еще в платье.

Перевели меня в просфорню к матери Митрофании. Она была очень хорошая ста-

рица, как мать родная. Все мне помогала делать, все показывала. «Вот, — говорит, — мне на старости Господь ребенка послал». Мы с ней пожили лето. Я ходила в сад работать, а она — на просфоры.

Осенью меня перевели на скотный двор. На скотном дворе мне очень нравилось. Там меня одели в связку. Я написала радостное письмо домой, что Господь сподобил мне ангельскую одежду. А отец прочитал его и очень расстроился, что я еще совсем девочка, а меня на скотный двор отправили. Он даже не пообедал, вскочил и говорит маме: «Собирай меня, поеду за Марией».

Приехал он за мной, а я ему и говорю: «Меня одели в ангельскую одежду, и домой я уже не поеду. Мне легче умереть, чем бросить обитель». Он поплакал, меня поругал, но увидел, что я очень твердо решила остаться, и оставил. А когда на скотном дворе стали прощаться, он бросился в ноги старшей матери Авраамии: «Матушка, не оставьте вы ее, помогайте ей, ведь она же еще ребенок». Мать Авраамия дала ему слово, что будет мне помогать и не оставит меня, пока жива, а он пусть спокойно уезжает. Поплакали, он уехал, а я осталась и так была рада.

Чудо спасения

Отправили меня на рыбный сбор в Печорский край. Пришла я к своим знакомым,

у которых останавливалась раньше, говорю: «Пришла просить, чтобы мою рыбу отвезли в Печоры. Они согласились и говорят: «Сходи-ка в ту деревню, там хотя и староверы, они пожертвуют, а мы раньше трех часов не уедем». И вот я пошла. Оказалось, там очень хорошие люди, они нанесли мне большой мешок рыбы, пудов пять. Я мешок волоком тащила. За деревню уволокла и вдруг встречаю женщину, вид у нее страшный. «А куда ты идешь?» — спрашивает. «Да в Любницы». — «Так ты иди по мху, деревня-то рядом, полтора километра».

И я пошла. Прошла мало и провалилась. И вижу, что пришел конец. Такое чувство, что кто-то тащит за ноги вниз. Я тону. Поглядела на небо и кричу: «Матерь Божия, спаси меня, ведь я здесь за святое послушание». Молилась Николаю Чудотворцу и особенно — Архистратигу Михаилу. Провалилась до шеи и потеряла сознание. Очнулась я на крепком месте. Лежу. Кругом трава, деревня впереди. «Ведь я ж тонула! Господи, какое счастье!» Я стала молиться. «А рыба-то где, наверное, осталась там?» Стала смотреть кругом — а рыба за спиной лежит.

Пришла в деревню, рассказала о том, что со мной случилось. «Это тебе ведьма какая-то встретилась, — сказал хозяин. — Я здесь родился и вырос, там никто не ходит. Это не болото, а залив Псковского озера, который стал мхом затягиваться. Большое чудо с тобой

произошло». Дали мне переодеться и положили отдыхать. Утром всю мою рыбу увезли, а я пошла еще дальше просить.

Чудо исцеления. Поездка на Валаам

Я заболела легкими, кашляла гноем и кровью. Меня пособоровали, причащали часто, и все со мной попрощались. Вдруг я слышу, что поедет нынче летом экскурсия на Валаам. И вот пришла мне такая мысль в голову: «Сподобил бы меня Господь съездить на Валаам. Там и мощи Сергия и Германа, там и старцы великие, там я обязательно исцелилась бы». А вот как? Стоила дорога дорого, откуда я денег возьму? Старица моя была хорошей жизни, она и говорит мне: «Ты не рассуждай, откуда денег возьмешь. Начни с сегодняшнего дня молиться Матери Божией, и Сергию, и Герману: “Дайте мне денег

на дорогу и сподобьте меня съездить в святую обитель вашу". Они сами устроят так, что ты удивишься, откуда тебе пошлют денег». И вот я молилась как умела.

Как-то пришло мне желание пойти в церковь в воскресенье. Как раз пришла, когда за меня молились, за мое здоровье: батюшка читал молитву за болящую, а сестры все стояли на коленях. Я горько заплакала: «Господи, я недостойна, что за меня так усердно молятся». Мне стало плохо, и я пошла домой. Только была уверенность в душе: если сестры так молятся за меня, может, Бог даст, и поправлюсь.

И вот как-то днем я вышла из кельи и потихоньку, держась за ограду, дошла до поля. Меня увидели, закричали: «Сестры, смотрите, кто пришел, ожил наш покойник». Все прибежали, уселись на траву и меня устроили повыше. Вместе с ними работал Николай из Печор, он всю семью нашу знал. И так Богу было угодно, заговорили про Валаам. Этот рабочий Николай мне говорит: «Как ты, Мария, благословишь мне ехать на Валаам?» Я говорю: «О, Николай, какой ты счастливый, что можешь ехать, а я как хочу ехать, но нет такой возможности, помочь мне некому, родные мои погорели». Я ни о чем его не просила. А Николай пошел к матушке в тот же день, получил жалованье и принес мне 28 эстонских крон, и прибавил еще денег до Нарвы доехать. Он сказал: «Я уж теперь не

поеду, а ты поезжай за меня».

Приехали на Валаам к самой Троице, как раз ко всенощной звонили. Служба была необыкновенная, по афонскому уставу. Пели два хора. Был там старец прозорливый иеросхимонах Иоанн, великий старец. Я у него исповедалась и сказала, как болею. Он нас соборовал и молебен преподобным Сергию и Герману служил. А перед отъездом говорит мне: «Ты, Мария, исцелилась от своей чахотки, твои каверны зарубцевались. Ехала ты сюда за исцелением, и преподобные Сергий и Герман тебя исцелили. Так что приедешь домой — можешь идти косить».

Мы приехали как раз в то время, когда покос начался. Я пошла к матушке: «Матушка, я там исцелилась, батюшка Иоанн сказал, что я теперь здорова, легкие зарубцевались и могу косить. Благословите, завтра я пойду косить». А матушка говорит: «Что ты, что ты, еще грести потихоньку попробуешь, а косить — это тяжело». Я опять стала проситься косить. Матушка заплакала, меня прижала к своей груди и говорит: «Сходи, попробуй, как ты сможешь». Я пошла косить и косила в своей жизни тридцать лет. Стала выполнять все работы и, слава Богу, легкими больше не болела.

Спасение монастыря от закрытия

В 1940 году хотели наш монастырь за-

крыть. Матушку вызвали в Йыхви и приказали молодых распустить по домам, а старых отправить в богадельню. На второй день уехало восемь человек, а потом еще уезжали. Я сказала: «Пускай куда хотят отправляют, я никуда не поеду». И осталась на волю Божию.

Наложили на нас большой налог; собор хотели отобрать и устроить в нем театр, если не заплатим. Матушка сообщила нам об этом. А сестры сказали: «Матушка, не отдавайте собор. Мы будем из последних сил собирать ягоды, только бы заплатить налог». И вот даже смотреть было трогательно, старушки просят молодых: «Возьмите и нас, и мы ягодки пособираем». Мы под ручки и таскали их в лес, посадим где-нибудь: «Собирайте здесь, а мы дальше побежим собирать». Ягод в тот год было очень много. Брали чернику, бруснику. Таллинские сборщики ягод узнали об этом, стали приезжать каждое воскресенье за ягодами и платили нам. И мы все свои копейки, кто сколько заработал, бежим, несем матушке. Матушка встречает нас со слезами: «Сестры, спаси вас Господи!» Какие все радостные были, что заработали денег и монастырь отстоим.

Потом решили на работу выходить раньше и подольше задерживаться, чтобы не только в воскресенье, но и на неделе день или два сходить за ягодами и скорее выплатить налог. Мы столько набирали, что денег получали помногу. И скоро налог заплатили.

В следующий раз хотели налог дать еще больше, но через некоторое время объявили войну, и власти про нас забыли. Так и трудились, и монастырь держался.

Поездка по сбору в Печорский край

Во время войны нечего стало варить. Пришла от матушки игумении казначея, мне, грешнице, даже в ноги поклонилась и говорит: «Мария, может, ты как-нибудь доберешься до Печор? Там все-таки русский народ, может, что-нибудь нам пожертвуют? Ты сама видишь — нечего варить. Дадим тебе человека, и поезжайте вдвоем. Господь не оставит, будем молиться за вас».

В то время никакого проезда не было, на несколько метров к эшелону нельзя было подходить; если подойдешь — расстрел. А ехать надо! Молишься, плачешь. Как подойдет эшелон военный, мы заходим с другой стороны, скрываемся, а как эшелон пойдет — бежим бегом, прыгаем на ступени. Когда не увидят, проедем до станции. Все-таки с таким большим горем, под расстрелом, доехали до Печор на четырнадцати эшелонах.

Приехали, а с чего начать — не знаем. И вдруг мне кто-то на ухо говорит: «Идите мимо больницы». И вот подошли мы к дороге, где надо сворачивать к больнице. Снова кто-то говорит: «Идите мимо больницы». Подошли к больнице — никого нет; уже по-

вернулись, чтобы в гору к кладбищу, вдруг слышу: «Маня, Маня, подожди». Мама меня зовет. «Да вот папа лежит в больнице, — говорит, — я приехала его проведать».

Пошли в палату, где отец лежал. Палата большая, и ко всем больным посетители пришли из разных мест, день был приемный. Я рассказала, зачем мы в Печоры приехали, о том, что продуктов в монастыре нет и не знаем, откуда наш путь начать. Все сели в кружок около меня и стали дело обсуждать: с чего и как мне начать. Вот было чудо!

И посоветовали нам начать с Новоселья, там собрать льняные семена на масло, как раз только продавать их начинают, и дедушка из Новоселья пообещал нас взять с собой. Мы так хорошо набрали семени льняного, 80 литров. Четыре банки по 20 литров масла согнали. А в Печорском крае так хорошо нам зерна надавали и шерсти, лука много, кто варежки, кто чулки — много всего надавали. Я поехала хлеб менять, полные дровни хлеба привезла, сколько лошади смогли увезти. Надо было хлеб на рыбу поменять. Нам посоветовали на Талабские острова съездить. Но ехать было очень рискованно, граница ведь: с этой стороны немцы следят, а оттуда следят русские. Объявлено было, что если кто поедет — сразу расстрел. Я думаю: «За послушание поеду». Вспомнила, что из Талабска у нас одна монахиня живет, попробую найти ее родственников, — чтобы не выдали нас. Вот

так Господь внушил.

Ехали мы ночью, Рождественским постом-то ночи длинные. Нас в дорогу крестили-крестили — тут и женщины, и мужчины. Подъезжаем к Талабску, я молюсь: «Господи, пошли мне человека надежного». Вижу, идет бабушка, она и привела нас в дом к родственникам нашей сестры. Много нам тут рыбы надавали — и снетков, и лещей, и другой рыбы до самой дуги телеги. И так мы благополучно вернулись и со слезами благодарили Бога.

А в это время, когда мы были по сбору, матушка игумения болела. Сколько раз была при смерти, нам рассказывали, но все время со слезами молилась: «Продли мою жизнь, Господи, мне бы видеть своими глазами, что приехали сестры, которых я послала в сбор. Ведь война, страшное время...» Как только мы в ограду въехали, нас скорее к матушке игумении послали.

Пришли к ней в келью. Она с боку на бок повернуться не могла, а тут обрадовалась — и села, обняла, к груди нас своей прижала, целовала нас в голову и благодарила, а слезки так и катились у нее по лицу. Благословила нас, крест дала, иконку и послала обедать. Только пришли на кухню, нам говорят: «Матушка скончалась».

Искушение

В моей жизни было такое искушение, которое, как мне объяснил старец, было послано мне за осуждение. Вдруг ни с того ни с сего все решили, что один человек, который ушел на войну, на самом деле скрывается в лесу, а я его кормлю. И так наговорили, что дошло до властей и они приехали в монастырь, и матушку игумению очень напугали, сказали, что монастырь может из-за этого пострадать. Сестры все на меня сердились, потому что из-за меня монастырь могут закрыть. И я очень переживала. И один раз так много мне сестры обидного наговорили, что я вроде отчаялась. И в таком отчаянии я прилегла отдохнуть. И вдруг вижу, как бы во сне, Спасителя во весь рост. И такое у Него лицо, и руки распростерты ко мне, Он с такой любовью смотрит на меня, и все сердце мне наполнил любовью и благодатью. Я говорю: «Господи, не оставь меня погибнуть». Он был на высоте, а под ногами у Него было написано золотыми буквами. Я читала эти умилительные слова, но не дано мне было все запомнить. Только два слова запомнила: «Дети, терпите». Он благословил меня и скрылся. И потом уже все скорби было легко терпеть.

Я не виновата, но меня гнали, чтобы обязательно уходила. Тогда я попросила: «Матушка, окажите мне милость, чтобы мне завтра утром причаститься. Причащусь, а тогда и пойду, куда Бог даст». Пришла я на исповедь и перед крестом и Евангелием ска-

зала батюшке, что я не виновата, и если меня выгонят, я не доеду до дома, потому что там уже были русские, а здесь немцы. Батюшка сказал: «Я тебе не верю. И вот только потому, что тебя ожидает расстрел, я допускаю тебя до причастия».

Батюшка мне не поверил, я расстроилась и решила, что, значит, так надо, воля Божия. Утром я причастилась. И вдруг после причастия, когда я уже прочитала благодарственные молитвы, меня позвали к игуменье.

Прихожу к матушке. Мне с любовью открыли дверь, келейница к матушке провела. А матушка бледная-бледная — лицо такое же, как белый апостольник. Я даже ужаснулась. И она вдруг повалилась мне в ноги и говорит: «Прости меня, ради Бога». Я ничего не могу понять. «Матушка, зачем же вы мне кланяетесь?» — «Да вот видишь, какое дело-то: Матерь Божия за тебя заступилась. Вот, Она уже дала знать нам, что ты и правда не виновата».

Оказалось, что этот человек, про которого говорили, что я его скрываю, прислал письмо. И мать бегом прибежала к матушке, принесла письмо. А в письме — фотография, он — в военной форме и подробно пишет о себе.

Вот, сестры, рассказала вам, что такое было испытание. Не подумайте, что кто-то виноват. Это посылается по воле Божией для нашего испытания, для нашего спасения души. За такие скорби надо Бога благодарить и не надо ни на кого обижаться. Что Бог посылает

через людей — все для пользы нашей души.

Схиархимандрит Лаврентий

Побывали мы в Киеве. Пошли на вокзал, а народу после войны много, кто куда едет, и нам никак было не получить билетов обратно. И вот матушка игумения Флоровского монастыря Флавия говорит: «Поезжайте вы на Чернигов. Чернигов — город маленький, там, надеюсь, вы получите билеты». И чудо какое свершилось, что выехали мы ни раньше, ни позже, а как раз на акафист святителю Феодосию в Троицком монастыре попали. Пели два хора нараспев. Регентом там был схиархимандрит Лаврентий, в пении очень искусный. Я на ногах не могла стоять от этого умилительного пения, упаду на пол, плачу-плачу, а потом думаю: «Надо же поглядеть, хорошо управляет батюшка». Я заметила, что батюшка какой-то необыкновенный. Может, он старец великий? Подойду к нему под благословение. Кончилась служба, я его караулю. Подошла под благословение, а он мне говорит: «Ты приходи ко мне завтра обязательно в семь часов утра, поняла?» А потом спрашивает: «Ты ночуешь у матери Евтропии?» — «Батюшка, я и сама не знаю, где буду ночевать». — «Тебе надо просить, да вот игумения еще не ушла из церкви, ты иди скорее, проси ее благословить тебя, и мать Евтропия пусть тебя ко мне приведет». Я по-

дошла к матушке, она благословила: «У матери Евтропии ночуйте».

На следующее утро мы с ним много о чем поговорили. А вскоре я к нему еще раз приехала и целую неделю у него жила. И тут я поняла, какой он святой человек, какой прозорливый. Он говорит с другой монашкой, я думаю: «Вот, не забыть бы спросить про это». А он поворачивается и на мои мысли отвечает. Такой был великий старец, я всю жизнь живу воспоминаниями о нем.

Велел он нам в Киев на воскресную службу съездить. «Всенощная такая в Лавре, — говорит, — какой нету нигде, только где-то на Афоне». Приехали мы в пятницу, помолились в субботу и в воскресенье. А в понедельник пошли в пещеры к ранней литургии. Читали часы, вдруг выходит схимник из алтаря, прямо к нам. Подошел ко мне и говорит: «Вы сегодня причащайтесь». Я говорю: «Батюшка, мы вчера причащались». — «Это ничего не значит. И сегодня причащайтесь». И вот батюшка идет с Евангелием и крестом. Положил на мощи того святого, которому память в тот день была, и говорит мне: «Мария, иди исповедуйся». Я подошла. Он говорит: «Стань на колени. Кайся». А мы ночью исповедовались, в чем каяться — не знаю. И он сам начал говорить то, что я и за грех не считала. Он мне все вспоминал-вспоминал, а я только в готовом каялась. И он долго меня исповедовал, потом и говорит: «Прощают-

ся и разрешаются все грехи от семи лет и до сей минуты». Это было так ощутительно, что все грехи простились, передать невозможно. Всю службу плакала и только благодарила Господа, что Он сподобил получить такую исповедь. А потом причастились мы — и тоже радость неизъяснимая. И так наместник лаврский отец Кронид говорил проповедь о любви к ближним, что это тоже никогда не забудется. Сколько же мы там получили радости!

Приехали мы обратно в Чернигов, батюшка и говорит: «Ну вот, ты пороптала в первый раз в Киеве, что в наше время нет таких прозорливых святых, как прежде. А я вот нарочно тебя послал в Киев, исповедовал вас отец Кукша, он всю жизнь твою знал, тебе сказал, какие грехи у тебя неисповеданные, которых ты не понимала и не считала за грехи. И какую ты радость получила! Я послал, чтобы ты не думала, что одного меня нашла, а больше никого и нету. Запомни, святые были, есть и будут до скончания века. Только сейчас такое время, что они скрытые».

Когда я была у батюшки Лаврентия, спросила его: «Батюшка, почему это в монастыре не все одинаково? Работаем все вместе, я и сама на тяжелых работах была, и что-то не видели моих трудов, говорили: “Ну какая ты там работница!” Я не понимаю, почему так?» А батюшка объяснил мне, что в монастыре много разных людей. Много званых, а

Архиепископ Алексий, игумения Варвара и сестры Пюхтицкой обители. 1968 г.

мало избранных. Званые трудятся, их труды видят, их благодарят. А избранных ругают: «Вы плохо работаете». Это большое счастье, кого Господь избирает, что они живут и работают для Господа. Сам Господь скрывает их труды, они записываются у Него на небе. А после кончины они за все получат от Него награду. А те, которые стараются ради земной похвалы работать, здесь и получают.

О сестрах

Была у нас монахиня Арсения, очень хорошая. Родители дали обет, что отдадут дочку на служение Богу, и отправили в монастырь против ее желания. Она первые годы скучала

и молилась. А как прошло три года, у нее пропало желание уйти. Ее взяли на клирос, петь учили, читать. Она очень любила молиться, особенно Иисусовой молитвой. Бывало, на покосе придем на обед, все говорят, рассказывают что-нибудь, она сейчас же удалится и молится. Она без молитвы и не была нисколько. Была очень благочестивой. И умерла очень хорошей кончиной. Она в памяти у меня осталась подвижницей с непрестанной молитвой. Когда, бывало, идешь к ней посоветоваться, то она посоветует, и уйдешь от нее, как из рая.

Мать Ираида была большая труженица, на послушании всегда первая. Первая придет на послушание, последняя придет домой, а ночью молится. Сколько раз приходилось видеть: проснусь, а она земные поклоны кладет. И молчаливая, и терпеливая была. Начнешь что-нибудь ей говорить, бывало, скажет: «Маня, да это все пустое, лучше молись». Так что у нас были очень хорошие подвижницы и молитвенницы. Она умерла в Великий Четверг, Евангелие читали.

Мать Митрофания тоже была большая молитвенница. У нее родная тетя жила в Толгском монастыре, и мама к ней хотела ее отправить. Привезла в Кронштадт, а батюшка и говорит: «Нет-нет, она записана у Господа быть монахиней Пюхтицкого монастыря». Ей было тогда 16 лет. Она была простая, очень добрая, смиренная, кроткая. И очень люби-

ла послушание, все бегом, бегом. Я говорю: «Мать Митрофания, да ты же с четырех часов просфоры пекла, только закончила — и опять бежишь на работу. Поешь ты хотя». — «Милая моя, отдохнем на том свете, а поесть я и дорогой могу». Перед войной мало молодых приходило, так семидесяти-, восьмидесятилетние — все ходили на покос. Вспоминаешь, сколько было у старых сестер смирения, терпения, и на послушании они — первый пример. И сказать откровенно: на нашем кладбище очень много нетленных мощей.

Россыпи духовные

В книге Олега Маркелова «Между светом и тьмой» есть рассказ об одном «*отшельнике*»-*леснике*, живущем в высокогорном урочище Алабач — *Алексее*.

«В деревянном домике Алексея нет электричества, телефона и прочих благ цивилизации. Зато есть керосиновая лампа и Библия. Отшельнику этого достаточно. Обстановка в его доме вполне аскетическая — почти как в монастырской келье. Кровать, стол, стулья да иконы в углу.

Когда-то Алексей приехал в Крым из Волынской области по оргнабору. Работал на стройке плотником. Говорит, что до 30 лет ему не везло: болел, да и вообще жизнь не складывалась. “Все какая-то подавленность была, — рассказывает он. — Честно говоря,

думал уже, что долго не проживу. И вот однажды пошел в Церковь, исповедался, причастился. И вдруг подумал: Господи, как я живу! Как будто все внутри перевернулось. Хотел было уехать куда-нибудь на Север, на Дальний Восток, в тайгу, но Господь по-другому распорядился. Не уехал. Бог привел сюда. И все у меня по-другому пошло. Что ни задумаю — все сбывается. Хотел жить в лесу — и живу. Хотел мудрую книгу найти — и нашел. Я — счастливый человек".

Под столом в домике счастливого человека стоит старый чемодан, забитый книгами — в нем и старинные потрепанные тома на церковнославянском языке с пожелтевшими страницами, и современные издания — Библия, Иоанн Лествичник, "Наставления об Иисусовой молитве". Ну а любимая настольная книга Алексея (кроме Библии, конечно) — "Дневник и поучения иеромонаха Петра (Серегина)".

...Красоту здешних мест оценили не только стремящиеся к безмолвию. В горах, окружающих Алушту, любили охотиться секретари ЦК КПСС.

Зимой сюда можно было добраться разве что на вертолете, и тогда домик Алексея становился островом уединения и отдохновения от суеты мира. А впрочем...

Вот что сказано в любимой книге лесника-отшельника: "Некоторые скорбят о том, что слишком много суеты и шума в нашей жизни,

а хотелось бы побыть в тишине уединения. Но что нас связывает с внешним миром? Не предметы, не ценности, не цвет этих предметов или какие-нибудь звуки — нас связывают с миром желания нашего сердца, исполнения которых мы ожидаем от внешнего мира. Сократи свои желания до самых необходимых: отрекись от удовольствий, и не требуй, и не ожидай, чтобы тебе служили или исполняли твои желания; обслуживай себя сам. Навыкни к молчанию и непрестанной молитве, и будешь чувствовать себя под покровом Божьим, как в уединенной крепости. К людям обращайся только с делами милосердия. Ищи утешения только в Боге".

Вот Алексей и старается следовать этому совету. "Мирские гости", иногда забредающие на огонек в домик лесника, часто спрашивают, не страшно ли ему жить в лесу в одиночестве. Всякое ведь может случиться. Болезнь, к примеру, одолеет, или нехорошие люди забредут.

— Если некому помочь — Господь помогает, — отвечает Алексей. — А что касается нехороших людей, знаете, душа душу видит. Да и брать у меня нечего, разве что книги. Но они грабителям не нужны. Ну а если все же возмутится душа, то есть от этого верные средства — молитва и духовные чтения. Сядет отшельник за стол, откроет свою настольную книгу и прочтет: "Не нервничай, от тебя ничего не зависит. Вся вселенная живет и су-

ществует по тем законам, которые заложены Творцом в ее основании. Ты же поставлен для того, чтобы познавать эти законы, исполнять их и славить Бога".

Разные люди гостят в доме Алексея. Паломники, посещающие Космо-Дамиановский монастырь, монахи, священники. Приезжал даже духовник Оптиной пустыни отец Илий. Старец прожил в доме отшельника несколько дней.

А бывает, что забредают туристы, приносят с собой шум и суету. Но и на этот случай в книге иеромонаха Петра (Серегина) есть поучение: "Тебе тесно жить среди людей. Тебе мешают жить? Нет, часто ты сам неумеренно «рассширяешься» и мешаешь жить другим. Самоугодие и своенравие часто, если не всегда, бывают причинами нашего недовольства ближними".

Один экземпляр своей любимой книги Алексей подарил и мне. Открыл я ее наугад и прочел: "Иной человек в разговоре старается быть красноречивым, подбирает лучшие слова и обороты речи с особым искусством, другой хитро скрывает свои намерения и чувства, чтобы "заговорить зубы" собеседнику, уговорить, хитро опутать в свою пользу. Третий заботится только о том, чтобы не сказать лишнего слова и им не оскорбить Бога. Кто делает лучше? Третий поступает лучше всех. Ты веди себя так же".

Хороший совет. Он может каждому приго-

диться. Даже журналистам и писателям».

Несколько слов о *монахине Дорофее, насельнице Пюхтицкого монастыря*

Монахиня Дорофея была глухонемой, выполняла послушание церковницы, жила в домике напротив собора, рядом с игуменской. В конце жизни заболела и все спрашивала у сестер, когда умрет. На пальцах. Сестры, прожившие с ней много лет, понимали ее язык.

И вот однажды сестры убирали дрова возле кухни. Видят — из богадельни идут и едут «богаделки», монахини, прослужившие на послушании с матерью Дорофеей много лет, ее ровесницы. Впереди мать Алексия везла инвалидную коляску с сидящей на ней матерью Антонией (Молодцовой), следом шла мать Вероника с палочкой.

«Смотрите, смотрите, — прощаться поехали с матерью Дорофеей», — заговорили сестры.

Когда они подъехали к домику, где жила мать Дорофея, та выскочила на веранду и показывает на пальцах: «Завтра, в два часа». Они повернули обратно в богадельню. Рано приехали.

Назавтра задолго до двух часов в келье уже собрались сестры, пришла матушка игумения. Мать Дорофея лежит на кровати, руки сложены на груди. Будильник стоит рядом. Прошло какое-то время. Она вскидывает руки вверх и показывает, чтобы ее приподня-

ли. Посмотрела на часы. Рано. Снова ложится, сложила руки. Все ждут двух часов. Начали читать отходную. И когда часы показали два часа дня, мать Дорофея скончалась. Вот какие сестры жили в Пюхтицком монастыре.

Из летописи Пюхтицкого монастыря

В 1906 году за три дня до праздника Успения Божией Матери прп. Серафим Саровский совершил исцеление болящей послушницы Пюхтицкого монастыря Александры Шадриной (впоследствии монахини Михаилы).

Шадрина была глухонемая пять лет и страдала сильной головной болью, даже не издавая ни одного звука. Накануне 12 числа вечером, придя домой после полевых работ, послушница Александра горько плакала от сильной головной боли и, ложась спать, очень усердно помолилась прп. Серафиму. И видит во сне: «Вхожу в наш храм. Матушка игуменья Алексия идет в мантии с посохом, и крест на груди. Подхожу к матушке и спрашиваю благословения ехать в Ревель к доктору, а она мне говорит: “Я тебя не благословляю ехать в Ревель, а ты попроси прп. Серафима, Саровского чудотворца, — он тебя исцелит, он теперь у нас, он — хороший врач”. В это время прп. Серафим вышел из алтаря в белом балахоне с медным крестом на груди, в шапочке, с палочкой в руке и в лаптях. Я поклонилась ему, а матушка игуменья сказала: “Угодник Божий, вот она,

больная, помолись за нее". Старец обратился ко мне: "Иди за мной".

Матушка игуменья стала молиться пред иконой прп. Серафима, а мы со старцем вышли из церкви и пошли на южную сторону. Благоухание было необыкновенное, ароматическое, шли мы по широкой дороге, по сторонам которой были кустарники, а затем — сосновый лес. Идти было так легко, как будто не по земле шли, а летели по воздуху. Подошли к часовне над источником. Преподобный помолился, взял ковшичек, почерпнул воды из источника, стал пить. А потом и меня напоил из своих рук и сказал: "Ну, пойдем к моим мощам, помолимся, и получишь исцеление".

Пошли мы обратно по этой же прекрасной дороге... Старец сказал: "Много терпела, а теперь немного жить осталось, нужно потерпеть. Вот ты помолись у мощей и приобщись Святых Таин".

В это время мы вошли в Саровский собор...

Преподобный вошел в алтарь, а я стала прикладываться к мощам. Потом он вышел в мантии с крестом и Евангелием и стал меня исповедовать. Я сильно плакала. По окончании исповеди, когда преподобный стал читать разрешительную молитву, положил свою руку на голову и сказал: "Когда ты здесь у меня причастишься, тогда совсем исцелишься".

В это время живущая в келье со мной сестра, видя, что со мной во сне происходит

что-то необыкновенное, что я много лет звука не издавала, а тут громко рыдаю и с кем-то говорю, очень удивилась и поспешила меня разбудить. Я встала и больше не чувствовала сильной головной боли, и стала рассказывать, но только тихо, громко еще не могла говорить. Я очень сожалела, что меня разбудили, я не успела приобщиться Святых Таин из рук прп. Серафима. Прежде всего я поняла и рассказала все матушке игумении Алексии, и она благословила приобщиться мне на следующий день.

Утром, придя в церковь, я причастилась Святых Христовых Таин и сразу после окончания литургии при всех сестрах рассказала обо всем монастырскому священнику отцу Василию Каменеву. Все были поражены и со слезами слушали мой рассказ. Не знаю, как благодарить Бога за великие ко мне милости и прп. Серафима, угодника Божия, за свое исцеление. Здесь же, пред иконой преподобного, отец Василий отслужил благодарственный молебен. Все со слезами благодарили Бога и прп. Серафима».

Об этом чудесном исцелении матушка игуменья Алексия сообщила настоятелю Саровской пустыни. Настоятель Саровской пустыни игумен Иерофей ответил своим письмом от 5 сентября, что удостоверение об исцелении послушницы Александры Шадриной получено и записано у них в «Книге чудес, совершившихся по предстательству преподобного».

После этого послушницу Александру отпустили в Саров помолиться. В Сарове она никогда не была, а когда туда приехала, то увидела все в действительности так же, как и во сне. Там она причастилась Святых Христовых Таин, выкупалась в святом источнике и тогда, по слову преподобного, совершенно исцелилась: стала громко говорить, прославляя преподобного и всем рассказывая о своем исцелении.

После этого она прожила в монастыре 46 лет, ее постригли в мантию, несла послушание в монастырской сапожной мастерской и 24 июня 1952 года тихо скончалась. Погребена на монастырском кладбище (чудо описано с ее слов).

Духовными чадами отца Петра (Серегина) были *Нина Михайловна Титова* и *Анна Ивановна Ершова*. Они часто жили на хуторе, помогали «стряпухе» и переписывали батюшкины «сотни». О Нине Михайловне сохранились воспоминания М. Я. Парменова-Зингера († 2012).

Анна Ивановна происходила из семьи старообрядцев-«лишенцев». Родители с семьей, состоящей из девяти человек, объездили полстраны, всюду их гнали. В последнее время жили под Челябинском. Познакомились Анна Ивановна с Ниной Михайловной в лагере.

О своей жизни в ссылке очень поэтично рассказывает Нина Михайловна Титова. Она родилась в Петербурге, в купеческой семье.

Отец ее начал свою трудовую жизнь мальчиком у богатого купца в Апраксиных рядах и прослужил у этого хозяина 25 лет. За верную службу хозяин подарил ему лавку в тех же Апраксиных рядах, и отец начал собственное дело. Тогда только он и женился.

Октябрьская революция полностью разрушила быт этой семьи. Еще некоторое время после переворота отец, как и многие из его окружения, надеялся, что все вернется на круги своя, но в то время эти надежды, как мы знаем, не сбылись. Тяжелые перемены в жизни семьи (у отца, естественно, конфисковали лавку и запасы товаров) обострили религиозное чувство девочки, которой исполнилось уже 14 лет.

В первые 10–15 лет после революции главным для Нины Михайловны была жизнь в Боге. Она была активным членом Верейской христианской общины, что и послужило позднее поводом для ее ссылки в Сибирь на три года. Верейская община была организована отцом Иоанном, скончавшимся в 1924 году, который искренне стремился соединить жизнь в Боге с окружающей новой жизнью. Конец этим стремлениям положила «богоборческая пятилетка». Тем не менее именно эти 10–15 лет, в которые формировался характер Нины Михайловны, освятили всю ее дальнейшую жизнь.

В 1933–1936 годах Нина Михайловна — административно-ссыльная в восьми верстах

Нина Михайловна Титова. Лагпункт, 1947 г.

от Томска, за рекой на опушке тайги. Об этих годах сохранились воспоминания Нины Михайловны. В 1937 году «неблагонадежная» Нина Михайловна получает 10 лет лагерей: разве власть могла ей простить ее нерушимую связь с Богом? Она отсидела, как говорится, «от звонка до звонка». О возвращении после лагерного срока в родной город не могло быть и речи. Только Приуралье. Но Дух дышит, где хочет. И в этих страшных местах Господь оберегал чистые души. Нина Михайловна рассказывала, что рядом с нею и Анной Ивановной (Анна Ивановна была на

10 лет моложе Нины Михайловны, и встреча с Ниной Михайловной в лагере была для Анны Ивановны непостижимой Божией благодатью) находились страшные женщины-уголовницы, убийцы и воровки, именно они определяли «стиль жизни» в бараке, но за все эти страшные 10 лет они ни разу не сделали ничего плохого Нине Михайловне и Анне Ивановне.

Нина Михайловна рассказывала, что самые жестокие охранники относились к ним по-человечески. Такова была сила духа этих женщин.

В очередной раз Нина Михайловна попадает в лагерный лазарет. Совсем была плоха. Подходит к ее койке кто-то из больших начальников (кажется, начальник охраны), смотрит на нее сурово и говорит: «Титова, ты понимаешь, что ты умираешь?» Раба Божия молчит, предавая, как всегда, душу свою в руци Божии. «Титова, ты понимаешь, что ты умираешь?» — снова сурово спрашивает начальник. Уходит, не дождавшись ответа.

После выписки из лазарета было разрешено Нине Михайловне, против всяких лагерных правил, выходить за зону и собирать лесные ягоды, чтобы как-нибудь поддержать свое здоровье.

Неисповедимы пути Господни…

Наступает хрущевская оттепель, Нину Михайловну и Анну Ивановну реабилитируют, и Нине Михайловне разрешают вернуться

на жительство в Ленинград. Но куда она без Анны Ивановны, которая давно уже приросла к ней душою? Нине Михайловне дают маленькую комнатку на правом берегу Невы, на улице Новоселов, в которой они поселяются с Анной Ивановной. У Нины Михайловны прописка постоянная, Анну Ивановну, для которой родные места — Приуралье, прописывают временно — на год.

Когда истекает год, Нина Михайловна идет в милицию с ходатайством о продлении прописки своей подруге. Со скрипом прописывают еще на год, но предупреждают, что это — в последний раз.

Снова проходит год. Нужно идти в милицию для продления прописки. Шансов никаких. Нина Михайловна идет в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры и молится перед образом Скоропослушницы. Прямо из собора идет в милицию. Зайдя в кабинет к сотруднице, которая год тому назад предупреждала о невозможности продления прописки для Анны Ивановны, Нина Михайловна видит, что в кабинете находится и начальник паспортного стола. Дело совсем плохо, но, уповая на Бога, Нина Михайловна обращается с просьбой о продлении временной прописки для Анны Ивановны. Сотрудница, прекрасно все помнящая и еще более уверенная в своей правоте в присутствии начальства, уже готова отказать Нине Михайловне в резкой форме. Но раздается голос

начальницы: «Ты что, не видишь, кто перед тобой стоит? Немедленно прописать постоянно». Так и не расстались подруги до кончины Нины Михайловны.

Нина Михайловна скончалась в 7 часов утра 27 января 1981 года — в день своего Ангела. Известно, такой благодати Господь удостаивает чистые души.

С 27-го до 13 ч. 30 мин. 29 января, дня похорон, гроб с телом Нины Михайловны стоял в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры, как того желала Нина Михайловна (какое-то время она работала там бухгалтером).

В конце отпевания очень хорошее доброе слово сказал о ней батюшка Иоанн Варламов: «С юных лет она служила Богу. Просто служила...»

Похоронена Нина Михайловна на Южном кладбище.

О великой милости Божией

Воспоминания Нины Михайловны Титовой

Иеросхимонах отец Серафим Лаврский-Вырицкий, почти не зная меня (я только один раз исповедовалась у него), велел передать мне через М. Н., чтобы я не боялась ехать одна в ссылку. Он сказал, что еще в дороге Господь успокоит меня.

Я уезжала впервые из дома за 3–4 тысячи верст, имея денег в голодное время в Сибири на 10 дней, со своей редкой специальностью механика точных измерительных приборов,

пригодной только на спец. заводах, с крайней застенчивостью, нелюдимостью, с городской неприспособленностью к физическому труду, да и со здоровьем очень слабым.

Так как нужно было, после заключения на «Шпалерной», выехать в семь дней, а время было уже отпускное, начало мая, и билетов невозможно было достать, пришлось взять место в мягком вагоне (первый раз в жизни).

И вот соседями по купе оказались люди, трое мужчин и две женщины, тоже ссыльные, которые действительно успокоили меня, так как вскоре сами нашли себе работу около Томска и устроили меня. Они как-то укрепили меня не бояться жизни и смело браться за труд, даже тогда, когда я о нем и понятия не имела. Так, при их помощи, я приобрела специальность бухгалтера, которая очень пригодилась мне в дальнейшей жизни и избавила меня от многих непосильных тяжестей.

Это было в 8-ми верстах от Томска, за рекой, на опушке тайги. Там была обувная фабрика, кожзавод и различные мастерские, которые обслуживались колонией малолетних преступников. Здесь же находился их жилой комбинат и отдельные деревянные домики — для «женатиков». Административно-ссыльные, почти сплошь интеллигенция, а потому начальствующие, имели свою прекрасную двухэтажную сосновую дачу здесь же неподалеку, среди сосен и пихт. Судебно-ссыльные

и спецпереселенцы ютились в бараках и землянках, которые рыли сами в лесу, по склону холма. Им приходилось туго. Перегоняли их с места на место в самую тяжелую пору — в лютый мороз и бураны. Жалкий скарб их и малых детей, укутанных в грязные ватные одеяла, везли на розвальнях, а сзади шла понурая, молчаливая толпа мужчин и женщин. Мы, административно-ссыльные, обязаны были отмечаться в НКВД один раз в месяц, в Томске, но это вначале, потом наш местный комендант сам давал о нас сведения.

Климат там суровый, зимой морозы до 60 градусов, снегу очень много, бураны и метели дикие. Тайга начинается на взгорье, верстах в семи от реки, а внизу, по берегу, тянутся заливные луга с извилистыми грядами черемушника. Весной, когда уйдет вода, луга красуются и благоухают богатейшим разнообразием цветов, сначала одуванчиков и первоцветов, потом ирисов, купавок и дидлей, за ними — алым потоком клевера, наконец — ромашки, герани всех оттенков, полевой астры, лютиков, колокольчиков, гвоздики, иван-да-марьи, незабудок. А над ними — целый мир всяких живых порхающих существ.

Все три года, за исключением времени половодья весной, каждый шестой день я спешила в город.

В пятом часу утра по узкой тропинке среди этой чистой красоты, еще обрызганной росою, я спешу к литургии.

Не зная в городе ни души, я дважды решилась ночевать на берегу, чтобы быть на всенощной. Один раз открыта была пристань, и я там, среди груды сонных тел, примостилась на краешке скамейки, чтобы пробыть на людях темные три часа июньской ночи. Поддавшись усталости и общей дремоте, я забылась, а когда очнулась, то увидела, что голова моя лежит рядом с двумя детскими головками и прикрыта одним с ними головным платком. А над всеми нами, троими, бодрствует женщина, мать. Чувства сиротливости, которое таилось во мне с наступлением темноты, — как не бывало. Эта молчаливая забота сказалась сильнее слов. Второй раз я уселась на берегу под навесом. От реки тянуло холодом, и я дрожала. И опять какая-то бедная женщина переселенка протянула мне край одеяла, которым были прикрыты ее дети. Как будто это была одна и та же рука, одно и то же материнское сердце. А звезды на светлом небе только зажглись, глянули в тихую гладь реки и угасли. Всё затуманилось, порозовело, заискрилось, и взошло солнце. Умывшись в реке, поднялась на крутой берег и побрела к храму, который высится над городом, как белый корабль, готовый отплыть в голубое небо.

Когда пришла осень, я нашла себе и дом, и родных, не ища.

Никого не зная, ни с кем не здороваясь, я даже и не смотрела ни на кого, кроме священника, который каждый выходной день

принимал мою исповедь и причащал меня Святых Тайн. Я помнила слова прп. Серафима: «Если причащаетесь — никогда не погибнете». И это был мой оплот.

Однажды после литургии, направляясь к дверям, я была остановлена сгорбленной старушкой в монашеском одеянии. Это была схимонахиня Иннокентия. Она отвела меня за рукав в сторону и, пристально глядя своими черными круглыми глазами прямо мне в глаза, спросила: «Как ваше святое имечко?»

— Нина.

— Я давно смотрю на вас, вы нездешняя?

Я ей вкратце ответила. Она предложила побывать у них.

Следующий выходной я пришла. Она жила в маленьком домике со своей послушницей Сергией, высокой тощей труженицей. С того дня они были для меня как мать и сестра. Я уже приходила с вечера. После работы, в обеденный перерыв наскоро помывшись одна, потихоньку, в новой светлой бане (оставив двугривенный на прилавке), бежала в город, а после всенощной шла к ним. Все у них было для меня мило, заботливо и тепло. Сергия постилала мне шубу на полу под образами, и мне кажется, я нигде не спала так радостно и легко, как у них. Усталая Сергия просила почитать за нее правило, и это мне было так дорого. Матушка спросила: «Не нуждаетесь ли вы в духовном чтении?» — «Я только в этом и нуждаюсь, дорогая матуш-

ка!» И с тех пор, отправляясь утром к литургии, уносила с собой на неделю прекрасную духовную литературу, которой и жила до следующего выходного дня.

Вспоминая этот милый теплый домик, я только об одном грущу и сожалею: не сумела и не смогла отплатить им достойно за верную, чистую любовь их ко мне. Они были совершенно бескорыстны, бедняки, и не усомнились во мне до конца. А я только была им очень, несказанно благодарна за всё, за всё. Милые, простите меня. Я очень любила вас, незабвенные мои. Что дороже бескорыстия и доверия? Человек, вдали от дома, особенно ценит эти два редкие качества в людях. И где встречает их — там кажется ему, что он снова в родной Христовой семье.

Летом приехала ко мне мама, такая радость! Еще дорогой, с вокзала, я рассказала ей, что в Томске сейчас епископ Серафим, который служит в нашей церкви. Служитель Божий, достойный глубокого внимания и уважения.

Недели через две мы вместе отправились в город ко всенощной. Матушка пригласила через меня и маму к себе ночевать. Больше года на указательном пальце правой руки у мамы росло дикое мясо. По временам оно трескалось до крови, и эта глубокая трещина не давала ей ничего делать. Постоянная боль и неудобство были мучительны, и никакие средства не помогали. На всенощной мы встали у большого образа Божией Ма-

тери, справа от епископа. Всенощная совершалась так прекрасно и глубоко, что душа еле-еле вмещала глубокие чувства. Служба епископа Серафима всегда была дорогим событием, потрясала всю душу. Слезы текли даже у такого сухаря, каким была я. Когда я пошла прикладываться к Евангелию, мама, незаметно для всех, опустила больной палец в лампаду Божией Матери. Возвратившись домой, через несколько дней она со слезами радости показала мне свой больной палец, на котором остался чуть заметный рубчик от трещины, а дикое мясо совершенно исчезло. Она только мысленно попросила Пресвятую Богородицу помочь, и так скоро получила просимое.

Около личности епископа Серафима даже со мной, тупицей, произошло еще несколько удивительных случаев.

Так, 6 ноября я имела возможность провести в городе три дня. 6-го было воскресенье, и я особенно ценила возможность быть в храме. Но это было время, когда в Сибири встают реки. Уже несколько дней я с нетерпением прислушивалась к экспедиторам, что они говорят о реке, и с грустью убеждалась, что переправы нет. Лед нагромоздило, и он встал дыбом, а между льдинами шумела вода. Обещали через день-два, после праздников, послать людей прорубать дорогу. Как раз те два дня, которые были мне так дороги. Я молча слушала всё это, а когда прогудел гудок —

пошла к реке.

Дорога — эти восемь верст — там всегда пустынная, очень редко даже летом встретишь кого-нибудь, а в тот вечер было как-то особенно зловеще — пусто, серо, холодно. Вот я подошла к реке, глянула на этот хаос и не решилась вступить на льдины, хотя они были толстые и некоторые лежали, но между ними кипела темная вода. Около берега шириной в несколько метров лежал гладкий, как зеркало, лед, а на нем я углядела чьи-то следы. Обрадовалась и двинулась с крутого берега в надежде, что эти следы, начавшиеся на этом берегу, уйдут на тот берег. По следам-то не так боязно. Но они привели меня к заброшенной землянке на островке, который тянулся вдоль нашего берега, — кто-то на саночках приезжал за сеном. Вернулась и я, и снова встала против города, где высоко поднимался белый храм, глаз с него не сводила. Уже сгущались серые осенние сумерки, и в городе загорелись огни.

Всю силу своего желания быть на всенощной и все бессилие мое перед широкой грозной рекой вложила я в безмолвную молитву к еп. Серафиму.

Благовест уже кончился, и я понимала, что он уже стоит на кафедре посреди храма. Как ни грустно было, но я уже решила вернуться. Вдруг послышались шаги где-то близко, за плечами, и я увидела около себя какого-то легкого старичка с палкой, который, молча

пройдя мимо меня, быстро спустился на лед и, уверенно постукивая палкой, стал огибать льдину за льдиной, как будто шел своей дорогой. Я устремилась за ним.

В этом сером, мрачном хаосе, холодном, смертельно-опасном, кто сказал бы, кто поверил бы, что можно было быть такой счастливой? Когда мы поднялись на городской берег — я уже не смотрела на моего путеводителя, так была рада, что я бегу в церковь, что и не заметила, куда он исчез.

Еще однажды, под Крещение, пренебрегая здравым смыслом и благоразумием, я осталась на всенощную, чтобы после нее возвратиться домой на работу. Мне казалось, что как бы темно ни было, как бы ни замело дорогу — за ночь я успею добраться и не опоздать. Но во время всенощной поднялся сибирский буран и дороги просто не стало. Были горы снега, свистящий ветер и тьма. По пустым, среди домов с наглухо закрытыми ставнями, улицам, в 12-м часу ночи, в тридцатиградусный мороз, я все-таки кое-как дошла до реки, до спуска. Но там был только снег и ветер, буря.

Мне можно было идти только вперед. С огромными усилиями я не дошла — доползла до середины реки, предчувствуя только направление. Останавливаясь через пятьдесять шагов, я приваливалась к сугробам и отдыхала. Садиться не нужно было, я оказывалась сидящей на каждом шагу, перелезая через валы снега. Старалась только не терять

направление. «Господи! Светильник ноге моей и Свет стезе моей!» В разорванные облака иногда мелькали звезды. На душе был полный покой. А положение было до того безнадежно, что я карабкалась только потому, что иначе нечего было делать. Прошло, по-видимому, не меньше двух часов, а я еще не добралась до своего берега, а там восемь верст лугами, без дороги, во тьме. Но я особенно не думала, где тут? Холод, мрак, буря. Одно только было: «Господи, Ты со мною!», «Твоя я, спаси меня», — и еще: «Как Тебе угодно!» Как ни странно — очень спокойно было. И вдруг, сквозь бурю, я услышала сзади скрип полозьев и дыхание лошади. За метелью ничего не было видно. Но спустя немного сильная белая лошадь пронесла мимо меня возок, в котором, укутанный в огромную шубу с поднятым воротником, сидел человек. Лошадь рвалась в море снега, но человек заметил меня. Остановив, он спросил: «Откуда вы?» — «Из города». И вопрос, и ответ были странны: иначе и быть не могло. Он сказал: «А...» — и тронул лошадь. Не прошло и минуты, как его уже не было видно. Буран застилал глаза. Снова ветер и мрак. Но, пройдя уже по следам полозьев шагов двадцать, я увидела впереди темный силуэт возка и поравнялась с ним. «Садитесь», — сказал человек. Я кое-как вскарабкалась, вся, с ног до головы, в снегу, лошадь рванула и буквально домчала нас. Мой спутник не сказал боль-

ше ни слова, а я только поблагодарила его, когда попросила остановить. Он поехал дальше. Я даже вслед ему не могла посмотреть — такая была буря.

И как странно было... Я никогда не была сильной здоровьем, а в детстве так просто считалась хилой, и многое, что любят дети, для меня было недоступно. Здесь же все жители поселка если изредка собирались в город, то так уставали, что, возвратясь, только жаловались. Я же приходила, не присев в течение 12–14 часов, совсем бодрая, и делала все необходимое, нисколько не тяготясь. И ходила всегда с ношей, захватывая по просьбе сотрудников из города иногда до пуда продуктов, у нас ничего не было, кроме плохонькой столовой. И на душе, и в самом теле была такая радость и легкость, которую описать невозможно. Питалась я дважды в день, по тарелке похлебки без жиров, без сахара, не всегда с хлебом. Варила сама.

Господь удостоверил меня, что, стремясь к Нему, можно довольствоваться очень малым, быть здоровым и сильным.

Еще два случая припомню.

В этом поселке была колония малолетних преступников от 14-ти до 20-ти лет, имени Заковского. Подростки эти жили на своем комбинате под присмотром воспитателей, которые долго не выдерживали: или отказывались и уезжали, или нервно заболевали. «Воспитанники» с грехом пополам ра-

ботали на производствах, специально для них устроенных, содержались в прекрасных условиях с огромными затратами средств, пользовались полной свободой в нерабочее время. Запрещено им было только уходить в город, но они не только в город, а совсем убегали из колонии. Бродили по прекрасной тайге, безобразничали как могли, а потом совсем исчезали. Весной обнаруживали в окрестностях оттаявшие мертвые тела ограбленных прохожих и их же товарищей. Поэтому население поселка избегало отходить далеко, а в город ходили редко и сговорившись по нескольку человек. Я никогда не задумывалась об опасности, а люди называли это безумием с моей стороны. Слишком сильно меня тянуло в церковь, к литургии, я боялась погибнуть в таком страшном месте без причастия Святых Тайн.

И только уже за пять месяцев до окончания срока и отъезда однажды меня сильно напугали.

Была глубокая осень, земля застыла, но снега еще не было, все было покрыто опавшими листьями. Я шла тропинкой под обрывом, надо мной был лес, а с другой стороны, в глубокой впадине, речушка. Отойдя версты три от поселка, я услышала, что снизу, мне наперерез, кто-то быстро, неестественно быстро карабкается. Это было самое глухое место, дорога извивалась между кустов, и ни вперед, ни назад ничего не было видно.

Всё во мне замерло. Язык во рту мгновенно высох, так что я не могла пошевельнуть им. Увидев какого-то человека, который выпрыгнул на тропинку, я совершенно бессмысленно круто повернулась назад и быстро, на несгибающихся ногах, сделала несколько шагов. Послышался стук колес, и из-за поворота показалась лошадь с возом. Пренебрегая на этот раз своим правилом, я попросила подвести меня. Лошадь остановили и меня охотно посадили на воз. Этого человека мы не обогнали, он опять куда-то скрылся.

А второй страх, крайний животный страх пережила я в храме, в первую зиму, оставшись там ночевать. Матушка Макрина, одновременно и алтарница, и сторожиха, любила меня, радовалась, когда я приходила, и сама оставляла меня ночевать, спросив разрешения у настоятеля. Постелет мне свою постель (кажется, против всяких правил) на епископской кафедре посреди храма, а сама всю ночь ходит по храму, все что-то делает, а я на один глазок сплю. На колокольне помещался в маленькой сторожке ссыльный украинец Матвей, звонарь и сторож, а в нижней церкви две старушки — сторожихи из обновленцев.

Была зима, высокие окна замерзли, 3-й час ночи. Я просыпаюсь от взволнованного крика матушки Макрины: «Матвей, Матвей, стекло в алтаре сбрякало, кто-то лезет в окно!..» А окна на высоте 4-х или 5-ти сажен от зем-

ли. Слетел с колокольни Матвей, бросился к окну, у которого была привязана веревка от колокола, чтобы забить тревогу... Веревка оказалась обрезанной, и конец ее мотался далеко на ветру. Матушка, схватив полено, стала изо всей силы колотить в каменный пол, чтобы разбудить нижних сторожих, Матвей высунулся в форточку и кричал во всю мочь первое попавшееся на ум имя, призывая на помощь, а я вросла в настенное изображение Архистратига Михаила, прижавшись к нему спиной, головой, руками, всей жизнью своей, трепетавшей от ужаса насилия. Прошло несколько минут, снизу послышался ответный звук, а Матвей разглядел с высоты, во мраке, человек шесть, которые, удаляясь, грозили кулаками и что-то кричали.

Пришедшая в церковь утром первая прихожанка долго распутывала дверь, завязанную снаружи грабителями, чтобы мы не выбежали из храма.

Наступило утро, собрались люди к литургии... Батюшка, исповедуя меня, сказал: «Вот видите, как у нас страшно».

Я всегда ходила пешком, и зимой, в темноте, в 40–50-градусный мороз, и летом, в жару, и под дождем, так что за дорогу иногда несколько раз и вымокнешь до нитки, и высохнешь, и в осеннее и весеннее распутье. Иду и повторяю все известные мне молитвы, тексты Св. Писания или прекрасные стихи. И какой красоты я не насмотрелась! Прямо мне

навстречу вставало солнце, и это дивное чудо каждый раз потрясало меня, как и каждую былинку, каждый листик, каждую капельку росы. «Дай мне сердце твое, сыне». — «Готово сердце мое, Боже мой, готово сердце мое».

В одном месте пути, около грядки кустов черемухи, зимой меня встречали стайки красногрудых снегирей, а в другом месте совершенно белые маленькие птички или зеленые синицы.

Даже не знаю, когда я больше радовалась красоте природы — зимой или летом. Бывало, стоишь над рекой зимою, возвращаясь к себе, и готов плакать от радости, от красоты Божьего мира. Надо мной — необъятное голубое небо, глаза не могут охватить его, передо мной внизу — широкий простор застывшей реки... Снег уже покрыл и уравнял всю взбудораженную ее поверхность, и лежит она словно убранная парчовыми шалями, блестящими, как серебро. Небольшие проруби рыбаков окружены горками льдинок, которые они выбрасывают сачком каждый раз, опуская в них мережки. Эти льдинки, прозрачные, чистые, горят всеми цветами радуги среди белоснежного покрова. Оглянешься раз, другой, и жаль отходить. Но солнце уже склоняется, тихо ложатся вечерние тени на снег, и становится он постепенно то голубой, то сиреневый, то розовый; даже алый снег я наблюдала на вечерней заре. И все кругом так кристально чисто, так тихо, небо, воздух,

красавица-земля. Это прекрасное удивительное царство, в которое войти можно только одному, когда душа полна благоговения и благодарности, не забудется никогда.

Вспоминаю еще один простой, но и удивительный случай. Как-то случилось, что к осени я оказалась без рукавиц. А это, ввиду моих путешествий, было немыслимо. Но и достать их в то время было нелегко. Тем не менее в первый морозный вечер, по снежному первопутку, я своим чередом отправилась в город. На реке еще была переправа.

Засунув руки подальше в рукава, без особого раздумья о дальнейшем, иду себе, и вдруг вижу перед собой невдалеке — на перекрестке двух дорог — что-то чернеет на снегу. Будто зверек какой-то сидит. Подхожу ближе и вижу: лежат две рукавицы из толстой мягкой коричневой шерсти, с мужской руки, новые. Лежат друг на дружке, как будто только что сброшенные и забытые. Были уже сумерки, я постояла, посмотрела на все четыре стороны — никого не видно и ничего не слышно. Подняла их, перекрестилась, надела и зашагала дальше. Этакая нежная забота! Даже немного страшно было идти, точно я была не одна.

А еще однажды, после бурана, который, по словам экспедиторов, основательно занес дороги, я все-таки утром, пораньше решилась идти.

В четыре часа уже опускалась со своего косо-

гора в луга, надеясь только на милость Божию, как всегда на своем пути. Вместо дороги — гладь, и я смогла дойти только до первого перелеска наугад, а дальше опять ровная поляна, и я сбилась с направления. Над лесом все ниже и ниже опускалась огромная оранжевая луна, и освещение кругом было таинственное. Мороз большой. Я колесила по лугу в надежде найти знакомые очертания кустов. Обернувшись назад, к луне, я увидела приближающегося ко мне человека. Когда он подошел ближе, я с удивлением заметила, что он очень легко одет: в высоких сапогах, в какой-то курточке, совсем по-летнему, высокий, стройный. Лица я не разглядела, только поняла, что это молодой человек. Подойдя, он спросил: который сейчас час? Я сказала: по-видимому, шестой. Он повернулся от меня и сказал: ну, тогда успеем. Пошел в сторону, стал разгребать снег ногами и скоро нашел дорогу, по которой уверенно зашагал. Я следовала за ним, не сомневаясь. Мы были одни в снежной пустыне, луна скрылась. У меня не было ни малейшего страха. В своей тяжелой амуниции — открыты были только глаза — я радостно поспешала за легкой тонкой фигурой. Мы довольно быстро дошли до реки, и я начала подозревать, что это кто-нибудь из поселка тоже идет в церковь: молчаливость и деликатность его были необычны. Он не проявил ко мне никакого внимания. Услуга с его стороны была, по существу, очень дорога

мне. Только бы не упустить его, когда придем в город. Куда он пойдет? Надо хоть сказать ему спасибо. Но, поднявшись на городской берег, мой вожак исчез из глаз. То ли зашел в ближайший дом, то ли свернул куда-то. Я его потеряла из виду, и только Господь услышал мой благодарный вздох.

Я всегда ходила пешком, зарок себе дала: идти и не рассеиваться. Ангела Хранителя всегда просила у Бога, и только его одного.

И только дважды, уже к весне последнего года, изменила своему правилу и «ехала».

Один раз на последних санях пустого обоза, который нагнал меня на полпути, мчался в город. Зачем-то время понадобилось, хотя и не было опасности опоздать. Пронеслись мы во весь дух через реку, и моя лошадь, последняя, взлетела на крутой берег. Дорога шла наискось, над обрывом, под которым зияла трещина во льду 2–3 метра шириной и во всю длину подъема. Сани, состоявшие из двух полозьев с перекладинами, а потому очень легкие, соскользнули с дороги и повисли над пропастью, над водой. Лошадь тащила их боком порядочное пространство и наконец вынесла на дорогу. Несколько мгновений я висела, вцепившись в переднюю перекладину саней, и замирала от опасности. Так и надо тебе.

А второй раз моим «другом» оказалась машина. В наказание моей измене она оказалась из-под угля, и за дорогу стрясла на меня из

всех своих щелей столько черной пыли, что по приезде в город я должна была зайти на водокачку и попросить умыться. Вся одежда была пропитана, и я долго хлопала ее по снегу. Ох, как было стыдно и обидно. А кругом сияло золотое солнце, струился тихий чистый воздух и ослепительный снег лежал на моих тропинках. С грохотом, смрадом, вся черная приехала я в город. Стыдно было людям показаться. Приехала, красавица. Хоть плачь.

Томск, 1933–36 гг.

* * *

Последнее лето, осень и зиму епископа Серафима уже не было в Томске. На Крестопоклонной неделе Великого поста 1935 года он пошел на крест.

* * *

И розовым, и золотым, и белоснежным
Дарят природу голубые небеса!..
Как ласково, покорно, тихо, нежно
Благодарит твоя безмолвная краса,
Прекрасный лес, величие Господне!..

Склонился к вечеру короткий зимний день.
Прозрачный воздух неподвижно-ясен...
Но всё живет. О, как прекрасен
Твой мир, о Господи,
Усталых душ святая сень.

Темнеет небосвод. Восходит полный месяц,

Все ярче свет его таинственных лучей...
В лесу — как днем, и кружевные тени
Ложатся на покров бриллиантовых ветвей.
Подножье ног Твоих!
Преддверье вечности!
Святая тишина...

Первый зимний день 1976 г.

Титовы

За оградой монастыря, под горкой, поселились после выхода на пенсию сестры: Вера Борисовна, Александра Борисовна и Мария Борисовна Титовы. Они стали духовными чадами батюшки Петра после смерти отца Симеона Псково-Печерского. В то время многие духовные чада отца Симеона стали обращаться к отцу Петру.

Первым наставником сестер в духовной жизни был владыка Григорий. Епископ Григорий (Александр Алексеевич Лебедев) родился в 1878 году в Коломне Московской губернии в семье священника, служившего при Коломенском Успенском Брусенском женском монастыре. Мать его, Мария Федоровна, дочь священника, к сожалению, скончалась в 1885 году, оставив восемь детей в возрасте от 1,5 до 16 лет. Занятый службами и другими пастырскими делами отец Алексий отправлял Александра и других младших детей в монашеские кельи, где они находились под присмотром монахинь.

Начальное образование Александр получил в Коломенском духовном училище, блестяще окончил его и поступил в местную семинарию. Здесь он был назначен уставщиком и канонистом. Духовную академию в Казани окончил в 1903 году по первому разряду. В 1921 году в Зосимовой пустыни Владимирской губернии владыка Варлаам (Ремов) постриг его в монашество с именем Григорий.

Далее он нес послушание в Московском Даниловом монастыре у епископа Феодора (Поздеевского). Там же он был посвящен в иеродиакона, иеромонаха, а позднее — в архимандрита. Три года, проведенные в Даниловом монастыре, были наилучшей подготовкой к епископальному служению.

На викарную Шлиссельбургскую кафедру нужен был строго церковный и высокообразованный кандидат, выбор пал на архимандрита Григория.

Святейший Патриарх Тихон с любовью совершил 19 ноября (2 декабря) 1923 года его хиротонию в Москве, назначив одновременно наместником Александро-Невской Лавры. В памяти современников остались знаменитые слова Патриарха при назначении нового викария: «Посылаю вам жемчужину».

Его служение началось в нелегкое для Церкви время. Церковный корабль потрясали многие раскольничьи движения, в первую очередь — обновленчество. Требовалось сохранить чистоту православия и пламенным

горением явить всем животворящую силу Духа Святаго.

В Петрограде еп. Григория трижды арестовывали по ложным наветам. Власти ставили в вину епископу и то, что его приезд «в жизнь Лавры вдохнул жизнь». Многие из братий, живших в миру, вернулись в Лавру... и верующий народ стал стекаться в дотоле пустые храмы.

Шел трудный для Церкви период, когда окончательно назрел конфликт между митрополитом Сергием и митрополитом Иосифом. Во время своего служения в Петрограде владыка Григорий был близок с так называемым иосифлянским духовенством. Не приняв политики митрополита Сергия, он, однако, формально не присоединился к митрополиту Иосифу, избрав уход на покой.

Уехав из Ленинграда в 1928 году, владыка поселился сперва в родной Коломне, а затем в Кашине, где жил до своего ареста в 1937 году, после чего его след теряется в лабиринтах Гулага. В Кашине владыка продолжает упорно трудиться, пишет богословские труды. В это время он писал своим духовным чадам: «Я забываюсь только за своими занятиями... А работается, милостью Божией, легко и охотно!.. Я не знаю ни скуки, ни тоскливого безделья с придумыванием, куда бы убить время».

Из Ленинграда к нему постоянно приезжали его духовные дочери — бухгалтер Вера Бо-

рисовна Титова, ее младшая сестра Александра (Шура) и многие другие. Они привозили нужные книги и увозили с собой для перепечатки и хранения написанное владыкой. Со всеми ними владыка поддерживал регулярную переписку.

Произведения сщмч. Григория за небольшими исключениями при его жизни никогда не выходили в свет. Они сохранены благодаря самоотверженным усилиям духовных дочерей владыки: сестер Веры Борисовны и Александры Борисовны Титовых (в монашестве Сергии и Германы).

В письмах владыки поражает внимание, с коим он относился к любому духовному движению окормляемых им людей. Для него не было мелочей — все должно было направлять ко спасению. Приведем несколько писем, характеризующих владыку Григория как духовника.

«Милая Вера!

Да будет же Господь с Вами и ныне и во веки!

Ваше письмо в своей большей части посвящено Вашим переживаниям. Вы грустите, что не ладится хорошее, и у Вас сквозят нотки усталости, и Вы хотите яркого и захватывающего вдохновения.

Я как будто предчувствовал, что Вы переживаете, и послал Вам свое последнее письмо... Я указывал Вам не поддаваться безрадостности и глубоко в душе хранить не-

сомненные ценности.

Этот совет будет всегда жизненен. Что нам прибавить к этому?

Первое: относитесь покойнее ко всяким "сдвигам" жизни. Это и есть жизнь.

Самая подлинная, неприглядная. А вы при неудачах со стороны сами-то не заражайтесь "падучим" настроением. Недостаток в какой-то точке вне Вас совсем, совсем не равносилен тому, что все уж никуда не годится.

Я скорее бы сделал обратное заключение: недостаток во внешней точке увеличивает мою ценность, изведанную и испытанную, и делает меня ответственным за сбережение моей ценности. Это вывод — близкий к тому, о чем было написано в прошлом письме. И надо сделать второе добавление. Оно ответит Вам, как добиться "захватывающего". Собственно, добиваться "захватывающего и яркого" и не приходится. И Вам его не нужно! Ценность есть! И она без конца ярка и дорога! И все внешние толчки будут ниже ее. Не лучше ли, Вера, создать иной прием подъема? Это — заражение яркостью уже имеющейся и хранимой ценности. Что нужно для этого заражения? Надо ежедневно в подходящее для того время выправлять свою настроенность.

В эти моменты выпрямляется настроенность, ярко восстанавливается в сознании наша живая идеология, выкидывается (с пренебрежением) из головы все сорное, очищается в душе наносный туман лишнего, ненужного, а

часто и вредного, и очищенное чувство (после очищения сознания) загорается снова ярким светом влекущей идеи. Вот мое пожелание Вам.

Оно равносильно пожеланию углубления в себя, работы над собой по укреплению испытанных ценностей, чтобы они стали могучим источникам истины, на который можно было бы всегда опереться; пожеланию работы по переводу этих ценностей из головы, из теории в жизнь, в сердце, чтобы они не были бесплодными, а освещали и руководили жизнь, легко устраняя блики других, призрачных истин и других, манящих, но пустых целей жизни.

Берегите же в себе огонь хорошей Божьей жизни! А сбереженный в Вас, он будет светить и другим...

27 ноября 1932 г. Всегда Ваш убогий богомолец».

«Моей нерадивой ученице.

“Накажет мя праведник милостию и обличит мя, елей же грешного да не намастит главы моея...”

Вера... Вера!

Да в Вашем же письме ответ на все Ваши вопросы. Но я предварю этот ответ одним вводным указанием, которое, конечно, Вера, надо сделать исходным для жизни.

Не надо только рассуждать о жизни — надо жить. Не надо строить планы, а надо делать. И даже лучше меньше планов, а больше нужных поступков. Вот исходное.

Теперь о китах. Назову их в порядке Ваше-

го письма.

Первый — отрыв. Вы о нем и говорите. И это очень хорошо. Для нового пути жизни надо уйти от старого, совсем уйти от него и от себя "старого" уйти ("ветхого"). Тогда прочнее новое. Тогда под него закладывается новое основание из драгоценных камней. А когда остается старое основание, — оно гниль, солома. Она и сгорает при испытании огнем, и дела, построенные на нем, рушатся, так что человек опять нагой остается, как и пишет о том св. ап. Павел.

Итак, новое вино вливайте в новые мехи.

Приготовьте новые, бросьте старые.

Вот смысл отрыва.

Вы спрашиваете, как же совершается отцепка? А я вам напоминаю: как оно совершилось летом, когда Вы по приезде, с лета свидетельствовали: "Все было чуждо". Да разве это не прекрасная отцепка?

Как она совершалась?

Она совершалась мыслью и жизнью, чуждою ненужного, а тем более вредного. Заботиться надо только о 2-х вещах:

а) Не форсировать отцепку, а проводить ее постепенно... Установить иль выбрать одно ненужное и вредное, да и бросить его с презреньем... И основательно закрепиться в презренье и освобождении от ненужного, чтобы оно казалось жалким рабством. А душа корнем уходила бы в новое, заменившее брошенное. Да полгодика, годик пожить новым,

чтобы оно стало частью души, без чего уж нельзя жить. Вот так будет основательно.

И тогда к первому присоединится второе. И оно присоединится легче. К сродному сродное легче прирастает.

И душа будет образовывать в себе новый плацдарм жизни, когда нити, связывающие со старым, будут отрываться, "чуждого" будет больше и больше, а взамен его будет расти новое и свое.

б) И о второй вещи надо позаботиться, чтобы была устойчивость в преследовании цели. Человек с двоящимися мыслями нетверд во всех путях своих, "хромание на оба колена" никогда ни к чему не приводило.

...Мы подходим ко второму киту...

Когда у человека образовалось "свое", как он может затеряться? "Свое"-то ведь лежит в глубине глубин, без него и меня самого нет. Как я могу его потерять? Теряют привешенное, привязанное, снаружи находящееся, иль поверхностно прицепленное на подержание. Это не "свое". "Свое" лежит крепко, его не оторвешь, потому что с собой надо отрывать, а за "свое" борются.

Это и есть кит. За "свое" идет борьба. Воспитывается внутреннее мужество, и вырабатывается привычка иметь опору не вне себя, а в себе, в своем ценном и лучшем — иначе никакой путь добра не возможен. Будет тоскливое погружение в слякоть. Искание опор на стороне: то в сочувствии, то в поддержке

(мнимой), а то и в совсем негодной любви.

Это, Вера, крупный жизненный кит. Надо силами вырабатывать устойчивость, внутреннее мужество и с пренебрежением кидать от себя расслабленную вялость, мягкотелость, отсутствие сопротивления и настойчивости. Они больше чем вредны. Особенно, когда имеют обманные ярлыки гуманности, широкого кругозора и фиктивной свободы.

Вот главное.

Как будто мысли просты и ясны.

Вера! Вера, милая моя Вера!

Пусть за ними будет Господь (по их ценности и близости Вашему духу), и пусть будет с Господом дело, но непременно с Господом! Пусть Его помощь и Он Сам будут в каждом дыхании уст, в каждом движении мысли, и тем более во всяком поступке. Да и опора на себя — гнилая. Особенно на себя — "ветхого". От себя "ветхого" тоже надо "отцепляться". И не бойтесь от себя отцепляться. Это не унижение, не потеря себя, а достижение, победа. Так, с Господом! И еще последнее. Вы пишете: "Как жить... чем наполнить жизнь?"... Я перевожу эти вопросы в иное: "С чего начать?"

"Отцепку" надо начинать с главного, непременно с главного, что особенно омерзительно в жизни. Быка — за рога.

"Никто не может войти в дом сильного, если прежде не свяжет сильного".

А наполнение начните с наиболее сродного

душе. Им живите. Его поощряйте! Укрепляйте, как неистребимое свое, и уж от него пойдете к другому. Благословение Господне да будет с Вами, вдохновляя и подкрепляя Вас.

16 августа 1933 г. Всегда Ваш убогий богомолец».

«Моя милая Вера! Да будете с Господом!

Ну как, душа моя Вера! Вы усвоили вчерашнюю мысль? Боюсь, что не сумел ее выразить. Вот ее сконцентрированное содержание: Вера — сила, которая должна вывести душу из греха и ограниченности, поднять душу из земной малости, уныния, загороженности предметами и лицами, путем включения души в простой мир "Божьих судеб". Этот мир Божьего попечения (Промысла) о земле и людях, все в целом должно выполнить свое назначение и все должно оправдаться. В этом мире нет ничего "малого", затеривающегося, одинокого, ненужного. Все велико, даже отдельная душа, как выполняющее святую и великую Божью волю, направленную к Вечной гармонии.

Вот почему "зрение судеб" просвещает, т. е. обливает светом душу и ее путь делает ярким, разумным и даже вдохновенным. Оттого и сказал я Вам пожелание молитвы, "да просветимся зрением судеб Твоих". Просветимся всегда, без устали — и днем, и ночами.

Всегда — паренье, высь, захват, всегда выход из малого и погружение в сладкое великое. Как? Понятно теперь? Стремитесь, до-

стигайте. Хочу, чтобы через Бога Вы были сильной! Ах, как хочу!

Среда 17 августа».

«Милая Вера! Господь с Вами!

...Охотно отвечу на вопросы, которые Вы ставили.

Обязательно ли духовничество, как руководство? Нет. Кто хочет идти и знает путь и приложение его к себе, тот идет, т. е. он надзирает над собой и регулирует шаги и дни. Если обозначается препятствие, вытекающие из особенностей склада души, то о них всегда может быть вопрос вне исповеди, т. е. вопрос в обычном порядке открытия пути. При таком устроении себя роль духовника сводится (да она такова и должна быть) к принятию интимнейшего открытия пред Богом всех падений души. Ясно теперь Вам все, что Вас смущает.

И ясно ли, что требуется от Вас?

Идти, идти, идти. Воспитывать силу, силу, силу. Ведь главное — нужное — известно. Детали, общие штрихи препятствий на пути подмечаются, и они могут быть устранены. Думается, что здесь — все.

Остальные смущения, если они есть, “от лукавого”, от привычки людей больше задумываться и мечтать...

А мы будем шагать, прямо шагать.

И все будет хорошо. Во время свое все будет ясно.

7/20 дек. 1933 г. Всегда Ваш убогий богомолец».

«Христос Воскрес!

Письмо Ваше читая, истосковалось мое сердце. Уж как это все неразумно, что близко к полной нелепости. Ведь у Вас же и сознание ясно, и оценка правильная, и заинтересованность взвешена. И, однако, скольжение по наклону. Болезнь воли...

Совершенно очевидно, оформившаяся болезнь воли. И, как душевная болезнь, конечно, серьезная. Сейчас Вы еще не имели побуждений столкнуться с ее серьезностью. Сейчас Вас забавляет новизна, ласкает удовлетворяемое тщеславие, доставляют наслаждение моменты темной остроты и все покрывает желание: а почему не знать и эту сторону жизни. Буду знать, и буду спокойнее, и буду сознательно держаться лучшего.

Обычная картина изучения жизни чрез ломку жизни. Это похоже на рассуждение: сначала утону, а потом попытаюсь лучше жизнь устроить.

Утопленники, Вера, не живут. Даже тонувшие получают такое органическое расстройство, которое уже навек не дает им полноты жизни. У душевной жизни последствия еще резче. Ведь недаром же написано: “Земля, много раз пившая дождь ранний и поздний...” Помните эти слова? В них суровая истина!

Вера! Я ничего не советую Вам. Помните

мой давний совет. Разве он потерял силу? Бросьте всю эту нелепую компанию, да и дело неладное.

Вот молиться советую одной молитвой: “Потерпи меня, Господи!” На юг ехать определенно не годится, там будет та же музыка, лишь в иных вариациях. Игра не стоит свеч! Лучше отдохнуть действительно в тиши и глуши. Господь пусть сохранит Вас от всякой неприязни. Пишите больше о себе. Поклон Шуре. Как ее дела? Что она не пишет? Надо бы ей оставить работу. Простите.

18 мая 1935 г. Всегда Ваш убогий богомолец».

«Вера!

Божье милосердие пусть не оставляет Вас!

...Я переживал чувство грусти. Когда я читал Ваши суждения о радостях земли, по прочтении их у меня неотвязно стояла мысль: “Ведь у нее были годы опыта, она годы ищет этих радостей. И что же этот опыт бесплоден?”

Ваша большая ошибка, которой Вы не замечаете, в том, что христианство и путь Христа отрицает не радость земли, а отрицает искажение этих радостей грехом. Христианство отрицает не любовь между людьми (хотя бы и между мужчинами и женщинами), не брак, не искусство (в частности, театр), не шутки и смех, не любовь к траве и цветку. Христианство говорит, что мир “лежит во зле” и оно может испортить все это

невинное, доброе и радостное и сделать так, что от всего этого будет "смердить" грехом. И разве христианство ошибается в таком утверждении? Разве часто не изгажено все в мире зла?

Разве не опошлена любовь?

Разве не загажена природа?

Где Вы услышите чистый смех?

Где неиспорченная радость?

И что перечислять? Скажите, где удовлетворение от этих мнимых радостей...

Радость христианства — это радость и о земном, но при отвержении мира зла, испортившего радость.

Где найти эту радость? Сначала ее надо найти в себе, а потом она будет и вне, но опять-таки только не в мире зла, испортившем радость.

Радость в себе Вы уже испытали — это был Божий дар. Почему Вы не хотите остаться верной ему? <...>

Внешнее отнимается. Очевидно, пришла пора духовной зрелости, когда надо становиться на ноги, независимо от внешнего.

Это сложно и сурово, но, видимо, неминуемо...

Центром тяжести "деланья", конечно, остается молитва, домашняя.

А церковная молитва остается для подкрепления, вдохновения на домашний подвиг.

Собственно, это "делание" есть воспитание воли. Ведь идейность у Вас определена и не

нуждается в поправках, а вот воли у нас у всех мало, и потому жизнь идет вне убеждений и даже часто вне сознания. <...>

Да поможет Вам Христос утвердиться в мирном сердце!

Ваш убогий богомолец».

«Господи, благослови!

Шура! Не отвечать Вам я не могу по своему положению духовного наставника, которого спрашивают о пути спасения. Помимо того и мысли Вашего письма хорошие, хотя и имеют немного задорную внешность. Тут, очевидно, говорит молодость, а может быть, вместе и свойство Вашей натуры.

А ответ Вам будет такой:

Вам необходимо: а) утвердиться в Вашем теперешнем настроении и б) кроме того, "дозреть до высшей точки кипения", того отрицания прежнего, к которому Вы подошли сейчас.

Первое как будто не нужно.

Уж очень определенно. Вы пишете: "неудовлетворенность... пустота... новый лад". Все это чрезвычайно хорошо, а надо придать к этому и еще более глубокую основу. А именно: видеть в своем настроении зов души и совести, Божий зов. Как тело заявляет о своих потребностях (хотя бы потребность гигиены) и как его зов мы считаем и серьезным, и спешим удовлетворить, так и душа вправе иметь и имеет большой зов.

Пока он не убит. И у Вас, в Вашем настро-

ении — зов души пока еще не убит. А потому пусть он не будет связан с моментом. Пусть он не имеет сегодня “остроту”, а завтра “неостроту”. Этак иной объяснит Вашу настроенность обычным молодым “гамлетизмом” или случайными переживаниями времени и обстоятельств.

Надо, чтобы Ваша настроенность была не настроенностью момента, а глубоким сознательным, совершенно холодным, стальным анализом, одинаково беспощадно режущим старое вне момента настроений.

И заглушить этот зов души невозможно, потому что действительность одинаково скверна, и перестать его слушать — страшно, потому что это уже скатывание к смерти души.

Вот такая серьезность в зове.

Где уж тут гамлетизм! Гамлетизм — игра в странное!

Теперь перехожу ко второму...

Казалось бы, не достаточно ли первого, искреннего и порывистого желания молодости?

Не встречает ли Отец каждого обращающегося к Нему? Конечно, встречает. И Он встретил бы, если бы был “ход”. А Вы сами пишете: “За три года... сплошное толчение на одном месте”.

Шура! ...Мне от всей души хотелось бы теперь же дать Вам твердую руку и сказать: “Идите теперь же бодро и смело, есть порыв,

душа ищет Бога, идите без раздумыванья”.

24 ноября 1929 г.».

После смерти владыки Григория духовным отцом Титовых стал отец Борис Николаевский, вернувшийся из ссылки. Свое служение в Церкви отец Борис начал в 1917 году. 11 сентября 1917 года митрополитом Петроградским Вениамином он был назначен настоятелем храма во имя свт. Иоасафа Белгородского в Парголово (Михайловка) Петроградского уезда.

Храм был построен в 1912 году крестьянином Константином Тимофеевичем Рыжовым на его земле и на его собственные средства. Им же был построен двухэтажный дом для причта. Вокруг — большой церковный двор. При храме был организован хор, в котором пели и дети батюшки, по воскресным дням читали акафист Божией Матери «Отрада и Утешение», после акафиста проводились беседы. Именно тогда началась традиция духовных бесед.

В этом храме батюшка прослужил 16 лет. В 1933 году он был арестован и сослан в Алма-Ату. В общей сложности отец Борис пробыл в ссылке 13 лет. В 1947 году он вернулся из ссылки и начал свое служение в Троицком храме в Лесном.

Отец Борис был прекрасный педагог. Своих сыновей он подготовил сразу в 8-й класс. Также он был прекрасным проповедником.

По воскресным дням в храме расставлялись скамьи для прихожан, и батюшка проводил так называемые беседы. Съезжался верующий народ со всего Санкт-Петербурга.

Господь одарил его многими талантами: дар молитвы, дар слова и дар слез, дар вызывать покаяние. Каждый раз исповедь строилась по-разному. «Здесь батюшка судья, судья грозный... Помню, лежишь ниц на полу, сознавая себя в аду... С таким страхом потом идешь на отпуст — и встретишь любовь и всепрощение... Расходятся грешники — и пол весь мокрый от слез», — вспоминает мать Евстафия (схимонахиня Пюхтицкого монастыря).

Отец Борис был ласковый и заботливый батюшка.

Из воспоминаний А. А. Ладыгиной: «На втором курсе я плохо подготовилась к экзаменам по анатомии, получила тройку и на полгода лишилась стипендии. Со слезами я прибежала к батюшке, понимая, что во всем виновата, была уверена, что батюшка рассердится, но он так ласково спрашивает: “А велика ли твоя стипендия?” Говорю, что 140 руб. “Ну не плачь, я тебе буду платить ее полгода”. Мы с мамой тогда очень нуждались, и моя стипендия немного выручала нас. После этого случая я уже троек никогда не получала.

А скольким людям батюшка помогал, сам лишая себя многого. Как он утешал всех! Пом-

ню, я попросила его причастить умирающую раковую больную, она очень страдала. Батюшка до самой смерти причащал ее каждую неделю. А весной прихожу — у нее букетик фиалок лежит у кровати, она говорит: "Это батюшка мне принес". И какое ей было утешение! Батюшка ее и отпевал, а с какой любовью прощался с ней, поцеловал и говорит: "Спи, родная".

А ведь батюшка незадолго до смерти ее узнал.

Такая у него была любовь и жалость ко всем страждущим».

Духовным сыном отца Бориса был Евгений Поселянин.

12 августа 1954 года отец Борис скончался, оставив свою безутешную паству. Казалось, что на похоронах собрались все верующие города.

«Какое мы пережили тогда горе, трудно даже представить. Многие из духовных детей поехали за утешением в Псково-Печерский монастырь к иеросхимонаху Симеону. Он нас ласково принял, назвал своими духовными детьми и помог пережить такую большую скорбь» (воспоминания А. А. Ладыгиной).

Об отце Борисе, как и об отце Симеоне, не осталось письменных воспоминаний Титовых. После кончины отца Симеона сестры перешли под духовное руководство к отцу Петру (Серегину).

В течение многих лет сестры приезжали в Пюхтицу, были знакомы с блаженной старицей Екатериной. «В первый же день, как мы приехали в Пюхтицу, мать Екатерина перечи-

Часть II

Немного о Печорах

Милый монастырь,
Души моей отрада,
Чаруешь всякого незримой красотой
Твоих подвижников Божественного стада,
Их жизнью праведной и славой золотой.

Из стихотворения
Святейшего Патриарха Пимена

Ты знаешь ли тот край,
Где Русь сохранена,
Где древностью седой
И благодатью веет,
Где грешник в трепете
Пред схимником немеет,
Где сила дивная
Смиреннейшим дана?

Ты знаешь ли тот край —
Холмы, поля и горы,
Куда я рвусь в тоске?..
Его зовут Печоры.

Ты знаешь ли тот край,
Где монастырь святой,
Где Матерь Божья
Дом Свой основала,
Где чудотворная икона воссияла,
Где обретает дух мятущийся — покой?

Ты знаешь ли тот край —
Холмы, поля и горы,
Куда я рвусь в тоске?..
Его зовут — Печоры.

Из письма, присланного отцу Серафиму (Розенбергу) его духовной дочерью Н. 30 сентября 1967 г.

Тишина спускается в обитель,
Лишь порой вечерней у ворот.
Застучит засовом старый житель,
Провожая до дому народ.

Сгорбленный, с седою бородою,
Звякая ключами по пути,
Жизнь проживший, встретившись с бедою,
Все же продолжает к свету он идти.

Солнце опустилось уж за горы,
Иноки по кельям разошлись,
Ходят монастырские «дозоры»,
Трели соловьины раздались.

Монастырь в цветах весь утопает,
Запах нежный льется по двору,
Здесь душа спокойно отдыхает,
Тянется с усердием к добру.

В тишине и горе улеглось,
Тихо и спокойно стало вдруг!
Словно все исчезло, пронеслось,
Словно это был один испуг!

Ночь спустилась тихо на обитель,
На душе же утро рассвело,
Если б сердце мог ты видеть, зритель,
Как в нем лучезарно и светло!

Из стихотворения Святейшего Патриарха Пимена

О. Агапий

Судьбы двух монастырей тесно переплетены. Пюхтицы всегда пользовались поддержкой Псково-Печерского монастыря, хор пюхтицких сестер участвовал в богослужениях, многие печеряне уходили в Пюхтицы по благословению старцев.

Некоторые духовные чада отца Петра были духовными чадами отца Симеона, а сам духовник обители принял постриг по настоянию отца Иоанна (Крестьянкина), приславшего отца Кенсорина для совершения пострига с облачением для батюшки (по настоянию, так как батюшка всегда считал, что «одежда не спасает»).

Поэтому хочется сказать немного о печерских старцах.

«Святость есть не просто праведность, за которую праведники удостаиваются наслаждения блаженства в Царствии Божием, но такая высота праведности, что люди настолько наполняются благодатью Божией, что она от них течет на тех, кто с ними общается. Велико их блаженство, происходящее от лицезрения Славы Божией. Будучи преисполнены и любви к людям, происходящей от любви к Богу, они отзывчивы на людские нужды и на их моления и являются и предстателями за них пред Богом» *(свт. Иоанн Шанхайский)*.

Преподобный старец Симеон

«Радуйся, лампада, о нас неугасимая!»
Из акафиста прп. Симеону Псково-Печерскому

1 апреля 2003 года причислен к лику святых псково-печерский старец Симеон. Этот светильник духа сиял в монастыре на протяжении 64 лет. Батюшка сочетал в себе природную простоту с поистине «старческим богомыслием».

В Псково-Печерский монастырь отец Симеон, тогда Василий Иванович Желнин, поступил послушником в 1896 году, будучи 27-и лет от роду. Архимандрит Мефодий (Холмский, † 1906) в то время наместник монастыря, взял его к себе келейником. Кроме того, Василий ходил на общие послушания с братией. Часто работать приходилось с пяти утра до позднего вечера.

В 1900 году он был пострижен в монашество с именем Вассиан, в следующем — рукоположен во иеродиакона, а в 1903 году — во иеромонаха. Затем его отправили восстанавливать Снетогорский монастырь в Пскове, монастырский скит в Мустищево, в 25 км в сторону Латвии. «Было очень много труд-

ностей, — вспоминал потом старец, — из лаптей не вылезал».

Когда дело пошло на лад, батюшка возвратился в родную обитель. Было ему тогда 46 лет. Началась революция. Настоятель обители отец Иоанн (Булин, † 1941) хотел поставить отца Вассиана наместником монастыря, но батюшка чувствовал «внутреннее внушение принять схиму» и в 1927 году, 3 февраля, был пострижен с именем Симеон и назначен духовником братии и паломников монастыря.

Настоятель привел его в убогую, сырую, темную келью, почти пещеру, ископанную в горе рядом с Успенским храмом, и сказал: «Вот тебе келья, здесь и умрешь». Так и вышло. Здесь молитвенный и старческий подвиг иеросхимонаха Симеона продолжался 33 года.

В действительности келья эта представляла собой нечто ужасное: грязная, мрачная, сырая, темная, стены мокрые, воздух сырой — одна комната с одним оконцем. Крыша дырявая, сырость попадала на потолок, а с потолка в келью. Пришлось установить три печки, провести трубы вдоль коридора, чтобы осушить, оштукатурить, побелить, и почти все это — своими руками.

Немало искушений претерпел старец в своей келье от бесов. В первую же ночь, как он поселился в ней, явились ему зримым образом злые духи и наполнили келью, начали на него кричать, дергать и гнать: «Зачем

ты пришел? Уходи отсюда, все равно мы не дадим тебе здесь жить», — и многое другое. «Думал я, — рассказывал старец, — что не переживу этой страсти, от которой даже не мог перекреститься, а только говорил: «Господи, прими дух мой». Такие страхи продолжались много раз, но потом не были уже так страшны, как впервые; и я научился с помощью Божией отражать их силою Креста и молитвы».

Отец Серафим (Розенберг) вспоминает: «...тюря, чай с маленьким кусочком сахара — отец Симеон не ел, а вкушал. Перед смертью учил меня смирению: “Будь у всех под ногами”». Он и сам был всегда в труде — до 90 лет; насаждения, пчелы, столбики, иконки. Незадолго до кончины отец Симеон сказал доктору: «Умираю и умереть хочу». Потом: «Ангелы причастили... Ангелы, Ангелы, Ангелы поют на небе... От чего-то ведь и умереть надо».

Краткие заметки о. Серафима, характеризующие личность о. Симеона: «Отец Симеон. Каков его подвиг? Пост. Бдение. Молитва. Молился: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”, совершая поклоны.

Сосредоточенность. Вседоступен — прост. Осторожен. Говорил: “Нужно идти средним — царским путем”. Трудолюбие. Отец Симеон усиленно трудится — 60–70 лет; говорил, что трудиться полезно. Зная пользу труда, разводил сады фруктовые и другое.

Говорил: “Утомляю плоть, противящуюся духу моему. Как и древние подвижники делали, в свободное время следует трудиться — переплетное дело, ложки, корзины плели, четки вязали, общие послушания”. Ободрял тружеников надеждою будущего вечного воздаяния: “Пот от послушания подобен мученической крови — спасителен”.

Братия некоторая поносила его в лицо — не злобствовал, наслаждался внутренним спокойствием, прощал. У истинных подвижников молчание на явную клевету заменяет словесное оправдание, которому не всегда верили. Искал не земных, а небесных наград. Отец Симеон говорил: “Не люблю похвалы, сам знаю в совести, каков я есть”.

Как просто и живо отец Симеон представляет себе и рассказывает жизнь Христову! Вот — богомыслие».

Вспоминает схимник Феодор (Иртель), бывший валаамский послушник: «Жил он в келье Печерского монастыря — 20 ступеней под землей (вход, ведший сюда из сада со Святой горы). Это была келья очередного духовника братии.

“Не зашибись-то головою”, — говорил он откуда-то из-под земли, когда я, постучав с молитвой Иисусовой в наружную дверь, спускался к нему на исповедь. Он встречал с тонкой восковой свечечкой в руке, садился со мной у угла покрытого темной скатертью стола.

На стене висела большая икона-картина Воскресения Христова — с припавшей к ногам Воскресшего св. Марией Магдалиной.

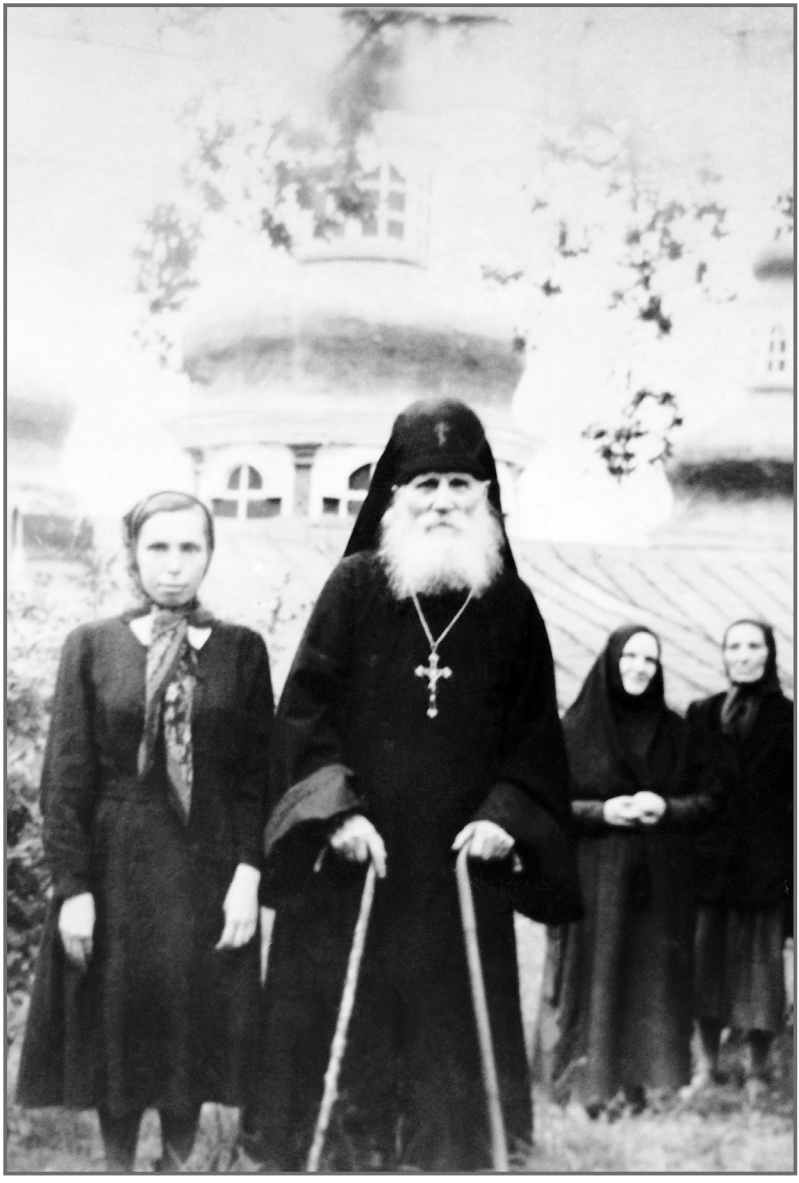
Говорил отец Симеон просто, с псковским акцентом, — о впадающем в грех послушнике: “Только бы не прилакомился”.

Днем отец Симеон работал в столярной мастерской или на Святой горе с пчелками. До избрания своего на должность духовника братии Печерского монастыря жил он много лет на монастырском хуторе Мустыщево с послушником, братом Константином, в безмолвии и уединении. Вспоминал мне о своем начальном послушании, когда вступил в братство Печерского монастыря, — ламповщика. Он заправлял по монастырю лампы, кроме других работ.

В последние годы (имеется в виду конец 1920-х годов) отец Симеон страдал ревматическими болями от жизни под землей, и потому на уклоне горы, где протекал ручей Каменец, насупротив епископского дома, искусно построил себе деревянную келью для дневного отдыха.

Большой толпой шли к нему печерянки за советами и для исповеди — это походило на старчество...

Отец Симеон был прост, ревнитель безмолвия, старец по дарованию от Бога — в этой простой и суровой внешней оболочке таился дивный огненный цветок любви Божией».



Отец Симеон и Наталья Степановна Тихонова

Из воспоминаний о. Нафанаила: «Отец Симеон говорил, что монах должен жить так, чтобы его было не видно и не слышно.

На вопрос, почему не благословляют “Добротолюбие” в наше время читать, старец отвечал: “Ты начитаешься того, что в наше время и в наших условиях не выполнишь, и впадешь в уныние и в отчаяние. Читай лучше Священное Писание, оно написано для всех и на все времена и обстоятельства”.

Если он просил заказать нужные фотографии, то не приказывал, когда заказать и принести, но говорил: “Как тебе можно”.

На вопрос, что я хотел бы жить не втроем, а один в келье, он ответил: “Погоди, скоро будешь жить один”, — что вскоре и исполнилось.

На вопрос, что нас считают отсталыми, отец Симеон ответил: “По какому пути? По пути к вечной гибели? Да, мы от них отстали”.

Когда нас теснили безбожники, старец пожелал: “Чем бы их Бог смирил!”

“Когда рекут мир, тогда внезапно постигнет их пагуба”, — отец Симеон ответил, что эти слова относятся не к нашим годам, когда вели речи о мире, а когда будет одно государство.

За полгода до кончины он молил Бога, чтобы приехали к нему все те, на кого он наложил епитимью, чтобы снять ее. За молитву Бог исполнил: приехали все получившие от него епитимью. И он ее снял с них.

Когда в 1950 году монастырь получил за оградой землю под огород, наместник

архимандрит Пимен обратился к отцу Симеону: “Батюшка, на огороде ничего не растет, помолись!” Отец Симеон приходил на огород во время обеденного перерыва, помолился, и овощи стали расти.

Пожаловалась одна посетительница на свою подругу и обиделась, что она выдала ее тайну. Отец Симеон ответил: “Что же ты на нее обижаешься, когда ты сама не удержала свою тайну в себе?”

Весной 1947 года отец Симеон вместе со мной посадил дуб и благословил его, чтобы враг не показал мальчишкам, чтобы они вырвали его. Дуб этот растет рядом с домиком у Михайловского собора столько лет, сколько я в монастыре».

Отец Нафанаил приходил в преподобному со своими казначейскими проблемами. Например, спрашивал, платить или не платить тот или иной из многочисленных налогов. Старец конкретно говорил: «Этот не плати, ничего не будет, а вот этот нужно заплатить».

За великую любовь старца к Богу и людям и за великое смирение его открылись в нем редкие дарования Божии: дар врачевания душ, прозорливости и исцеления душевных и телесных недугов.

О прозорливости

Во время Великой Отечественной войны, когда немцы заняли Печоры, братия моли-

лась о даровании победы русскому воинству. Старец Симеон помог советским разведчикам весной 1944 года, пещеры стали их тайным убежищем. Об этом вспоминал в 1984 году при посещении Псково-Печерской обители работник министерства связи С. Новиков — бывший фронтовой разведчик.

Отец Симеон помог им незаметно уйти через несколько дней. Через несколько месяцев немцы потребовали от монастырского начальства всех насельников эвакуировать в Германию. И тогда братия собралась на молитву в древней Успенской храм перед ракой с мощами преподобномученика Корнилия и перед чудотворной иконой Успения Божией Матери, взывая со слезами о небесном заступничестве за дом Пресвятой Богородицы — родную Печерскую обитель. Возглавил эту длившуюся всю ночь горячую молитву старец Симеон. «Мы никуда не уйдем отсюда; мы прежде всего монахи русского православного монастыря, и хотя погибнем, но не уйдем отсюда, не предадим своей обители».

Один из молитвенников сказал позднее: «Столь неописуемые минуты можно понять только тому, кто был смертником, и потом его вдруг помиловали, — нас спасла любовь к обители и непобедимая помощь неба, ибо Бог не в силе, а в правде». Наутро в монастыре появился военный комендант, но сломить волю иноков не смог. Немецкие машины простояли у ворот три часа, однако из обители

так никто и не вышел. Комендант пребывал в растерянности, ибо по плану командования предполагалось всех монахов вывезти, а монастырь взорвать.

Но по молитвам иноков во главе со старцем Симеоном и по непреложному заступничеству неизменной Хранительницы нашей Пресвятой Богородицы Печерской обитель устояла.

Наместнику монастыря архимандриту Пимену (Извекову) старец предсказал, что тот станет Патриархом. Через 10 лет это предсказание исполнилось.

Последние дни перед своим преставлением старец очень ослабел, но людей продолжать принимать. На вопрос духовных чад своих, на кого он их покидает, ответил: «На Матерь Божию». И наставлял всех любить друг друга, прощать все обиды.

Последний урок смирения явил старец даже в своем преставлении ко Господу. По откровению ко Господу он ждал смерти 2/15 января 1960 года.

Вот как об этом рассказывает Ирина Ростовцева, двоюродная племянница композитора Рахманинова, жившая в Петербурге на Московском проспекте и скончавшаяся в 1999 году: «К батюшке в келью пришел отец наместник Алипий и сказал: “Я слышал, что ты хочешь 15 января отойти ко Господу в день Серафима Саровского”. Батюшка ответил: “Я нес его подвиг, и мне сейчас так тяжело. Надо мне уже отходить”.

Но наместник попросил его вымолить у Господа три дня жизни, так как братии очень тяжело и его хоронить, и воду святить. Тогда батюшка сказал: “Хорошо, я твое послушание выполню, но ты мое выполни. Я дам тебе немного денег, — ты отремонтируй Успенскую церковь к празднику Успенской Божией Матери, а Матерь Божия тебе остальное добавит”. Отец Симеон умер через три дня — 18 января, а отец Алипий отремонтировал храм к празднику Успения Божией Матери. Об этом говорил в проповеди отец Алипий в праздник Успения Божией Матери в Успенском храме после поздней литургии.

И в конце проповеди он поднял руки и сказал: “Батюшка! Ты исполнил мое послушание, а я исполнил твое, — отремонтировал храм к празднику, и Божия Матерь мне дала денег не только на ремонт, но и на позолоту!”»

Наместник обители отец архимандрит Алипий зачитал в надгробном слове при отпевании отца Симеона характеристику из его личного дела: «Иеросхимонах Симеон прилежал посещению и утренних, и вечерних богослужений. Стоял в алтаре обособленно в углу за дверью боковой, которая не затворялась. На Великом каноне на каждый тропарь клал три поклона. Неукоснительно выполнял келейное схимническое правило и переживал, что не все выполняли в монастыре келейное правило. Отец Симеон служил не только в воскресные и праздничные дни

в соборном служении литургии, но служил длительное время литургию и в будние дни, когда вся братия была занята на сельскохозяйственных послушаниях братского духовника. Исповедовал и мирян, приходивших в монастырь на исповедь.

“Цель жизни, — говорил отец Симеон, — стяжать Духа Святаго”.

Как духовник отец Симеон ежедневно прилежал поминовению на проскомидии духовных чад и всех просивших его святых молитв. Деньги он сдавал на ремонты монастырских храмов».

Старец скончался на девяносто втором году жизни, прожив в обители около 64 лет. Ныне святые мощи батюшки почивают в Сретенском храме монастыря. В честь прп. Симеона Псково-Печерского 13 ноября 2005 года высокопреосвященейшим Евсевием, архиепископом Псковским и Великолукским, освящен храм на территории Псково-Печерской обители, воздвигнутый трудами наместника обители архимандрита Тихона с братией.

Поучения и наставления

«Всякой малостью, суетой, неведением, слепотой люди омрачают чудо, — говорил старец одному посетителю. — Дивный дар Господень — человеческая жизнь! Не купишь ее, не заработаешь. На, человек, прими награду бесценную!.. Радость, радость, великая радость!..

У нас братия — есть будущие столпники, аскеты, юродивые и сильно юродивые. А есть такие, у которых сплошная любовь к людям.

Есть такая братия, которая несет свое послушание без ропота, со смирением и без гордости. Такая братия спасется.

Есть такая братия, которая всему монастырю крест.

Если борют страсти – в пище воздержись, а если ослабевает тело – пищей подкрепись.

Какой должен быть монах? Нужны твердость настроения и мягкость обращения.

Иноку никак нельзя развлекаться мирской жизнью. Ему нельзя даже и время по радио узнавать — что-нибудь попутное и отвлечет.

Не досадуй, что криво иноческое житие идет, — следует быть искушениям, ты — не Ангел, но учись одолевать страсти и борись с терпением и смирением, за жизнь блаженную вечную, ухитряйся.

При слове “Бог” любовью наполняйся.

Не критикуй других, старайся ужиться с ними, иди им навстречу, потерпи их, будь ласков, приветлив, живи для всех, ближнего делай счастливым, смиряйся, промолчи, будь участлив ради Бога, почтителен.

Главное — каяться в грехах, раскаяние; за всегдашнюю борьбу Господь только помилует, а не за исправность, которой не имеешь и не будешь иметь. А если будешь иметь — возгордишься.

Страшись исповедовать грех без раскаяния, как нечто славное; тогда бесы поругаются над тобой — шуйце покажешь десное дело, жемчуг свиньям.

Юродивые не обращали внимания на мир и были заняты лишь тем, что стояли умом на коленках у Престола Божия. Помни: ближе Бога к нам никого нет.

Тот, кто немного значит в своих глазах, бывает умерен в желаниях своих. Огорчения его мирны и тихи. Без искушений нельзя спастись, ими познаем себя, учимся борьбе и очищаемся.

Ты должен нести как заслуженное ревматизм, подавленность духа, плотскость, головные боли, страсти, хульное движение, мертвость, бесталанность, неповоротливость: все это — твой крест. Болезнь очищает душу претерпевающего ее благодушно.

Не надо разыгрывать в себе добродетельного, когда ты и горд, и зол, и похотлив, и себялюбив, и ленив, и прочее. Имей мужество быть тем, что ты есть. Каков за стеной келии, таков и в народе. Многие пытаются достигать головой неба, не отстав ногами еще от земли. Мужественно неси свой крест — свой характер.

Не думай о том, чтобы духовно обогатиться, но стремись познать нищету свою.

Не ищи быть идеалом умного, красавца, героя, всезнайки, святоши, с самообладанием, хладнокровием, с силой, здоровьем. Это обман все. Будь тем, чем создан — и это тре-

бует немалого мужества. Будь прост, открыт, искренен, без задних мыслей. Помощь твоя — вера и надежда на Бога.

Думай: не радостное настроение мне нужно, коего я недостоин, но милость Божия на Суде Христовым. Имея в мыслях непостижимое величие Божие, имей в них и ничтожество и скверну свою.

Глупые шутки, естественная смешливость и плаксивость, страшливость, мечтательность — побеждай в себе сие.

Не ищи приятного, спокойного, мягкого, сладкого и прочего: ты — странник на пути к вечной жизни, самоотверженно по этому пути и шествуй».

Памяти батюшки

Склонясь, как прежде, надо мною
С заботой в старческих очах,
Ты говоришь с моей душою
О всех бесчисленных грехах.

Я слышу шепот твой: «Все время
Я, чадо, около тебя,
Как на земле в былое время,
Тебя отечески любя.

Тобой и здесь руковожу я...
И из обители своей
С любовью отчею слежу я
За всею жизнию твоей.

И как я рад, когда стремишься
Ты вражьи козни победить,
И как скорблю, когда ленишься
За каждым помыслом следить...

Когда к молитве прибегаешь,
Я веселюся всей душой;
Когда же с радостью страдаешь,
Я в этот час всегда с тобой...

Но как мне больно и обидно,
Когда поддашься ты врагу,
И так пред Господом мне стыдно
Плохого вырастить слугу.

О чадо! Вспомни, как трудился
Я над душой твоей всегда
И как ночами я молился,
Чтобы спасти тебя тогда.

Ужель мой труд ты не вспомянешь?
Ужель я зря тебя растил?
Ужель рабой теперь ты стала
Не Бога, а нечистых сил?

Меня ты любишь, говорила —
На деле это докажи
И, как бы сердцем ни остыла,
Ты только Господу служи!

Неизвестный автор

Печерские старцы

Отец Лука — валаамский старец

Родом он из Ярославской губернии, на старом Валааме проходил разные послушания. Десять лет был келейником у наместника монастыря. Впоследствии долгое время был гостинником. Гостиница вмещала до 1000 паломников, и отцу Луке приходилось много общаться с людьми, рассказывать историю монастыря паломникам, туристам. При нем было три переводчика, которые помогали отвечать на вопросы приезжающих в обитель.

Во Псково-Печерском монастыре отец Лука был духовником для богомольцев. Был он очень снисходителен к грешным людям и, утешая, говорил: «Вот ведь какой секрет Господь устроил: не дал ключи от Царствия Небесного апостолу Иоанну Богослову, а дал апостолу Петру, который трижды отрекся от Господа. Значит, апостол Петр будет снисходительнее к грешным людям. Так попущено Богом апостолу Петру, чтобы не гордился».

Отцу Луке приходилось отвечать на множество вопросов. Люди приезжали и писали письма, благодарили старца за совет и вразумление. Келейник старца отец Кенсорин в своих воспоминаниях пишет: «Я лично поинтересовался, откуда можно заранее знать и предвидеть все обстоятельства жизни, чтобы дать разумные ответы. Он мне ответил: “Я говорю от большого жизненного опыта”».

Я хочу добавить, что этого мало. Он молился Богу, и Господь ему внушал, как надо поступить, что сказать или написать. Я постоянно скорблю и сожалею, что мне больше не встречалось таких старцев, с которыми можно было бы поделиться, посоветоваться, облегчить свою душу. Может быть, они ушли из этой жизни и нам уже никогда не дойти до их совершенства — нет тех условий, хотя и говорят, что «Христос вчера и днесь Той же и во веки».

Валентина Федоровна, много лет певшая в Александро-Невской Лавре, со своей подружкой в юности навещала отца Луку. Вместе с ними в келье оказалось много детей.

«Батюшка всем раздал листочки со стихами “О дивный остров Валаам” и стал петь своим старческим голосом. Зубов было мало, и он шепелявил. Нам это казалось очень смешным, и мы смеялись».

Прошло много лет, и ей посчастливилось быть на освящении Преображенского собора. Плыли на теплоходе. И вот духовенству

раздали листочки с текстом этого гимна, и все запели. Она очень плакала, вспоминая, как когда-то давно пел этот гимн отец Лука. А они, несмышленые, смеялись.

Отец Афиноген

Схиархимандрит Агапий (Василий Кузьмич Агапов) родился 24 января 1881 года. С 1903 по 1924 год он находился в монастыре прп. Макария Римлянина, где в 1908 году был пострижен в рясофор, а через три года — в мантию с именем Афиноген. В 1917 году отца Афиногена рукоположили в сан иеромонаха. А в 1924 году его арестовали. Много испытаний пришлось ему пережить: неправедный суд, тюрьма, высылки и концлагеря. Был он и на стройке Беломорканала. В годы войны его вывезли в Латвию и даже продали, как раба. Его «купил» один латыш и дал возможность служить в храме, и наконец 10 февраля 1945 года отец Афиноген в сане иеромонаха прибыл в Псково-Печерский монастырь после многих испытаний.

Здесь он был удостоен сана игумена, архимандрита, а за два месяца до своего преставления принял постриг в великую схиму с наречением имени Агапий. Когда-то он бывал у батюшки Иоанна Кронштадтского, спрашивал его о том, как ему служить, и св. прав. Иоанн, благословляя его в монастырь, сказал ему: «В свое время ты будешь

иеромонахом». Потом он долго медлил, и наконец закончил: «...и архимандритом». Долгое молчание отца Иоанна означало, как понял позже отец Афиноген, что после его возведения в сан игумена пройдут долгие-долгие годы, пока он сподобится сана архимандрита.

В конце своей жизни, когда ему было уже 98 лет, он очень болел. Стали появляться гнойнички по всему телу, они лопались и причиняли сильную боль. У него в келье висела большая икона св. Пантелеимона Целителя, и батюшка все время просил его: «Исцели меня!» И однажды, в тонком сне, целитель пришел к нему и сказал: «Отче, мне тебя так жалко, я бы тебя давно исцелил, но Господь сказал: "Пусть потерпит"». За всю жизнь батюшка ничем не болел, только уставал. Об этом случае он сам рассказал своим духовным чадам.

Духовным чадом отца Афиногена был отец Рафаил (Огородников), он знал, что погибнет. Однажды батюшка сказал ему: «Твоя смерть будет от машины».

Отец Рафаил увидел в бане, как старец (отец Афиноген) был поднят на воздух, как будто его кто-то хотел бросить. Но потом он плавно опустился на пол. Отец Рафаил ужаснулся было, но отец Афиноген ему сказал: «Молчи, дурак, не говори никому».

Великие были старцы в Печорах! Недаром отец Иоанн (Крестьянкин) говорил о себе:

«Какой я старец? Если бы видели старцев, вы бы меня не называли старцем!»

Интересно воспоминание жительницы Санкт-Петербурга Киры Федоровны Ивановой. После смерти отца Симеона, духовной дочерью которого она была, Кира Федоровна много слез пролила, прежде чем стала обращаться к отцу Афиногену: «О смерти батюшки (отца Симеона) я была чудесно извещена во время сна, а вскоре пришло сообщение об этом от келейницы старца.

...Приехать на похороны батюшки я не могла, а приехала во время отпуска, сразу пошла в пещеры и стала там на панихиду. А когда выходила из пещеры, остановилась у мощей прп. Вассы и так рыдала, что меня никак не могли успокоить.

На третий день я заказала службу по батюшке в пещерном храме. Перед службой я пошла опять к батюшке. Когда все ушли и я осталась одна, я стала на колени, положила руку на батюшкин гроб и говорю ему: “Батюшка, ну что ты со мной сделал! Ну, я не знаю... Говорят, что ты живой, а я этого не понимаю, потому что ты умер, как ты можешь молиться за нас?” И пошла на службу. Когда священник сказал “Святая Святым!” и все встали на колени, я подняла голову и — в дверях алтаря стоял батюшка. Живой! Такой, как он всегда ходил и смотрел строго на всех своих духовных детей, переводил глаза. А я ему сказала: “Батюшка, ты как живой!

И ты за нас молишься?" Батюшка тогда поднял правую руку и перекрестил, и ушел обратно, как бы во гроб. Это произошло в Покровском храме».

Приехала она в отпуск в Псково-Печерскую обитель, и вот как она рассказывает: «Сразу утром я пошла к батюшке в пещеры и стала ему исповедоваться. Я сказала все свои грехи, и говорю ему:

— Не пойду я вечером исповедоваться к отцу Афиногену, потому что, батюшка, я встану на колени около аналоя, — он молчит, и я молчу... Не так, как у тебя! Ты мне всегда скажешь: "Вот в этом ты грешна?" А я говорила: "Грешна, батюшка", — и все мои грехи всегда скажешь. Давай мы с тобой договоримся, что я пойду на исповедь в Успенскую церковь за раннюю. И там, когда выйдет на общую исповедь священник, скажу, что я каюсь делом, словом, помышлением. А когда, батюшка, он мне будет отпускать грехи, то я буду чувствовать, что это ты отпускаешь своими руками мне всё.

И я на следующий день пошла на исповедь к ранней. Стою около креста, и вдруг вижу, выходит отец Афиноген, идет к раке преподобного Корнилия, кладет крест и Евангелие, и так рукой мне помахал и говорит: "Кира, иди-ка сюда". Я подхожу к нему... (Да, я еще в тот раз в пещерах жаловалась батюшке: "Разве сейчас так?.. Раньше ты мне всегда скажешь: "Приходи ко мне после прича-

стия, чайку попьешь". Но отец Афиноген...") Я встала на колени около прп. Корнилия. Батюшка Афиноген накрыл меня епитрахилью и стал мне все говорить грехи, которые я говорила батюшке (у его гроба) в пещерах... Я так рыдала, только успела сказать: "Каюсь, батюшка, каюсь!" Потом, когда он отпустил мне грехи, сказал: "Целуй крест и Евангелие". Я поцеловала, и он сказал: "Вот служба кончится, приходи ко мне, чайку попьем". И когда я пришла к батюшке Афиногену, я ему все это рассказала.

Когда я все рассказывала отцу Афиногену о своей исповеди в пещерах, у него слезы текли...»

С 1960 года отца Афиногена назначили братским духовником, а по благословению старца Симеона он принял на себя и послушание по отчитыванию одержимых от духов нечистых и нес это послушание до глубокой старости. Преставился отец Агапий 24 июля 1979 года.

Архимандрит Никита (Чесноков)

Архимандрит Никита прожил около 90 лет и преставился ко Господу в 1962 году. С детства он болел ногами, а простаивал долгие службы. От великой любви к Богу не замечал боли. Обращался со всеми как любвеобильный отец. В сороковые годы прошлого

1957 г. Второй справа — о. Никита (Чесноков)

столетия волна репрессий коснулась и отца Никиты, тогда еще отца Петра Чеснокова. В ссылке он находился вместе с отцом Владимиром Шамониным, который в своих стихах описывает их пребывание там.

В два зарешеченных окна,
Как и в отверстие для стула,
Вливалась холода волна
Да властный окрик караула.

Страстные службы наизусть
Справлял с другими каждый день я.
Великолепных чтений грусть
Проникла в наше настроенье.

Был очень ценен Константин —
Его феноменальна память:
Он наизусть из всех один
Любую службу может править.

И Петр прекрасно дополнял
Наш хор солидным мягким басом.
(Мне вспомнилось, как он читал
Канон перед иконостасом.)

Пасха

Всю ночь находился
Один во дворе;
Казалось — молился
В своем алтаре!

И вот, возвращаясь
В палатку к утру,
Смотрю, наслаждаюсь,
На солнца игру...

Навстречу мне скачет
Пронырливый шкет;
За пазухой прячет
Какой-то пакет.

«Без боя и таски —
Гляди — повезло!
Пируй ради Пасхи
Начальству назло!»

Копченая рыбка,
Свинины кусок,
«Холодного» глыбка
И масла брусок.

«Без боя» — не верю!
Боюсь и не взять:
Противиться зверю —
Неладно опять!

«Прошу тебя, дядя:
Пускай я — холуй,
Но Праздника ради
Меня поцелуй!»

Я выполнил это,
Зайдя за барак.
Он, вместо ответа,
Заплакал в кулак...

Куда же я спрячу?
Но тут же решил
Такую задачу —
На всех разделил.

«Как это прекрасно!» —
Сказал Христофор,
С улыбкою ясной
Взглянувши в упор.

«Великая сила, —
Сказал Константин,

Его осенило:
— Из всех ведь один!»

И Петр прослезился:
«Разбойник, бандит —
К Христу обратился!
Не будет забыт...»

«Прославимте Бога! —
Воззвал Христофор. —
Споемте немного».
И грянул наш хор.

Священную Пасху —
Тропарь и кондак,
Почти без опаски
И весело так...

Вдруг урки-мальчишки
Мне громко кричат:
«Твои побренчишки?
Бери их назад:

Нам женка и дочки
Заявят протест!»
Смотрю — на цепочке
Пропавший мой крест!..

На сердце — веселье,
В душе — благодать...
В таком окруженьи
Так Пасху справлять?!

Накануне кончины отец Никита радостно рассказывал: «Захожу после литургии в пещеру, и встречает меня прп. Марк (уже 500 лет мощи его покоятся при входе в пещеры). Думаю, я — архимандрит, а он просто схимонах, как же мне у него брать благословение?» Преподобный Марк на его мысли и отвечает: «Там все равны». Через месяц вышел на Святую гору, ступил несколько шагов, оступился и упал с обрыва на камни. Через сутки скончался. У него как при жизни всегда было живое общение с загробным миром, так и при кончине.

Духовное чадо старцев

Наталья Степановна Тихонова приехала в Псково-Печерский монастырь после войны, в начале 50-х годов.

Ее родители погибли во время войны: отец на фронте, а мать от голода в блокадном Ленинграде. Когда ее мама была маленькой, отец возил ее к отцу Иоанну Кронштадтскому. Батюшка ласково погладил ее по головке: «Полюшка!», благословил и подарил на память маленькую иконку, до сих пор сохранившуюся у родственников.

В скором времени после смерти матери Наталья была эвакуирована на «большую землю». Приехала в чужой город, идти было некуда, есть нечего. Пришла в цер-

ковь и плакала перед иконой Божией Матери: «Матерь Божия, мама сказала, что Ты будешь мне мамой. Помоги мне, я не знаю, как дальше жить». Служба уже отошла, в церкви почти никого не было. Из алтаря вышел владыка и направился к выходу, но, увидев перед иконой плачущего человека, подошел: «Деточка, что ты плачешь?» — «Я не знаю, что мне делать, мамочка умерла и сказала, что теперь Матерь Божия будет мне Мамой». Владыка дал ей белого хлеба, денег на обустройство и направил к своим духовным чадам.

В скором времени она устроилась на работу, но владыка не оставлял ее своим попечением. После войны вернулась в Ленинград, жила в общежитии, работала в регистратуре поликлиники.

В своей жизни Наталья Степановна встретила множество святых людей и была свидетелем важных событий. В 1946 году Господь сподобил ее присутствовать в соборе св. равноап. кн. Владимира, когда туда приезжал митрополит Гор Ливанских Илия, слушать его проповедь, с которой он обратился к прихожанам. Владыка привез венец на Казанскую икону Божией Матери, находившуюся здесь в то время.

По предсказанию отца Серафима Вырицкого, которого неоднократно посещала, Наталья попала на открытие Александро-Невской Лавры после дней безбожия.

После войны Господь привел ее к Ольге Васильевне Барии, блаженной старице, и рядом с ней она не чувствовала своего сиротства. Однажды во сне Наталья увидала какой-то монастырь, в котором находятся мощи прп. Корнилия. Запомнился блаженный старец, которого она увидела там. Свой сон она рассказала Ольге Васильевне. Стали выяснять, что же это за монастырь. Наконец в каком-то журнале отец Михаил Гундяев, приходивший причащать блаженную старицу, нашел сведения о Псково-Печерском монастыре, где хранятся мощи прп. Корнилия. В то время о нем мало кто знал.

Дали хлеба на дорогу, и Наталья отправилась в Печоры. Приехала, приложилась к прп. Корнилию и стала спрашивать, где тут блаженный старец. Ее отвели к отцу Симеону. С тех пор она стала его духовной дочерью до самой его кончины.

Впервые посетив отца Симеона в его келье, она, увидев кровать с высокими подушками, подумала: «Вот схимники на каких перинах спят!» Батюшка прочитал ее мысли: «Наташенька, подай мне вон тот мешочек!» Мешочек висел над кроватью, и чтобы достать, нужно встать на кровать. Она встала на кровать, а там доски... — «Батюшка, простите!» — «Вот, Наташенька, на каких перинах схимники спят».

В то время во Псково-Печерском монастыре жили валаамские старцы: отец Михаил,

О. Серафим (Розенберг)

отец Лука, отец Николай. Всех она посетила и была ими утешена.

Когда пришла к слепенькому отцу Николаю, он сразу назвал ее по имени. Однажды она принесла ему целую кружку малины из монастырского сада. Отец Николай сказал: «Ешь, Наташенька, я никогда их не пробовал».

Посещала она отца Серафима (Розенберга), отца Никиту (Чеснокова), владыку Вениамина, находившегося на покое в Печорах, отца Иоанна (Крестьянкина), с которым

была знакома еще до его жизни в Печорах, отца Александра (Васильева), с которым несла дежурство у Ольги Васильевны Бари.

Однажды ей довелось быть на службе в Никольской церкви в четыре часа утра. Отец Симеон и отец Александр (Васильев) служили, отец Николай пел, а Наталья стояла в конце, у печки.

Что же это была за служба! Вокруг отца Николая весь пол был мокрым от слез, у Натальи слезы лились рекой, такая благодать разливалась вокруг и переполняла сердца. Служили заказную заупокойную службу по Иоанну Кронштадтскому, тогда еще не прославленному.

После этого каждый год она заказывала по нему заупокойную службу.

Наталья Степановна была человеком искренним. Отец Симеон иногда просил ее обличить кого-то из насельников. Она отказывалась: «Вы что, разве я могу это делать?» — «Наталья, тебе можно, а мне нельзя, обидятся», — говорил батюшка.

В монастыре в то золотое время было очень просто, монахи часто шутили и чудили. Однажды Наталья подходит на всенощной к елеопомазанию. Служил эконом обители отец Ириней. «Помазуется питерская барыня». — «Я не барыня, а раба Божия», — отвечает она. И таких случаев было много.

Знакомые часто звали Наталью съездить в Пюхтицы. Но батюшка Симеон говорил:

Последняя Пасха Наталии Степановны (1997 г.), рядом отец Борис, за ним отец Александр. Подворье Валаамского монастыря

«Наташенька, не езди. Ты наша». И побывала она в Пюхтицах только после его кончины.

В течение многих лет все отпуска они с Шурочкой проводили в Печорах, в домике у Матрены Сергеевны. Когда Наталья с Шурочкой спускались к Успенскому храму по «кровавой дорожке», все невольно улыбались: две старушки, одного роста, очень похожие друг на друга, одна хромает на одну сторону, другая на другую.

Время было хрущевское, время гонений, все «под колпаком» у властей, время безбожия, но и время духовного подъема. Часто бывали облавы в монастыре; проверки

документов. Несмотря ни на что, жизнь была насыщенной, благодатной и интересной.

В последние годы жизни Наталья Степановна была прихожанкой открывшегося Валаамского подворья, рядом с которым жила.

Когда ее настигла болезнь, нужен был постоянный уход. Отец Александр, в то время насельник Валаамского подворья, организовал круглосуточное дежурство своих духовных чад. Приходили отцы Валаамского подворья ее причащать: отец Феофан, отец Геронтий, отец Антоний, отец Александр, который и отпевал ее на подворье.

Вечная память тебе, незабвенная наша старушка!

Валаамские старцы

Валаамские старцы прибыли в Псково-Печерский монастырь в 1957 году.

Отец Николай, в миру Василий, родился в 1876 году и происходил из купеческого рода. С детских лет он мечтал о Валааме, Господь хранил и укреплял его. Детство его было сиротское, он мыкался по чужим углам при живых родителях. Наконец в 1900 году Василий приехал на Валаам, и игумен Гавриил принял его. «На душе было так легко и весело, точно вылетел из клетки», — вспоминал отец Николай.

В монастыре он трудился на разных послушаниях: в саду, каменщиком, будильщиком, на кухне, общих послушаниях, жил на монастырском подворье в Москве. Когда он жил на подворье в Москве, явлена была ему чудотворная икона Божией Матери «Споручница грешных», с которой он не расставался до конца жизни.

10 сентября 1925 года на Валааме было разделение из-за старого и нового стиля, и монахов стали принуждать переходить на новый стиль. Отец Николай стал усердно молиться перед иконой и получил откровение: «Если хочешь спастись, держи предание святых апостолов и святых отцов, а не сих мудрецов». Это повторилось трижды. Так по молитвам Божией Матери Господь указал ему путь спасения.

В 1939 году всем, кто не захотел принимать новый стиль, было приказано выехать с Валаама. Всю ночь отец Николай не спал и молился Божией Матери: «Мати Божия, я всегда совершал по старому стилю службу в келии пред Твоею иконою, всю службу церковную. Теперь все оставляю, и книги служебные. Нам объявили с Валаама уезжать, что мне теперь делать?! Благослови, Мати Божия, и научи меня ко спасению». И слышит он внутренний голос, говорящий: «Теперь будешь творить непрестанную молитву (то есть «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»), 500 молитв в сутки по четкам, и так спасешься». Он в восторге и радости сказал:

«Мати Божия, Царица Небесная, Пресвятая Богородица, 1000 раз молитву совершу!» И услышал голос: «Довольно 500 молитв, а потом непрестанно твори ее».

Отец Николай благодарил Господа за милосердие и Царицу Небесную, и еще попросил у Божией Матери теплую рубашку. Вдруг стучат в келью. Он отворил дверь, — это было к ночи, стучавший говорит: «Вот тебе посылка», — и тотчас уходит. Отец Николай развернул пакет — в нем была одна теплая рубашка. Он благодарил Господа и Матерь Божию. А в шесть часов утра они уехали с Валаама внутрь Финляндии (20-го декабря 1939 года). В это время была война финнов с Россией.

В 1957 году отец Николай вместе со схиигуменом Лукой, иеросхимонахом Михаилом и еще четырьмя братиями приехали в Псково-Печерскую обитель. Отец Николай, отец Лука и отец Михаил были помещены в Лазаревском корпусе.

По благословению наместника архимандрита Алипия в 1962 году на послушание к старцам поступил отец Кенсорин: «Назначение это было промыслительно. До поступления моего к старцам жила в монастыре блаженная старица монахиня Пелагея из дер. Лавры, которую я посещал каждый день. Она сказала: “Я спокойно помру, когда ты будешь у старцев. Я об этом усердно молюсь”. И вот чудо: она умерла в ту ночь, когда я был назначен ухаживать за старца-

ми. Ее отпевали собором в монастыре, а погребена она в Лаврах».

«По поступлении моем на это святое послушание, — продолжает о. Кенсорин, — мне пришлось ухаживать за тремя великими святыми старцами: отцом Михаилом, отцом Лукой и отцом Николаем. Все они с юного возраста жили сначала на старом Валааме, затем в Новом, а в 1957 году, как раз в год поступления моего в Псково-Печерский монастырь, приехали сюда и эти старцы».

С отцом Николаем отец Кенсорин жил в одной келье. День и ночь он сидел и молился перед чудотворной иконой «Споручница грешных». «Раз я был в великом расслаблении, — рассказывает отец Кенсорин, — даже не мог нести послушание. Увидев в саду отца Николая, я радостно побежал к нему и рассказал свое горе. Он меня крепко обнял, прижал к себе — и тут же я получил исцеление от его прикосновения. Поэтому, находясь у него, я постоянно чувствовал, что это святой человек. Отец Николай имел дар непрестанной молитвы. Особенно он молился ночью. С 11 часов садился в кресло и всю ночь до пяти утра сидел и молился. Так продолжалось четыре года на моих глазах, пока старца не оставили силы.

Постоянно живя с ним, я чувствовал, как небесный свет озарял келью во время молитвы, душа моя также наполнялась неизреченной радостью. После полунощницы

и церковной службы, напоив старца чаем, я уходил на послушание в пекарню, на просфорню или на общие работы, а он продолжал молиться за обитель, за братий, трудящихся во святой обители, и обо всем мире. Тот же молитвенный дух я постоянно чувствовал и на послушании.

Встречал он меня с великою радостию, как ребенок любящую мать. В нем было много детского: простота, смирение, послушание и необыкновенная, непостижимая любовь. Он часто говорил:

— Мне Господь сказал: “Под старость ты будешь как дитя”.

Даже его лицо подтверждало это.

Мне приходилось часто служить в церкви седмицу иеродиаконом, а позднее иеромонахом по вечерам и литургию по утрам, и удивительно: когда старцу нужна была моя помощь, он просил Господа, чтобы прислал меня к нему. Я это чувствовал и приходил как раз в тот момент, когда я ему был срочно нужен. Он был 10 лет совершенно слепым и, конечно, нуждался в постоянной помощи. Но все же, забывая свою нужду, он отпускал меня на богослужения и послушания. Часто я видел его сияющим неземной радостью: в эти моменты он был посещен небесными жителями. Раз, придя из церкви, я увидел его, обливающегося слезами; он сказал: “Меня посетил Господь”.

Он очень заботился об обители, часто спрашивал про наместника архимандрита

Алипия, которого очень любил. Особенно эта радость усугублялась, когда тот посещал его один или же вместе с владыкой, архиепископом Иоанном. Он всегда пел им “Многая лета”. Голос его был удивительно приятный и громкий до самой смерти.

Посещающую братию и паломников принимал с великой радостью. Даже многим целовал руки. Всех поучал смирению, послушанию, любви. Поучал заниматься Иисусовой молитвой. Братию поучал подчиняться наместнику, да и всем вышестоящим подчиняться с великим смирением и любовью. Учил жить в мире, любви и согласии. “Бог есть любовь. Без любви нет спасения”. Сам он имел такое удивительное смирение, что трудно передать. Раз я говорю своей маме, которая также помогала мне, живя у старцев после смерти отца: “Вот посмотри на смирение старца!” Я строго сказал: “Отец Николай, зачем ты обидел мою маму?” Старцу было 92 года. Он тут же упал на колени со словами: “Зинаида, прости меня, грешника”. Я еле поднял его снова в кресло. Это ли не является для нас примером? Вот скажи каждому из нас слово — мы сто слов скажем в свое оправдание.

Эти великие старцы путем непрестанных трудов, подвига молитвы, поста и послушания приобрели Образ Божий, поэтому они и находятся со святыми в райских обителях. Вот поэтому отец Николай часто говорил: “Я буду помощником у прп. Корнилия”. Как бы Кор-

нилий его избрал себе помощником, это значит, молитвенником на том свете за обитель и за братию.

Так прошло семь лет моего пребывания со старцами. Отцу Николаю было уже 93 года, силы телесные его оставили, и он почил о Господе 7 мая 1969 года. Он хотел умереть на Пасху — так Господь и сподобил преставиться в день Преполовения. 40 дней было ему в день памяти Всех святых, в земле Российской просиявших. Так что можно с уверенностью сказать, что он находится в лике святых, молится о нас, грешных.

Вечная ему память. Помолись, отче Николае, за нас грешных, обремененных страстями и грехами многими. Ты стоишь и зришь Лице Божие вместе с Ангелами, Херувимами и Серафимами. Не забуди и нас, немощных!

Отпевание совершил митрополит Иоанн с братиею. Погребен в пещерах с отцом Михаилом, отцом Иоанном, отцом Никитой и отцом Германом».

Наш краткий рассказ о Псково-Печерском монастыре и его старцах завершим вдохновенным словом проповеди архимандрита Иоанна (Крестьянкина): «Пусть звонят в Печерской обители колокола! Пусть не меркнут над нашими храмами сияющие золотые кресты! Пусть высятся они к небу и напоминают о нем! Пусть неустанно здесь возносится молитва! Пусть, как солнце среди туч, сияет обитель подвигом духовным!»

Часть III

Сто и пятьдесят и три

Протоиерей Владимир Каменский

Отец Владимир Каменский принадлежал к старинному «ученому роду» — Каменских. Дед его по отцовской линии Андрей Васильевич проходил обучение в Английском Королевском колледже, был изобретателем — изобрел форсунку для паровоза, первым применил нефть для двигателей. Именно он перевел все отопление в Баку через форсунку на нефть — ранее город отапливался углем.

Бабушка отца Владимира — Леонтия Карловна Чермак, дочь директора гимназии (Чермак — фамилия чешская, хотя предки их жили в Австрии). Их род известен тем, что его представители в России организовали в Москве приют для детей, в котором в свое время воспитывались братья Достоевские.

Бабушка отца Владимира по материнской линии была игуменьей одного из монастырей в Иерусалиме, куда привел ее Промысл Божий. Она приходилась сестрой писателю и инженеру Н. Г. Гарину-Михайловскому.

Мама отца Владимира, приходившаяся племянницей Гарину-Михайловскому, была

дочерью херсонского дворянина штабс-ротмистра Виктора Гладкого.

Андрей Андреевич, папа отца Владимира, заведовал кафедрой в Политехническом институте до 1942 года.

В 1879 году его отец приобрел имение в Лядно Чудовской волости Новгородской губернии. Через имение протекала речка Леденка. Часть имения принадлежала его братьям, художникам-реставраторам Мариинского театра; один из них — скульптор, создавший памятник П. И. Чайковскому на его могиле в Александро-Невской Лавре.

В 8 км от Чудово было имение Глеба Успенского — Сябриницы. Чермаки и Успенские были в родстве: младшая сестра, Леонтия Карловна, бабушка отца Владимира, была замужем за младшим братом Глеба Успенского — Иваном.

Каменские были прихожанами Успенского храма в Чудово. На Чудовском кладбище на берегу реки Керести в 1913 году был похоронен дед отца Владимира Андрей Васильевич, а в 1918 году упокоилась там и бабушка Леонтия Карловна.

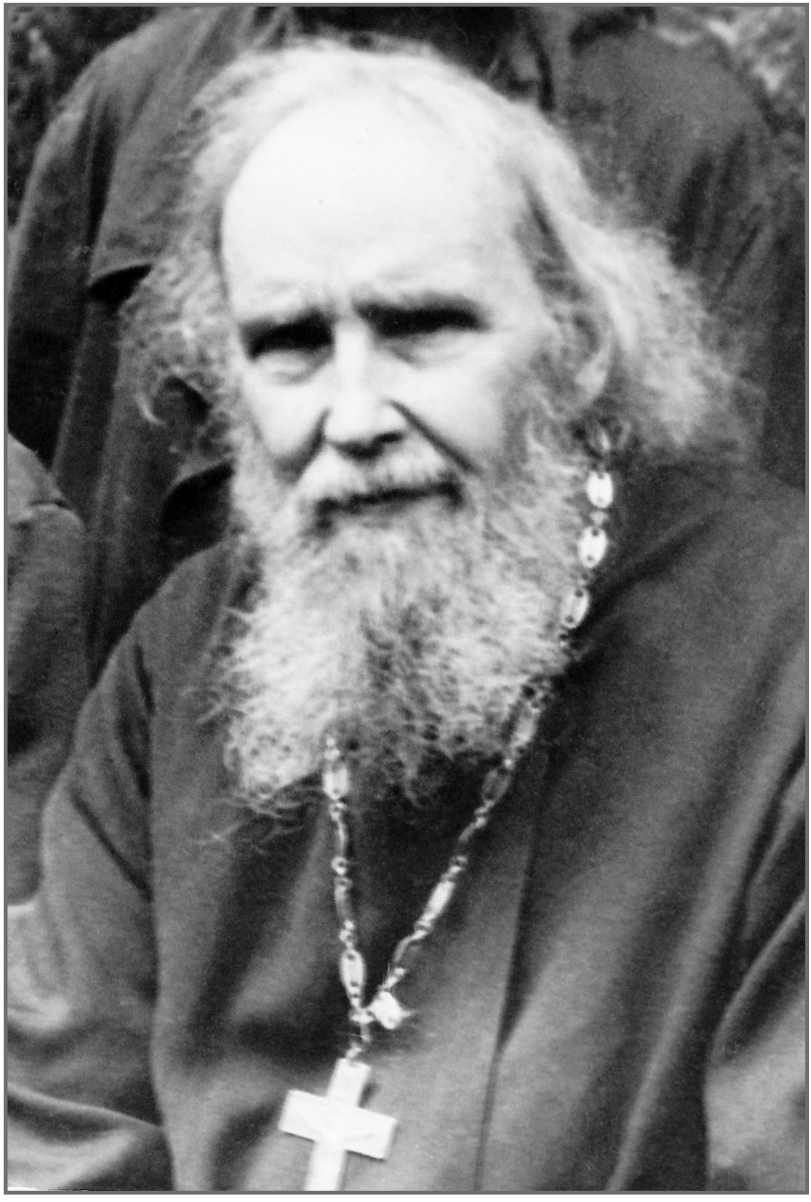
В 1914 году Владимир Андреевич Каменский окончил Тенишевское коммерческое училище в Санкт-Петербурге, затем обучался одновременно в Политехническом институте и на историко-филологическом факультете университета. Также он занимался в Академии художеств как вольнослу-

шатель, брал уроки у известного художника К. С. Петрова-Водкина, знал не менее семи иностранных языков. В 1930 году он — сотрудник I категории в Институте истории, науки и техники АН СССР и заведующий музеем института.

Одновременно работал старшим научным сотрудником в Государственном архиве. Результатом его трудов в этот период стала трехтомная монография, посвященная уральским заводам; защитил кандидатскую диссертацию, подготовил докторскую, написал книгу «Художники крепостного Урала», изданную в Свердловске в 1957 году.

С 1940 года начался крестный период его жизни: он был осужден по 58-й статье. Работая в Русском музее, Владимир Андреевич пытался сохранить святыни, привозимые туда из разных церквей, не только для хранения в запасниках, но, по негласному приказу, и для частичного уничтожения. О попытке сохранить личные вещи прп. Серафима Саровского (его подрясник, скуфейку) кто-то донес властям, и батюшка был арестован.

Его отправили в Воркутинские лагеря, на лесоповал. Поскольку он был слабого здоровья, приходилось ему там очень нелегко. Он думал, что оттуда не вернется. В лагере он пробыл пять лет, после вторичного ареста еще пять.



О. Владимир Каменский († 1969 г.)

Вернувшись из ссылки, по благословению митр. Ленинградского Григория (Чукова) он принял сан священника.

Первым приходом отца Владимира стала церковь Св. Троицы во Всеволожске. С самого начала своего служения батюшка снискал к себе огромную любовь прихожан. Человек, хотя бы раз услышавший или увидевший его, уже не отходил от него. Живя здесь, на земле, он был вне нашего земного существования.

Начиная с 1963 года стали часто меняться места служения, его отправляли то на дальние приходы, то, временно, в городские храмы. Отцу Владимиру приходилось служить в пос. Динамо, на станции Антропшино, на Охте, в Александро-Невской Лавре, в Спасо-Преображенском соборе, в селе Петрова Горка Лужского района, в Вырицкой Казанской церкви.

Целью этих переводов было намерение разлучить батюшку с преданной ему паствой, но духовные чада всюду следовали за ним. Наконец его перевели в Свято-Димитриевскую церковь в Коломягах. Этот храм стал последним его приходом.

В 1966 году митрополит Никодим назначил отца Владимира духовником Ленинградской епархии и Духовной академии.

Все эти переезды тяжело отразились на его здоровье, и 28 июля 1969 года, в день своего небесного покровителя св. равноап. князя

Владимира, отец Владимир отошел ко Господу на 73-м году жизни.

За этими сухими словами биографической справки — целая жизнь, главная мысль которой, как и его стихов — «жизнь каждой чтить живой души». Это напоминание о том, что главное в христианстве — любовь. Главным признаком того, что мы живем в последние времена, является именно оскудение любви. Отец Владимир жил любовью, дышал ею, изливал на все живое.

«Приидите, обедайте!»
(Ин. 21, 12)

Утро. Светлеет небо. Светлеют воды. Светлеют, выступают из утреннего тумана кусты, деревья и трава.

Костер на берегу. Хлеб и рыба у костра. Сам Господь приготовил. Любовь Его зовет возлюбленных: «Придите, обедайте!»

Ныне утро для вас, возлюбленные. Воссияло утро в сердцах ваших, разгорается в них утренняя заря Незакатного дня Господня. Любовь Его озарила их утренним чистым радостным светом, коснулась вершин их; в глубинах еще тьма.

Но свет восходит, лучи его проникают все глубже, глубже во мрак сердец ваших, тени бегут, торжествует свет. И Сам Господь зовет вас: ночь на исходе, утро, близится день...

Придите, обедайте!

* * *

...Я в этой жизни был Смоленский
для тех, кто спрашивал меня:
«Фамилья?», «Пол?», «Происхожденье?»
И «Срок?», и «Место обученья?»...
оставлю им я навсегда —
пускай хоронят мертвеца! —
когда оставлю эту жизнь,
уйду к Тому, Чье Имя — Жизнь,
в Ком навсегда всех тех, кому
Его открыл Он имена.

30 марта (12 апреля) 1952 г.

Мария Египетская

Мария, чудо — жизнь твоя:
и обращенье от греха,
и подвиг веры до конца,
сорокалетний труд терпенья,
борьбы с грехом в уединеньи,
чрез Иордан перехожденье,
в пустыне чудо-погребенье,
тобой приятое от льва.
Мария, чудо — жизнь твоя.
И чудо — лик твоей души,
отпечатлевшей навсегда
дар благодатный всепрощенья,
доступный только для смиренья,
неотпадающей любви.

* * *

...есть ум, присущий от рожденья —
дается всем;
и ум второй от наученья —
доступен всем;
и третий тем дается,
в том лишь, кто с умом,
ему присущим от рожденья,
приобретенным от ученья,
проходит узкий путь терпенья.

29 июля (11 августа) 1952 г.

* * *

...истоки многоводных рек —
ручьи, ключи и человек,
как полноводная река,
не от себя река, но многими подземными
ключами.
весенними, осенними дождями
по капле полнится река.
Так и душа:
не от себя
сила её
и полнота,
но многими она трудами,
болями многими, скорбями,
слезами ранними и поздними слезами
по капле полнится она.

* * *

...душа сосуд есть, и от нас
зависит, чем его наполнить —
веселья светлостью живой
иль едкой горечью, тоской.

* * *

...в путь уходя, не озирайся!
Уйдя, назад не возвращайся!

* * *

...много душ у тебя.
Но из них то одна,
то другая душа
вдруг просияет, как звезда,
огнем зажжется, как свеча.
«Вспомни меня!» — твоей душе
без слов напомнит о себе.

* * *

...лягушка, пригвожденная гвоздем
заржавленным к доске —
игрушка детской праздности, жестокости, тебе
припомнится. Боль, причиненная тобой...
еще, когда дохнет сирени аромат,
Припомнится младенца взгляд,
тебя, просившего с смиреньем,
когда ты нес букет сирени,
дать веточку! — взгляд детских глаз
и твой отказ,
припомнятся те юные года,
когда душа еще не вся в броню жестокости
закована была.
Еще... о, все,
все злое, темное твое
тебе припомнится тогда.

1949 г.

* * *

...стекляшки, камешки, цветные лоскутки... —
веселье жизни, жизнь младенческой души.
Нарушить их остерегись!
Чтить и хранить их научись!
С благоговеньем обойди
мирок младенца у стены
избушки маленькой семьи!
Под кровом всех
она объемлющей небесной синевы,
живой божественной любви,
под оком Вечности Святой,
что зрит, хранит,
жизнь каждой чтит
души живой.
Учись и ты
зреть, чтить, хранить
веселье жизни, жизнь
младенческой души...
...
...стекляшки, камешки, цветные лоскутки...
...
Жизнь каждой чтить
живой души!

1949 г.

* * *

...дитя, ракушка — не игрушка,
но домик, скользкая зверушка
от рук ловящих ускользнет,
в свой дом уйдет,
в свою ракушку.
Она от мира отлучится,
но с ним она не разлучится.
Лишь приложи к ракушке ушко,
в ней моря шум услышишь ты,
и рокот волн, и крики чайки,
и в перламутре изнутри
увидишь небо, облака —
отражена в ней волн живая красота —
как через малое оконце,
мир виден, радостно сияющий на солнце.
Душа, душа, в себя уйди,
от рук ловящих ускользни!
Уединись,
в себе от мира отлучись.
Чтоб с ним тебе не разлучиться,
чтобы услышать внутрь себя
живые мира голоса —
как речка подо льдом струится,
и гром громов,
и шум ветров,
орлиный клекот, крики чайки,
чтоб отразилась внутрь тебя
живая мира красота,
чтоб виден был бы для тебя,
как через малое оконце,
мир Божий, радостно сияющий на солнце.

Июль 1950 г.

Стих духовным чадам — подарок

Еффафа — отверзись. Душа жаждет просвещенья, томится во мраке неведения. Ждет рассвета.

«Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая.
Пускай перста твои,
промчавшися по ней,
пробудят в струнах звуки рая».

М. Лермонтов

Душа тоскует и ждет рассвета...
чутко насторожилась...
Удара пальцев струны ждут.
По струнам арфы пробегут,
и струны тотчас оживут
и издадут и гром, и звон, и запоют.
И в знойный день ни ветерка,
не шелохнет в лесу листва,
но лишь повеет, побежит
и отзовется, зашумит
душа твоя с тоскою,
каждая душа — живого ждет она,
когда оно в ней прозвучит,
и слух отверзется, уста,
да знает, слышит, ясно зрит,
благодарит она Отверзшего тогда.

Мир вам.

20 ноября 1961 г.

* * *

...Я одного для вас хочу
Я об одном о вас молю:
Чтоб образ Лепоты Нетленной,
в вас при твореньи впечатленной,
в сердцах бы ваших просиял,
весельем лица осиял,
чтобы возрадовались вы
всесветлой радостью любви,
любуясь отсветом в лице
друг друга чистой и лучистой
святой Нетленной Красоты.

1949 г.

* * *

...моя любовь зрит вас детьми.
Но ведь и Он нас зрит детьми.
И обратиться, стать детьми
Всем надлежит, чтобы войти
в чертоги те,
что лишь младенческой отверсты чистоте.

* * *

...навстречу ближнему пойдешь,
и на дороге, глядь, найдешь
благополучие свое.
А уклонишься, не пойдешь —
и под ногами, тут оно —
и не заметишь, не найдешь,
и мимо ты его пройдешь.

* * *

...есть две уловки сатаны:
принудить делать, что недолжно,
не допустить творить, что должно,
в свое «общенье» завести.

* * *

...лампадник вечер —
день преклонился — звезды свечи
уже вжигает в вышине.
Тогда — при бреге жизни стать
и тишине ночной внимать!
И очи устремить туда,
за звездный океан, куда —
настанет час — в последний раз
душа на берег жизни взглянет,
и от него она отпрянет
в последний путь свой навсегда.

1946 г.

* * *

...О ласточка! Ты вся — полет, движенье...
И ты, душа:
вся жизнь твоя — в любви стремленье.
Ты «не в себе», «ты не своя»,
когда не взлет
ты «не полет»,
в сетях греха
в оцепененьи...

1952 г.

* * *

...О милый друг!
Когда коснется сердца вдруг
нездешний свежести дыханье,
вмиг претворится в ней оно,
вмиг отбежали от него
боль и печаль, и воздыханья.
Все тяготившее его
вмиг позабыто, прощено.
И так легко ему, легко.

* * *

Я в этом теле как в гробу:
прийти на помощь не могу
к больному другу моему,
кто также в гробе заключен,
от милых сердцу отлучен.
В телах-гробах проходим срок,
Не зная срока заключенья,
Но знаем — каждому свой срок,
И все получим разрешенье.
В телах-гробах томимся мы,
Чтоб навыкали мы любви —
Любили тех, кто, как и мы,
В гробах томятся в заключенье.
Чтоб, получив освобожденье,
стать неразлучными любви.

* * *

...жизнь — уголь, брошенный в снега.
Он как звезда —
ночь, мрак вокруг, мороз — сияет.
Но снег теплом его оттает.
И вспыхнет он в последний раз.
И — след простыл, и свет угас.
И так: но много в ней
нести труда, терпеть скорбей.

* * *

Жизнь — светотень.
И ночь, и день
в душе. И день,
тем он светлей,
чем ночь темней.

* * *

...в мир войти лишь мы успели —
уходить уж нам пора.
Жизнь — за столь лишь гости сели —
Время встать из-за стола.

* * *

...Наполните сосуды водою! —
И наполнили их до верха.

Ин. 2, 7

...Вино хорошее сперва,
Потом же худшее, когда
напьются гости. А душа
веселье ощутит тогда,
скорбей когда
вся чаша выпита до дна.
И душ сосуды до верха
наполнит слезная вода...
и вот в вино претворена...

* * *

...будь как подсолнечник!
Не только будь под солнцем!
Все мы под солнцем. Но всегда
да будет к солнцу лик твой обращен,
и светом осиян, и всем,
кто на тебя взирает, светит
и радует их светлостью, приятою от солнца.

* * *

...«фонд золотой» людей Твоих —
молитвы, подвиги святых
и слезы их.

1949 г.

* * *

...вдали от вас
приходит мысль:
нужны ль для вас
года мои уединенья,
дни непрестанного терпенья
в всегдашней памяти о вас.
И снова мысль:
когда-нибудь —
и, может быть,
тогда окончится мой путь —
то, что сокрыто, далеко,
и то, что кажется ненужным,
и близким станет вам, и нужным,
живым окажется для вас.

1946–1960 гг.

* * *

...Господь мой, Бог мой!
Не за себя
простить меня
молю Тебя.
О, знаю, помню я себя,
все злое, темное мое.
Не за себя
молю Тебя.
Твоими язвами их язвы исцели,
тех, кто их в жизни понесли
за злобу, за грехи мои!
Боль утоли, слезу отри!
От смертной тьмы
унынья в свет,
в радостный свет
Твой воскреси!

1949 г.

* * *

Все течет, ничто не пребывает
Гераклит

...не жалей ни о чем,
что прошло
в этой жизни ущербно-текучей,
что прольется сама,
не оставив следа,
как поток неумолчно-гремучий.
И прольется, и нет.
И на всем, что ея, есть ущербности след,
мимолетности рок неминучий.

1949 г.

* * *

Теперь по деревням уже не водят медведей!
В. Гаршин. «Медведи», 1883 г.

...а ну-ка, Миша, попляши!
А ну, топтыгин, посмеши
народ честной!
Нам покажи,
как бабы ходят за водой!
Из-под палки пляши
на цепи и смеши,
Медведь голодный и слепой!
А им нет дела и не понять —
в глуши лесной
медведица-мать,
сестрицы, братцы под сосной,
где мхи и шепоты листвы,
и хвойный шум,
родимый шум...

А когда тропкою лесной
его мучитель поведет,
нарочно в бубен громко бьет,
чтоб шум родной не услыхать
и горя горького бежать.
Из-под палки пляши
на цепи и смеши,
медведь голодный и слепой!
...
И слышится вдруг стон глухой,
сквозь визг мальчишек
и смех толпы,
из надорванной горем косматой груди.
...
Из-под палки пляши!..

11 (24) июля 1951 г.

* * *

...На берегу Леденки я
под елью — маленький, дитя.
И вижу я в реке себя.
И мне таинственной тогда
казалась глубина ея.
Потом узнал я, что река
есть «аш два о». И «це о два» —
я верил — дерево. И я
забыл, как у реки тогда
пред Тайной мира был дитя.
И вот пред нею снова я,
И уж не верю больше я
Ни в «аш два о», ни в «це о два».

И скоро-скоро уж меня
Покроет, плоть мою, земля.
И я такой, как был тогда,
И снова Тайна — навеки Тайна,
которой имя Жизнь, и я,
как у реки тогда, дитя
Под елью у корней, пред Ней
благословить хотела мать
крестом меня,
И не хотел я крест принять.
Я верил — «аш два о» — река,
и ель над речкой — «це о два».
И с этой верой в жизнь вступать
И жизнь прожить! И жизнь прошла,
нет «це о два», ни «аш два о»,
и без следа оно прошло...
Но не прошла любовь твоя,
И молит бедная душа —
она жива еще, она
все та же, что была тогда —
в твою любовь ее принять.
О, если б снова услыхать
живые те любви слова,
таким опять,
каким в любви твоей был, стать!
О, если б снова жить начать
и на себя тот крест подъять,
которым в жизни путь тогда
благословила ты меня.

Апрель-май 1952 г.

Старой няне

На закате в сиянье в просвете окна
я увидел в тот вечер, родная, тебя.
Твой уж к закату день склонялся,
а мой лишь только начинался,
и ты спросила у меня:
«Когда уйду отсюда я,
будешь ли помнить ты меня?»
И вот и мой уже склонился,
а твой давно уж закатился
день жизни к западу... а я
все помню и люблю тебя,
как в те минувшие года...
И лик твой снова вижу я,
как тогда на закате
в просвете окна,
и запомнил слова:
«Не забудешь меня?»
Как в те года — мнится, ты
вот-вот ушла,
а уж года
с тех пор прошли,
и жизнь прошла,
и ты давно-давно ушла —
как в те года,
так ясно вижу я тебя,
и так тобой душа полна,
как в час, бывало, расставанья —
ушла, и нет со мной тебя, —
но ты жива, тобой полна
моя душа, или когда
к тебе спешу, бывало, я.
И сердце ждет — тебя вот-вот
увижу — шаг и два — свиданье...

И снова сердце ждет: вот-вот
увижу ту,
чей в сердце лик всю жизнь ношу...
...
шаги последние иду.

* * *

«Жизнь есть блаженство»
Оптинский старец Варсонофий

...для уточки нырять и плыть
на утренней заре
в прудке —
блаженство.
И длинноносым куликам,
и длинноногим журавлям
в болоте шлепать, жижу пить
болотную — блаженство.
Весь день плескаться лебедям
в озерах и гусям —
блаженство.
Лететь —
всех птиц полет ее быстрей —
для ласточки — блаженство.
Для птички петь
в листве
на заре
и в траве
в небесах
в вышине
о счастье, радости — блаженство.
Взлететь в горах
и в облаках
парить

орлу — блаженство.
В воде быть, плыть
и пить
холодную, прозрачную
струю
для рыбы — радость и блаженство.
И сосунку
тигрицы, львицы и лисицы
у груди матери — блаженство.
И для младенца
у сердца матери — блаженство.
И сердцу быть
во Всеобъемлющей Любви,
в Твоей Любви
жить и любить — блаженство.

22 августа (4 сентября) 1952 г.

* * *

...в окно тюрьмы глядит прощальный,
такой печальный
предзакатный тихий свет.
И мальчик-вор, ему семь лет,
из песни воровской куплет
один с вниманьем напевает...
Ему та песнь напоминает
себя у матери. Она
его любила и молила
дитя — он не был вор тогда —
таким остаться навсегда,
каким он был в любви ея.
Молитв он знал
или не знал
тогда? — Не знает.

Но его молится душа
И песни воровской слова
с благоговеньем повторяет.
И в них душа его влагает
о жизни плач — мольбу загубленной
души...
И луч в окне
тюрьмы прощальный догорает.
И песнь его — известна всем она давно —
вокруг никто не замечает,
и только луч ей тот внимает,
и Тот внимает,
Кто посылает
свет солнца в темную тюрьму,
Кто в сердце бедное влагает
без слез мольбу...
— Уничтожать без сожаленья! —
Вещает тоном убежденья
благообразный и седой
(он тоже тут «по бытовой»!) —
Неисправимы все они.
И их таких теперь немало...
и у него в запасе сало,
и в сытом нет совсем сомненья:
— Уничтожать без сожаленья!..
И луч вечерний догорает,
и песне мальчика внимает,
и Тот внимает,
Кто посещает
их сердца темную тюрьму,
Кто в душу скорбную влагает
без слов мольбу...

25 декабря (7 января) 1952–1953 гг.

Из дневника о. Владимира

19 июня (2 июля) 1960 г. Гусенята с курицей. Плавают, а она на берегу. Является гусыня... Чьи гусенята? Курица бросается на гусыню, а стадо гусей фронтом наступает: га, га, га!

Чьи же гусенята? Той ли, что высидела, воспитала, но они ведь не поддаются; или той, от которой рождены?

Чьи: Того, Кто родил от воды и Духа, или тех, что уводят от воды, перевоспитывают?

Но ведь сами-то гусенята, как ни воспитывай, лезут в воду...

Плач коровы. Рассказ тети Дуни. У старушки никого. Жила одна со своей коровой. Корову сдала. Вдруг ночью мычанье за забором. Встала, видит — корова. Не догадалась: взяла палку, чтобы отогнать. Не отходит, жалобно мычит. Узнала, открыла калитку. Не входит. Взяла клочок старого сена, поманила. Пошла за ней. Остановилась, не входит в сарай. Опять поманила сеном. Покормила, напоила, подоила. Улеглась. Что же делать? Посоветовалась на утро. Надо объявить...

Явились с машиной грузовой... Ведь издалека пришла, за 30 км. Ведь нашла! Доро́гой, улицами нашла дом, свою хозяйку, только жалобно мычала. Не решалась, не решалась войти во двор, ни к себе в стойло. Что переживала ее душа?

Крестный ход в Коломягах. О. Владимир Каменский

А когда приехала машина и пошли брать ее, не шла. Когда хозяйка вошла, поманила — пошла за ней, вышла. Но когда подвела к машине, не шла. Ей пришлось подняться на машину самой. За ней вошла ее корова. Села хозяйка, положила корова голову свою на колени к ней, облила их слезами.

— «По чуждем не идут, яко не знают чуждего гласа» — вспомнились мне слова из Евангелия, — сказала тетя Дуня. — А когда мне всучили деньги за корову 5 тысяч, сказала я им: «Не надо мне ваших денег. “Это” вы даете взамен, “этим” думаете вы расплатиться!»

Сердце животного бессловесного — и то чует: не знает оно чуждого гласа, не идет вслед чуждому.

Заключение

Чувство благоговения, которое испытываю я ко всем людям, судьбы и поучения которых, собранные из различных источников, представлены в этой книге, хочу выразить словами современного духовного писателя — архимандрита Рафаила (Карелина) из его книги «Тайна спасения»:

«...Господь дал мне возможность, которая уже не сможет повториться: встречи и общение с людьми, стяжавшими то, что потерял наш праотец — благодать... Они имели то, о чем позабыл мир, что так трагически потеряло человечество — святость.

Я ощущал силу их молитв, проникновенность слов, и в то же время, как это ни странно, не дорожил встречами с ними, встречами, которые и по сей день остаются величайшим событием в моей жизни. Я думал, что они будут всегда, что общение с ними не дар Божий, а обыденность и повседневность.

...Старец, стяжавший благодать, хочет поделиться ею, он радуется, если находит душу, способную принять это сокровище, радуется так, как будто приобретает сам.

...Им приходилось говорить с людьми на их детском языке, а самого сокровенного передать они не могли. Древние отцы как бы продолжали жить в своих учениках, а эти старцы уносили сокровище, которое стяжали, с собой в могилу, отдав людям лишь самую малую его часть, потому что удержать больше те не могли...

По сравнению с ушедшими старцами даже лучшие из монахов нашего времени похожи на угли, тлеющие в золе. Сегодняшние наставники не имеют силы ушедших. Дух мира в большей степени тяготеет над ними, но и около них можно спастись. Когда же уйдут и они, в мире станет еще темнее и еще холоднее, и многие с горечью скажут им вслед: “Почему, почему мы не взяли от них те крохи, которые они имели?”»

Составлено по изданиям:

1. Блаженные старицы Пюхтицкого Успенского монастыря. Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1997.
2. Пюхтицкая обитель и ее блаженная старица монахиня Екатерина. Пюхтицкий Ставропигиальный женский монастырь, 2014.
3. *Л. С. Запарина*. Непридуманные рассказы. М.: Изд-е храма Державной иконы Божией Матери, 2004.
4. Светильник под спудом. СПб.: «Воскресенье», 2001.
5. Дневник и поучения иеромонаха Петра Серегина. М., «Святослав», 1998.
6. *О. Маркелов*. Между светом и тьмой. СПб.: Царское дело, 2002.
7. *М. Я. Парменов-Зингер*. Памяти Нины Михайловны Титовой; Н. М. Титова. О великой милости Божией // «Православный летописец Санкт-Петербурга», № 29. СПб., 2007.
8. Святой праведный старец Феодор Тюменский. М., 2003.
9. *Ольга Рожнева*. Летчица // «Вера-Эском», вып. 19, № 621, 2010.
10. Журнал «Дивеевская обитель», № 4, 2015.
11. Дивеевский православный календарь-сборник, 2006.
12. Газ. «К свету». № 7–8. Изд. Псково-Печерского монастыря.
13. Петербургский батюшка // «Отчий дом», М., 1997.

14. Таинственная книга. Изд. Псково-Печерского монастыря, 1999.
15. Православный церковный календарь на 2004 г. Изд. Псково-Печерского монастыря, 2003.
16. «Колокольчик», № 47. Изд. Псково-Печерского монастыря, 2005.
17. Старец Симеон Псково-Печерский. Сост. схимон. Евстафия. Изд. Сретенского монастыря, 2003.
18. Старец Симеон. Изд. Московского подворья Псково-Печерского монастыря, 1995.
19. В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельника). М.: «Отчий дом», 2001.
20. «Русский паломник», № 4. Валаамское обще- ство Америки. М., 1991.
21. Прекрасен лик страданьями очищенной души. СПб.: «Воскресение», 2007.
22. Сборник стихов о. Владимира Каменского (машинопись). Начало 70-х гг. Точная дата неизвестна.

Александра со своими подопечными

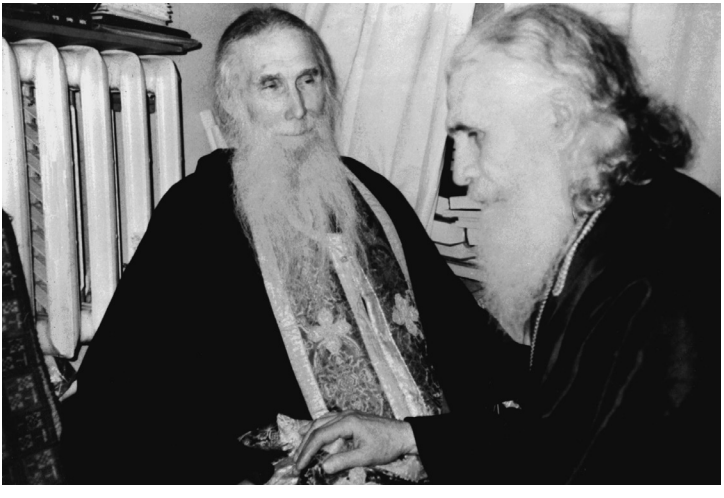
В келье за работой

Владыка Алексий и внучки о. Петра (белые платочки)

Встреча крестного хода

о.Пётр с владыкой Сергием Голубцовы

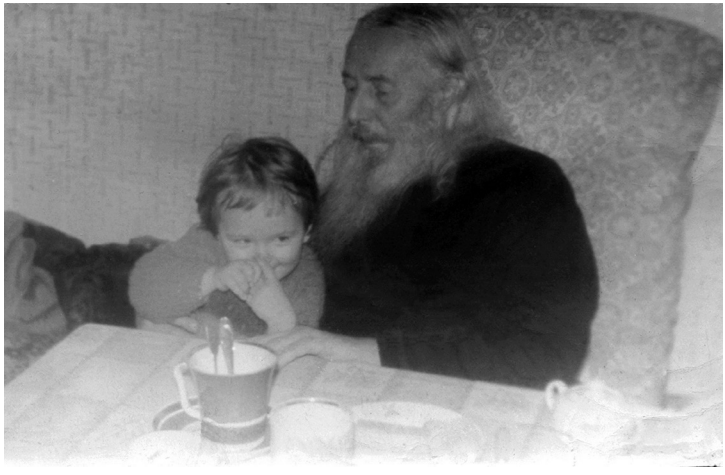
м.Любовь, о.Пётр, м. Викторина, м. Зиновья, м. Паисия



о. Василий Лысак и о. Кирилл Павлов

о. Василий с внучкой о. Петра Наташей

О. Василий с матушкой Лидией



С внуком Василием

С Зоей Михайловной

С игуменьей Ангелиной

С о. Василием Лысак

Се аз и дети мои

Автор-составитель А. Малышева

Корректура — Р. Б. Рудницкий
Верстка — Л. В. Васильева

Адрес редакции: 196084 Санкт-Петербург,
ул. Цветочная, д. 16.
e-mail: letopisets@mail.ru
По всем вопросам о приобретении
обращаться по тел.: (812) 387-04-11.

Подписано в печать 22.03.2017. Формат 84 × 108 1/32
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Заказ № 841
Отпечатано в ООО «Контраст»
129029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38
тел. (812) 677-31-19, e-mail: ooocontrast@yandex.ru